J83
82

ПСОВАЯ ОХОТА

ПСОВАЯ ОХОТА

ВООБЩЕ.

ПСОВАЯ ОХОТА

ВООБЩЕ,

Ф 1-81
10461

СОСТАВЛЕННАЯ

СЛУЖИВШИМЪ ГОСУДАРЕВЫМЪ СТРЕМЯННЫМЪ

ВЪ

ПРИДВОРНОЙ ОХОТѢ,

А. Вѣнцеславскимъ,

ЧЛЕНОМЪ-КОРРЕСПОНДЕНТОМЪ СПЕЦІАЛЬНОЙ КОММИССІИ КОННОЗАВОДСТВА И КОРРЕСПОНДЕНТОМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО-ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

СЪ КАРТИНАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО КНИГОПРОДАВЦА **ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА**, ВЪ ГОСТИННОМЪ ДВОРѢ, ПО СУКОННОЙ ЛИНІИ, ПОДЪ № 17.

У НЕГО ЖЕ **ПОЛЯКОВА** ПРОДАЮТСЯ КАКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ, ТАКЪ И ПРЕЖДЕ ИЗДАННЫЯ КНИГИ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ НАУКЪ. ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Ноября 1-го дня 1847 года.

Цензоръ *А. Никитенко* и *С. Куторга.*

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
ф-265-42

Въ типографіи военно-учебныхъ-заведеній.

2007056765

БИБЛІОТЕКА
ПОГАШЕНО

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Никитѣ Всеволодовичу

ВСЕВОЛОЖСКОМУ,

Господину въ должности Гофмейстера, двора Его Императорскаго Величества, Члену Мануфактурнаго Совѣта и Члену Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества.

Отъ служившаго въ Придворной охотѣ Государевымъ Стремяннымъ, Члена-Корреспондента Спеціальной Коммисіи Государственнаго Коннозаводства, и Корреспондента Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества Александра Вѣнцеславскаго.

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОКАГО УВАЖЕНІЯ И ДОЛЖНОЙ БЛАГОДАРНОСТИ СТАРАГО ПОДЧИНЕННАГО.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОБЪ ОХОТѢ ВООБЩЕ.

Стран.

Раздѣленіе охоты на псовую и ружейную. Сравненіе сихъ охотъ между собою 1
Псовая охота 3
Охота (полеванье) имѣетъ свою тактику. 10
Заяцъ, лисица, волкъ 16
Садка. 23
Пороша 27
Охота на волковъ 29
О волкахъ-людоѣдахъ 36
О духовыхъ собакахъ и объ охотѣ на медвѣдей 40
Объ охотѣ на лосей. 46
Охота за дикими козами по насту. 48
Охота на выдръ 52
Объ охотѣ на кабановъ (вепрей) 58
Объ охотѣ на рысей 61
Охота на волковъ ночью съ поросенкомъ 63
О притравахъ на волковъ и стрѣляніе ихъ изъ ружей 67
Составленіе псовыхъ охотъ и выборъ охотничьихъ собакъ по мѣстности 70
Полеванье и правила производить охоты, начиная съ первыхъ полей и далѣе 75
Притравливаніе охотничьихъ собакъ къ красному звѣрю 80
Таксы и охота съ ними на лисицъ и барсуковъ. 80
Охота совъ на зайцевъ 92
Борьба медвѣдя съ кабаномъ 96
О войнѣ волковъ съ собаками въ сумеркахъ 97
О воспитаніи щенковъ вообще всѣхъ породъ собакъ 100
Лучшія пособія отъ чумы у собакъ 102
Примѣрный составъ псовой охоты и способъ содержанія ее . . . 104
Лучшее вооруженіе псовыхъ охотниковъ 105
Устройство псарныхъ дворовъ 106
Терминологія псовой охоты 107

ОБЪ ОХОТѢ ВООБЩЕ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ОХОТЫ: НА ПСОВУЮ И РУЖЕЙНУЮ, СРАВНЕНІЕ СИХЪ ОХОТЪ МЕЖДУ СОБОЮ.

Опредѣлять: что такое охота—было бы дѣломъ если не излишнимъ, то почти не нужнымъ. Она не есть наука, о которой можно бы читать лекціи положительныя, неизмѣнныя, а страсть, извѣстная сердцу только однихъ охотниковъ. Но имъ и безъ опредѣленія все понятно: для нихъ при словѣ: охота, вся теорія—если только охота можетъ имѣть теорію—и практика, главное условіе охоты, не опредѣляется въ сухихъ, безжизненныхъ словахъ; но рисуются въ воображеніи ихъ картинно, восторженно, и всегда почти не разлучно съ воспоминаніями различныхъ случаевъ, восхитившихъ ихъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Страсть эта не можетъ быть подвергнута осужденію: она столько же благородна, какъ любовь къ музыкѣ и къ живописи; это—любовь къ поэтическимъ картинамъ, выражающимъ быстроту, гибкость и ловкость.

Охота раздѣляется на два главные вида: псовую и ружейную; или охоту съ борзыми и гончими, и охоту съ ружьемъ и лягавою собакою (*).

Псовая охота можетъ привести къ восторженности въ высшей степени, увлекать до самозабвенія; ружейная составляетъ удовольствіе, болѣе умѣренное, хотя впрочемъ тоже доходящее до восхищенія. Случалось свалиться съ лошади по уши въ снѣгъ, но все не переставать отъ души восклицать: *ату его*! *ату его*! точно такъ же, выкарабкиваясь изъ трясины, и освободивъ одну ногу, когда другая ухо-

(*) Охота бываетъ съ гончими и ружьемъ (въ лѣсистыхъ мѣстахъ); съ одними борзыми (въ степяхъ); съ однимъ ружьемъ, какъ напримѣръ: на медвѣжьихъ осокахъ, или въ позднюю осень въ узерку.

дитъ по поясъ,—протяжно полутономъ произноситъ: тубо, Гарсонъ! тубо, Трезоръ. Обѣ охоты увлекательны; но охота псовая, безспорно, стоитъ выше ружейной: первую можно назвать поэзіей въ своемъ родѣ, тогда какъ другая—чистая проза. Въ этомъ легко убѣдиться изъ бѣглаго взгляда на оттѣнки той и другой: мчаться на лихомъ конѣ—картина; скачъ борзой собаки—другая; угонка звѣря, рисующаяся Гогартовской линіей—третья; гоньба стаи гончихъ—музыка, сладостная для слуха охотника, а это еще далеко не все.

Наслажденіе охотника съ лягавою собакой—болѣе прозаическое. Начну съ наряда егерьскаго: ягташъ, патронташъ, различнаго устройства дробовики, пороховница, пистонница и другія мелочи, хотя, при хорошихъ болотныхъ сапогахъ и дорогомъ ружье, и рисуются своей пестротой, но все вмѣстѣ отзывается немного тяжестью; самая охота, гдѣ егерь, ввѣряясь чутью своей собаки, долженъ слѣдовать за нею неотступно и слѣдить постоянно за ея движеніями, уже обнаруживаетъ какую-то утомительность; если не безпрестанныя, то весьма частыя, а иногда и съ сердцемъ произносимыя восклицанія: zurük, ici! и тому подобное, показываютъ нѣкоторое безпокойство.

Удовольствіе егеря на охотѣ, зависящее отъ собаки, которая, прихвативъ чутьемъ птицу, подводитъ на авансахъ, переставляя осторожно ногу за ногой, хотя и дѣлаетъ этимъ картину живописною, но нерѣдко оканчивается тѣмъ, что, если послѣ выстрѣла птица не попала въ ягдташъ, одинъ, другой и третій разъ, то ужъ Трезоръ не смѣй итти домой впереди хозяина, а слѣдуй, поджавши хвостъ, назади, и, вмѣсто, того чтобы по прежнему порядку получить во время обѣда кусочекъ хлѣба изъ рукъ своего господина, изволь лежать на кухнѣ подъ столомъ, или же если не совсѣмъ вышелъ изъ милости, съ грустной мордой облизывайся около стола, ожидая каждую секунду пріятнаго приказа: пошелъ вонъ!

Незавидна въ этомъ случаѣ участь Трезора, тогда какъ Голубка или Доскачь, и не поймавъ русака въ полѣ; но распотѣшивъ своего барина лихими угонками, имѣютъ право, поѣвши досыта, небрежно разбросаться на любомъ диванѣ, даже въ самыхъ богатыхъ и опрятно убранныхъ ком-

натахъ своего барина. Вотъ различіе псовой и ружейной охотъ! Не говоримъ уже о томъ, что самая стать борзой собаки выигрываетъ передъ лягавою: это благородное легкое животное, въ которомъ, кажется, каждый членъ вымѣренъ циркулемъ, мясо вывѣшено золотниками, стоя на цыпочкахъ, какъ бы едва касается поверхности земли; тогда какъ лягавая собака, какъ бы ни была хороша и красива, все тяжела, и стать ея не можетъ выражать ни легкости, ни быстроты борзой собаки.

Псовая охота, которую мы избрали предметомъ настоящей книги, производится, какъ сказано выше, двумя родами собакъ: гончими и борзыми. Мы будемъ говорить въ подробности о каждой изъ нихъ; сперва разсмотримъ гончихъ, породы ихъ съ показаніемъ лучшей, составъ стаи, наѣздку стаи, искусство доѣзжачаго; потомъ перейдемъ къ борзымъ и ихъ породамъ. Поговоримъ о высвориваніи борзыхъ, о сворѣ, борзятникѣ (стремянномъ) и искусствѣ стремяннаго. Затѣмъ мы покажемъ, что и охота имѣетъ свою тактику.

—

ПСОВАЯ ОХОТА.

I. О ГОНЧИХЪ СОБАКАХЪ.

а) *Породы гончихъ.*

Самое названіе гончихъ уже обнаруживаетъ назначеніе этихъ собакъ. Породы ихъ многообразны; извѣстнѣйшія изъ нихъ: англійскія, костромскія и курляндскія. Каждая изъ этихъ породъ отличается особеннымъ своимъ достоинствомъ, зависящимъ большею частію отъ характера охоты той страны, которой онѣ принадлежатъ. Напримѣръ Англія, гдѣ удовольствіе отъ гончихъ состоитъ въ томъ, чтобы онѣ, поднявъ звѣря, не гнали его въ голосъ, а мчали,—гончія собаки неминуемо должны отличаться особенно своими ногами. Тамъ все этому соотвѣтствуетъ; подъ охотниками прекрасные и быстрые кони; страна, сравнительно съ другими, не такъ лѣсиста, разумѣя это въ охотничьемъ смыслѣ;

безпрестанные отъемы: и звѣрь и гончія почти всегда на виду.

Музыкальнаго нашего порсканья тамъ нѣтъ; большею частію поднимаютъ звѣря въ молчанку, и, погнавъ его, за стройной гоньбой собакъ не наблюдаютъ, а летятъ на быстрыхъ своихъ коняхъ за звѣремъ до тѣхъ поръ, покуда онъ не уйдетъ, или, выбившись изъ силъ, попадетъ въ зубы гончимъ; и потому собаки тамъ, гоняя часто на взрячь звѣря, не имѣютъ такого особеннаго чутья, какъ курляндскія гончія, и тѣхъ чудныхъ голосовъ, которыми отличаются костромскія собаки.

Лучшая порода гончихъ въ нашихъ мѣстахъ для псовой охоты, безспорно та, которая соединяетъ паратость (быстроту ногъ и силу), съ хорошими голосами.

Это условіе у насъ достигается тѣмъ, что мѣшаютъ англійскихъ съ костромскими гончими и получаютъ породу, которая если и не совсѣмъ соединяетъ въ себѣ эти достоинства, то весьма и весьма удовлетворительна.

б) *Составъ стаи.*

Слишкомъ большая стая имѣетъ тѣ неудобства: 1) что трудно набирать собакъ одинакого достоинства; 2) трудно наѣздить большую стаю и управлять ею во время полеванья; 3) что въ слишкомъ большой стаѣ нѣтъ никакой надобности: а если и встрѣчаются случаи во время большихъ охотъ, гдѣ хорошо было бы имѣть въ напуску лишній десятокъ гончихъ, то лучше составить двѣ стаи, и тутъ получается та выгода, что напускъ съ двухъ сторонъ дѣйствительнѣе и не дастъ успуть и замѣшкаться звѣрю въ острову. Вообще же число гончихъ въ стаѣ должно ограничиваться благоразумнымъ расчетомъ; ибо всякая лишняя собака требуетъ и лишняго на нее расхода; а потому должно соображаться съ мѣстностью: гдѣ болѣе открытыя мѣста, т. е: безпрестанные отъемы, лѣса небольшіе и по всѣмъ направленіямъ удобопроѣзжаемые, тутъ десятокъ, другой, третій гончихъ, и уже стая весьма удовлетворительна.

в) *Наѣздка стаи.*

Наѣздить стаю молодую не легко, а составленную изъ старыхъ собакъ почти не возможно. Гончая собака груба,

и если она уже набалована, то арапникъ пустое и напрасное средство; одна осина только исправлять можетъ въ этомъ случаѣ набалованную гончую.

Наѣзжаютъ гончихъ по чернотропу, и лучшее время для этого ранняя весна. Если въ стаю поступили молодыя гончія, то надобно имѣть большую осторожность, дабы изъ числа старыхъ гончихъ не были взяты на полѣ тѣ, которыя перечатъ или по воронамъ гоняютъ поднявши чутье кверху; или же не испытано вѣжливы, — дабы, вмѣсто звѣря, не погнали по баранамъ; лучше взять двадцать небывалыхъ въ полѣ гончихъ и двѣ старыхъ, да надежныхъ, чѣмъ двадцать посредственныхъ и нѣсколько молодыхъ. Разумѣется, до выѣзда въ поле стаи, надобно ее приготовить: знать рогъ, знать голосъ своихъ доѣзжачихъ, быть мертво послушными къ слову—стоять! это достигается у корытъ во время кормки, гдѣ имъ азбука сначала напгрывается рогомъ, а чаще арапникомъ; но всего лучше, если онѣ будутъ знать и слушаться слова.

Во время наѣздки распредѣлять полями надобно такъ, чтобы собакъ старыхъ съ лежки, а молодыхъ съ непривычки не подбить на первой порѣ; въ первые напуски должно собакамъ давать полную свободу, дабы молодыя гончія вразумлялись своему дѣлу; а то эти безпрестанныя сзыванья въ рогъ нерѣдко портятъ, да и весьма портятъ дѣло; нужно быть снисходительнымъ въ первое время къ молодымъ собакамъ, и не смотрѣть на то, что иная спрячется подъ кустъ; тутъ какъ можно ласковѣе нужно обходиться съ молодыми гончими, и не арапникомъ подваливать собаку къ стаѣ, какъ это въ частую водится, но умѣть подвалить ее безъ принужденія; все зависитъ отъ сноровки доѣзжачихъ.

г) *Доѣзжачій.*

Человѣкъ, ѣздящій съ гончими, называется доѣзжачимъ. Необходимыя физическія качества доѣзжачаго должны заключаться: въ чистомъ звонкомъ голосѣ, прекрасномъ ухѣ, вѣрномъ и зоркомъ глазѣ. Голосъ доѣзжачаго необходимъ ему и для того, чтобъ музыкальнымъ своимъ порсканьемъ веселить посѣтителей, если они бываютъ на охотѣ, и, главное, задѣвать ретивое гончихъ, которыя, при искусномъ порсканьи доѣзжачихъ, какъ-то охотнѣе и усерднѣе разбираютъ

слѣдъ и горячѣе добираются къ звѣрю. Ухо доѣзжачему столько же нужно, какъ хорошему музыканту, дабы онъ могъ различать въ отдаленности гоньбу гончихъ: кто ведетъ переда? почемъ именно? добираются ли? или гонятъ по горячему.

Безъ вѣрнаго и зоркаго глаза доѣзжачій также не можетъ быть; ему надобно видѣть впереди и сзади: почемъ гонятъ собаки, какія именно; матерой или прибылой звѣрь. Также, если иной разъ мелькнетъ въ лѣсу черезъ дорогу заяцъ или другой звѣрь, доѣзжачій долженъ, называя гончихъ по горячему, направлять ихъ безъ ошибки на слѣдъ, и тому подобное.

Искусство доѣзжачаго должно его отличать тѣмъ, чтобъ онъ щеголялъ знаніемъ всѣхъ своихъ собакъ, по достоинству каждой; чтобъ умѣлъ такъ пріучить къ себѣ собакъ, чтобъ онѣ его любили и боялись.

Во время напусковъ давать такое направленіе аттакѣ гончихъ, чтобъ онѣ звѣря не погнали туда, гдѣ ни одинъ стремянной или не увидитъ его, или не можетъ съ удобствомъ травить: поэтому доѣзжачій долженъ съ перваго взгляда, подъѣхавши къ острову, умѣть оцѣнить его: что въ немъ можетъ быть и куда звѣрю приходится бѣжать при напускѣ гончихъ? Разумѣется, съ этимъ достоинствомъ доѣзжачій не родится; и все искуство его—дѣло практики, дѣло опыта.

II. о борзыхъ собакахъ.

Борзая собака нами уже частію обрисована въ сравненіи псовой охоты съ ружейною; но здѣсь мы должны прибавить, что истинный въ душѣ охотникъ любитъ только ту борзую, которая заслужитъ его расположеніе своею рѣзвостью (лихостью въ угонкѣ звѣря); рѣзвая собака всегда памятна и имѣетъ полное право доживать у своего хозяина до послѣдняго зуба. Оно и весьма естественно: всякая вѣрная и усердная служба должна вознаграждаться, а въ особенности такая, какую опредѣлила природа борзой собакѣ—натянуть до послѣдняго усилія всѣ жилы, лишь бы угнать звѣря и позабавить до восхищенія своего барина. Поэтому главное достоинство борзой собаки есть ея рѣзвость, или, говоря болѣе обыкновеннымъ словомъ — прудкость. Качество сіе

многими охотниками къ борзымъ различно понимается; и потому мы въ послѣдствіи постараемся объяснить, въ особой статейкѣ, не обижая ни одной изъ породъ борзыхъ собакъ, что называется рѣзвостью борзой.

а) *Породы борзыхъ.*

Капитальныя породы борзыхъ суть: русская или псовая; англійская или хортая, и крымская или степная; мы потому это говоримъ, что есть еще: горскія (на Кавказѣ и въ Шотландіи), турецкія, аравійскія, молдавскія и, пожалуй, польскія. Всѣ исчисленныя здѣсь породы борзыхъ имѣютъ весьма большіе оттѣнки между собою и въ наружности, и по собственному ихъ внутреннему качеству, которое охотники различаютъ тѣмъ, что иной разъ говорятъ: коли въ мѣру побѣжалъ русакъ, то Сибирь (кличка собаки) какъ изъ пистолета поволокъ зайца; въ другой разъ вы услышите: Модестка хороша и рѣзва; но нуженъ ей просторъ, чтобъ не ушелъ безъ угонки зайцъ, и тому подобное вообще о каждой изъ упомянутыхъ породъ. Мы скажемъ здѣсь кратко; ибо будемъ имѣть случай различить ихъ гораздо подробнѣе въ статьѣ о томъ, какъ должно понимать рѣзвость борзой собаки; а здѣсь ограничимся тѣмъ, что хвалимъ и русскую борзую и англійскую и крымскую. Изъ прочихъ же борзыхъ собакъ заслуживаютъ особенное вниманіе охотника аравійскія и турецкія; онѣ столь рѣзвы, зорки и сильны на дальнее разстояніе, что со сворой, составленной изъ этихъ собакъ, можно всегда возвращаться съ непустыми тороками.

б) *Какая лучшая борзая собака?*

На это можно отвѣчать различно: степной охотникъ не разстанется съ своей крымкой; русскому помѣщику-охотнику необходима псовая борзая, ибо въ мѣстѣ, гдѣ ему чаще приходится травить, ладонями можно измѣрить квадратное содержаніе площадокъ (полянокъ). Разумѣется, самая лучшая борзая собака есть та, которая и рѣзва на первыхъ порахъ, и имѣетъ силу потянуть въ даль; съ подобными достоинствами въ точности борзая эта собака въ натурѣ не существуетъ, хотя идея создаетъ и заставляетъ добывать подобныхъ собакъ; но это все жажда охотниковъ; и смѣ-

шивая разнородныя породы, они тѣмъ переводятъ настоящія коренныя, а вымѣсокъ, не удовлетворяя вполнѣ одной, далеко не обнаруживаетъ достоинства другой. Такъ, смѣшивая по идеѣ чистую псовую съ чистою крымкою, думаютъ получить собаку, которая будетъ соединять въ себѣ качества обѣихъ породъ; но часто напрасно бываютъ эти старанія и получаютъ по большей части, въ полномъ смыслѣ ублюдки.

в) *Высвориваніе борзой собаки.*

Высворить борзую матеріально значитъ: пріучить собаку умѣть хорошо ходить на сворѣ, то есть не тянуться впередъ, не заставлять тащить себя стремянному, понимать аллюръ лошади, такимъ образомъ, что если прійдется перескакивать звѣря, то чтобъ борзая умѣла скачъ свой уравновѣшивать съ маршмаршемъ лошади, и тому подобное; все это легко можно сдѣлать съ молодою борзою, и въ особенности, если при воспитаніи борзыхъ щенковъ обращается на это вниманіе. Конечно, хотя это таскапье борзой на сворѣ есть и зло въ своемъ родѣ, ибо собака, не имѣя полной свободы, утомляется преждевременно, но это въ иныхъ случаяхъ даже необходимо; напримѣръ: при охотѣ вмѣстѣ съ гончими, гдѣ борзая, будучи жадна ко всему бѣгущему, могла бы портить дѣло стремяннаго; такъ-что заяцъ, или лисица, едва показавшись изъ опушки, были бы тотчасъ аттакованы борзою безъ всякой удачи.

Все это, какъ мы выразились, значитъ высворить борзую матеріально; но есть еще другое высвориваніе, которое гораздо выше, важнѣе и дороже перваго, именно то, въ чемъ заключается щеголеватость каждаго искуснаго стремяннаго: высворить борзую такъ, чтобъ она безъ своры была вѣжлива, находилась постоянно у стремяни, имѣя полную свободу поворачиваться въ любую сторону, была бы всегда внимательна къ своему стремянному, такъ что если иной разъ подъ островомъ пришлось нежданно поперхнуться, то чтобъ борзая тотчасъ подняла ушки на макушку, ожидая каждую секунду: ату его!

г) *Свора.*

Сворой называется тотъ сыромятной ремень, на которомъ обыкновенно стремянный держитъ борзыхъ; но не объ рем-

нѣ идетъ дѣло; подъ словомъ свора разумѣть должно, какъ для лучшаго успѣха относительно травли, составлять эту свору, принимая въ соображеніе: и мѣста, гдѣ предстоитъ полеванье, и звѣря, котораго чаще приходится травить. Такъ напримѣръ: въ степи крымскія борзыя способнѣе, чѣмъ псовыя, и на оборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ крымкѣ нѣтъ раздолья, псовая борзая будетъ даже необходима. Относительно же звѣря, который чаще попадается въ зубы борзымъ, должны быть приняты въ расчетъ: и волкодавы, и лисичья борзая, и чисто заячья; ибо за весьма большую рѣдкость и драгоцѣнность должно считать ту борзую, которая, угоняя отлично зайца, была бы жадна къ лисицѣ, и смѣло и ловко брала волка; и потому свора, какъ у насъ принято составлять ее, изъ двухъ борзыхъ, есть дѣло не безусловное, а зависящее отъ показанныхъ выше обстоятельствъ. Вообще, можно сказать, что если имѣются борзыя разныхъ породъ и качествъ, то лучше имѣть въ сворѣ такую пару борзыхъ собакъ, чтобъ одна была отлично рѣзва на короткѣ, другая же имѣла силу потянуть въ даль, также чтобъ одна изъ нихъ была жадна къ красному звѣрю; ибо иначе удовольствіе весьма ограничено будетъ, если прійдется затравить пары двѣ русаковъ, а лисица, попавшись въ нѣсколько полей одна, уйдетъ отъ борзыхъ, помазавъ, такъ сказать, ихъ только трубою по щепцамъ.

Хотя принято въ сворѣ имѣть пару борзыхъ, но всегда не мѣшаетъ имѣть третью борзую въ рыску, которая, разумѣется, должна быть въ высшей степени вѣжлива; и если собаки хорошей породы и понимаютъ волка, то можно смѣло надѣяться матерого повалить ими. Три собаки доставляютъ еще и то удобство, что если попадется лихой и увертливый звѣрь, какъ иногда случается, то тремъ борзымъ скорѣе можно справиться относительно поимки звѣря, нежели одной или двумъ.

д) *Борзятникъ (стремянный).*

Названіе борзятника принадлежитъ тому изъ охотниковъ, кому ввѣряется свора и борзыя, кто именно любитъ борзыхъ, и кому понятно удовольствіе травить звѣря борзыми. Кажется бы, все равно охотнику: что съ гончими ѣздить, что борзыхъ держать на сворѣ; но нѣтъ; часто оказывает-

ся на дѣлѣ иное, и до такой степени противоположно, что иной стремянной не любитъ даже гончихъ, тогда какъ въ борзую влюбленъ по уши; точно такъ же, какъ самый страстный и искусный доѣзжачій, выгнавъ своими гончими звѣря изъ опушки, иной разъ и не взглянетъ, какъ борзыя тѣшатъ стремяннаго.

Искуснымъ борзятникомъ можно называть того, который знаетъ вполнѣ всѣ качества борзой собаки, знаетъ ея натуру, какъ хорошій заводчикъ своихъ лошадей; опытный стремянный можетъ, по наружнымъ признакамъ борзой, предсказать чего можно ожидать отъ этой собаки. Борзыя къ хорошему стремянному должны быть до такой степени привязаны и бояться его, что достаточно одного только его голоса, чтобъ собака получала и жизнь удвоенную на полѣ, относительно скачки, и была послушна въ самыхъ азартахъ, какъ выдресированная хорошо лягавая при словѣ: тубо! Мастерство ѣздить ловко и смѣло верхомъ, умѣть сберегать лошадь отъ излишнихъ и напрасныхъ скачекъ принадлежитъ къ искусству стремяннаго. Глазомѣръ хорошій нуженъ борзятнику; ибо отъ этого зависитъ выдержка борзыхъ на сворѣ, когда приходится травить гоннаго звѣря, отдѣляющагося отъ опушки острова: стремянный долженъ умѣть направлять борзыхъ всегда такъ, чтобы онѣ не разметывались въ стороны, а прямо аттаковывали звѣря. Перескакиванье звѣря—важный и ловкій предметъ; умѣнье по голосу различать гончихъ, куда ведетъ звѣрь и гдѣ его встрѣтить съ борзыми, относится тоже къ достоинству стремяннаго. Пороша и слѣды звѣрей должны быть ему знакомѣе, чѣмъ иному грамотному—азбука.

Если охота бываетъ съ одиѣми борзыми, какъ напримѣръ, въ степяхъ, то свѣдущій стремянный даже долженъ найти зайца; не говоримъ уже о томъ, что во время порошъ, главнаго и пріятнаго поприща борзыхъ, искусный стремянный можетъ забавлять до восхищенія своимъ мастерствомъ.

ОХОТА (ПОЛЕВАНЬЕ) ИМѢЕТЪ СВОЮ ТАКТИКУ.

Тема, эта можетъ быть, забавною покажется нѣкоторымъ изъ неохотниковъ; но мы оправдаемъ ее тѣмъ, что высчитаемъ все, что можно назвать тактикой въ своемъ родѣ.

Начнемъ съ организаціи псовой охоты: она состоитъ изъ гончихъ и борзыхъ, или изъ двухъ разнородныхъ частей, изъ коихъ каждая, отдѣльно взятая, представляетъ особенную единицу и можетъ быть употребляема въ дѣло (на полеванье) одна независимо отъ другой; но чтобъ получать большіе результаты, ихъ вводятъ въ дѣйствіе совокупно; здѣсь обязанность гончихъ подготовлять дѣло, а борзыхъ— довершать побѣды. Такимъ образомъ гончія, разсыпаясь въ острову и развѣдывая чутьемъ звѣря, какъ бы своего непріятеля, первыя добираются до него, и первыя начинаютъ поле битвы своею разсыпною громогласною аттакою. Если ловокъ непріятель-звѣрь и знаетъ хорошо всѣ пути ретирады своего лѣсного обиталища, то ему конечно удастся отдѣлаться отъ зубовъ гончихъ; но, выскочивъ на поляну, онъ долженъ быть аттакованъ быстро и рѣшительно борзыми; здѣсь также можетъ быть удача или неудача. Для условій удачи требуется, кромѣ искусства стремяннаго, удобное мѣсто для травли и доброта собакъ; неудача же всегда можетъ тамъ случиться, гдѣ стремянной дремлетъ и увидитъ звѣря уже тогда, когда борзымъ, если и крылья дать, то онѣ его даже не понюхаютъ; ибо звѣрь также смѣтливъ и старается тотчасъ укрыться, если только есть ближайшее убѣжище. Формированье стаи, какъ мы уже объяснили въ своемъ мѣстѣ, производится не безъ основанія; это, пожалуй, можно назвать маленькой стратегіей въ своемъ родѣ; ибо здѣсь берутся въ соображеніе: и способы края, относительно содержанія охоты, и мѣстность, по которой увеличиваютъ или уменьшаютъ число гончихъ въ стаѣ.

Число борзыхъ въ псовой охотѣ соображается съ числомъ гончихъ, такъ что хотя и нельзя постановить опредѣлительно этой пропорціи, но, кажется, противу числа гончихъ достаточно имѣть половину борзыхъ. Низшей тактикой, или рекрутской школой въ своемъ родѣ, можно назвать всѣ домашнія заботы и старанія о доведеніи собакъ до субординаціи, или знанія охотничей дисциплины, безъ которой и въ поле выѣзжать съ охотой нельзя. Такъ доѣзжачіе заботятся, чтобы гончія знали сигналы ихъ роговъ, знали командныя слова: *стоять*! *сюда, сюда, сюда*! въ островъ! и тому подобное.

Учебные маневры охотничьи имѣютъ цѣлью: проминать стаю, пріучать ее переходить вплавь черезъ рѣчки, держаться стаи, дѣлать этой густой четвероногой колонной всѣ захожденія лѣвымъ и правымъ плечомъ, и, главное, подходить смирно и тихо къ острову. Стремянные имѣютъ тѣ же заботы о борзыхъ съ своей стороны, чтобъ они знали ату его! отрышъ, улюлю и прочее. Такимъ образомъ, стая гончихъ есть одна самостоятельная часть, а своры въ своемъ родѣ другія.

Во время полеванья, напускъ гончихъ наобумъ не дѣлается, а тоже думаютъ, съ какой стороны удобнѣе кидать гончихъ, и гдѣ занять позиціи съ борзыми. Первымъ всегда отдается предварительно приказаніе относительно напуска; вторымъ, какъ болѣе удобнымъ къ быстрому перемѣщенію съ одного мѣста на другое, предоставляется, по собственному ихъ мастерству, занимать удобные пункты для травли съ борзыми. Невѣрный напускъ въ иныхъ случаяхъ можетъ все дѣло испортить на охотѣ, тогда какъ борзятникъ, протравивъ одинъ разъ, все еще можетъ надѣяться вознаградить всю неудачу. Легче и скорѣе пару борзыхъ опять взять на свору и стать на своемъ мѣстѣ, чѣмъ сбить стаю и собрать вновь нѣсколько десятковъ гончихъ и тому подобное.

Удача полеванья, заключающаяся въ добычѣ, столько же пріятна и тѣшитъ охотниковъ, какъ въ военномъ дѣлѣ побѣдителя, одержавшаго верхъ надъ своимъ противникомъ; и трофеи охотничьи, собранные къ одному пункту и разложенные по родамъ звѣрей, своей разношерстной пестротой восхищаютъ не менѣе охотившихся, какъ бы они сражались съ непріятелемъ и отняли нѣсколько разноцвѣтныхъ знаменъ.

Въ заключеніе скажу еще и то, что сколько есть пословицъ, взятыхъ изъ случаевъ охоты и получившихъ своею остротою право на гражданственность вѣчную въ языкѣ нашемъ, такъ напримѣръ: «Онъ старая лисица: его не проведешь;» «на охоту ѣхать и собакъ кормить;» или малороссійская «далеко куцому до зайца,» и тому подобное. Языкъ охотничій всегда страстенъ, кратокъ, быстръ, выразителенъ, веселъ и въ иныхъ случаяхъ исполненъ эпиграмматическаго жала.

О рѣзвости борзыхъ.

Много на бѣломъ свѣтѣ охотниковъ, любящихъ травить борзыми; много уже ими уничтожено тѣхъ сѣрепькихъ и бѣленькихъ звѣрковъ, которые не однократно вырывали изъ глубины души ихъ восхитительное: *ату его!* Но много ли разъ отдавалась охотниками должная справедливость виновницамъ ихъ восторга? мы разумѣемъ здѣсь то, что не всѣ охотники съ борзыми, затравивъ звѣря, и слѣзая съ коня, чтобы второчить добычу, начинаютъ ласкать ту борзую изъ своей своры, которой именно нужно первой обнаружить пріятельскую благодарность кусочкомъ хлѣба, мясца, или другимъ чѣмъ либо изъ полевой закуски охотника. Обыкновенно такъ ведется въ мірѣ: предшествовавшее скорѣе забывается, чѣмъ послѣдующее, и охотники также не всегда бываютъ руководимы безпристрастіемъ. Не обижая никого изъ охотниковъ къ борзымъ, нельзя не сознаться, что многіе изъ нихъ отдаютъ предпочтеніе тѣмъ собакамъ изъ своихъ своръ, которыя окончательно ловятъ звѣря, хотя часто случается, что онѣ во время быстрой работы своры плетутся сзади; а та борзая, которая угоняетъ звѣря, то есть ломая его зигзаками на скаку и не давая тѣмъ бѣжать ему впередъ, задерживаетъ его и, можно сказать, бросаетъ звѣря заднимъ товарищамъ своимъ въ зубы, остается часто безъ вниманія и даже получаетъ серіозные выговоры своего господина: вишъ такой-сякой *Зейланъ* (*) ты безъ *Пасмѣшки* (**) и не потрепалъ бы русака; между тѣмъ забывается, что *Пасмѣшка* загребла жаръ лапами *Зейлана*. Изъ этого видно, что достоинство борзой не заключается въ томъ, чтобъ собака именно ловила звѣря; первое и важнѣйшее достоинство борзой есть рѣзвость; другое то, что выражается охотниками: собака понимиста; третье необыкновенная ловкость изворачиваться скоро во время угонокъ звѣря, т. е. чтобы собака, какъ говорится на охотничьемъ языкѣ—угнала звѣря, и тотчасъ въ немъ.

Рѣзвость же можно опредѣлить такъ: эта есть та молніеносная быстрота борзой (***) когда она, достигая звѣря, и

(*) (**) Зейланъ и Пасмѣшка (клички борзыхъ собакъ); Зейланъ (азіятская.

(***) Быстроту эту называютъ охотники кидкою борзой; но кидка не есть полная рѣзвость; а часть, или лучше сказать, видъ рѣзвости; а еще ближе выразиться—начало рѣзвости.

будучи уже отъ него, примѣрно сказать, саженяхъ въ пяти, шести, въ мгновеніе ока пропосится это разстояніе и соединяется, такъ сказать, съ звѣремъ; словомъ: это можно уподобить тому случаю, когда, напримѣръ, изъ заряженнаго кондуктора электрической машины извлекаютъ электричество и, поднося къ нему разрядникъ, все еще не видятъ искры; но какъ только приблизили на такое разстояніе, гдѣ уже сила электричества обнаруживается, то одинъ мигъ— и искры нѣтъ въ кондукторѣ.

Теперь, чтобы разсмотрѣть еще ближе рѣзвость борзыхъ, мы припомнимъ тѣ главнѣйшія породы ихъ, которыя были исчислены нами прежде; ибо всякая порода имѣетъ свою особенную относительную рѣзвость. И здѣсь видна мудрость природы, не оставившей безъ вниманія ни одного изъ своихъ чудныхъ созданій: начиная съ самаго маленькаго листочка любого растенія, устройство котораго поражаетъ даже высокій умъ земной, до самыхъ гигантскихъ, колоссальныхъ тварей, все создано на законахъ, которыхъ никакая ученость человѣческая изслѣдовать точно не можетъ; всѣ ученые выводы, которыми мы гордимся, суть не что иное, какъ только однѣ блесточки, однѣ яркія песчинки, которыя мы схватываемъ отъ сотворенпаго премудро вокругъ насъ.

Такъ и самыя борзыя, различенныя нами по породамъ, отличаются однѣ отъ другихъ своими особенностями во время скачки. *Псовая* или *русская* собака носитъ вполнѣ отпечатокъ своего отечества: созданная для климата суроваго, она защищена шерстью густой и длинной отъ морозовъ; воспитанная въ мѣстахъ, по большей части покрытыхъ лѣсами, она, дабы была способна увѣселять своего властителя, надѣляется тѣмъ качествомъ, которое на языкѣ охотничьемъ выражается такъ: псовая борзая рѣзва только на первыхъ парахъ; оно и должно такъ быть, ибо ей нѣтъ такого раздолья какъ *крымской*, или *хортой* собакамъ: мѣста ихъ родины, будучи открыты и просторны, даютъ средство этимъ собакамъ угонять не одинъ разъ зайца, а угоняй сколько силы позволятъ. Поэтому крымки и хортыя на первыхъ порахъ по большой части тянутъ; но когда онѣ поразомнутся, то рѣзвость и въ нихъ видна, и рѣдкому русаку удастся отдѣлаться отъ зубовъ этой породы собакъ,

въ особенности, когда условія выгодны для травли, именно, если нѣтъ ближайшаго убѣжища скоро укрыться звѣрю.

Другія породы борзыхъ также соотвѣтствуютъ своими качествами мѣстамъ ихъ родины: турецкія и аравійскія борзыя, относительно рѣзвости, уподобляются лошадямъ своего края; онѣ рѣзвы и на первыхъ порахъ, разумѣется, не столько какъ псовыя и сильны какъ самыя лучшія крымскія на дальнее разстояніе. О горскихъ борзыхъ можно сдѣлать общее замѣчаніе, что онѣ отличаются отъ прочихъ породъ особенною своею силою, и до такой степени, что имъ угонять звѣря на гору бѣгущаго, все равно, какъ крымкамъ на своихъ пространныхъ равнинахъ; а между тѣмъ извѣстно, что зайцу очень способно бѣжать на гору, и онъ дѣйствительно бѣжитъ рѣзво; тогда какъ всякой борзой приходится почти всегда прощаться съ зайцемъ, если онъ направится бѣжать въ гору.

Разсмотрѣвъ, по возможности, рѣзвость высчитанныхъ здѣсь породъ борзыхъ, мы заключимъ тѣмъ, что заведеніе охотъ съ борзыми всегда должно соображаться съ характеромъ мѣстности, гдѣ предполагается устроивать охоту; и вообще можно сказать, что борзыя, если онѣ заводятся по мѣстности, всегда хороши и удерживаютъ лучше свою породу, тогда какъ наборъ неосновательный всегда безполезенъ, и, кромѣ расхода напраснаго на содержаніе собакъ, ничего другого не принесетъ. Конечно, жадность охотниковъ велика: они всегда желаютъ имѣть такихъ собакъ, чтобъ ни у кого въ мірѣ не было подобныхъ; гордости много, азарту еще болѣе; споры безконечные, пари безпрестанные, и все это нерѣдко оканчивается весьма несправедливымъ образомъ: иной разъ и превосходная собака проиграетъ свою славу противъ той, которая далеко хуже ея, и потому надобно умѣть оцѣнивать все обстоятельно: время года, мѣстность, гдѣ приходится травить, и породу состязающихся борзыхъ; а главное помнить, что не всякая еще та собака рѣзва, которая ловко изъ-за другихъ ловитъ, а та которая угоняетъ звѣря.

—

ЗАЯЦЪ, ЛИСИЦА, ВОЛКЪ.

Имѣя цѣлію разсказать въ охотничьемъ смыслѣ о зайцѣ, лисицѣ и волкѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ зоологическія подробности: во-первыхъ, потому, что для охотника все равно, къ какому бы роду заяцъ, лисица и волкъ ни относились; а во-вторыхъ потому, что у нихъ, и безъ зоологіи, есть свои практическія наблюденія, по которымъ всякій опытный охотникъ отдастъ вамъ полной отчетъ: что̀ такое заяцъ, лисица и волкъ, какъ они устроены, чѣмъ питаются, гдѣ живутъ, сколько самки выводятъ дѣтей и въ какое время года? Разумѣется, вы, вмѣсто ученыхъ терминовъ, услышите: пастовики, мартовскія, подкопеновики, красный звѣрь, прибылой, матерой, русакъ, бѣлякъ, тумакъ, бѣрезовка, еловка, серебряный русакъ, золотой русакъ и тому подобное.

Сдѣлавъ это необходимое предваренiе, мы начнемъ съ зайца. Заяцъ, котораго называютъ въ шутку косымъ, былъ предметомъ многихъ забавныхъ разсказовъ, изъ которыхъ слѣдующій ведется почти у всѣхъ охотниковъ. Эта сказка гласитъ, что заяцъ, будучи подверженъ безпрестанно нападенію какъ со стороны хищныхъ птицъ, звѣрей, такъ и главныхъ истребителей заячьяго рода—охотниковъ, бывъ однажды тронутъ горькою своей судьбой, рѣшился было съ грусти утопиться. Прискакавъ печально къ берегу, откуда готовъ былъ капуть въ воду, онъ вдругъ изумился, увидѣвъ, что лягушка испугалась его и, бросившись съ берега, нырнула; грусть перешла къ радости и онъ, засмѣявшись отъ восторга, что есть еще животное, которое и его боится, наткнулся на кремнистый камень и разрѣзалъ себѣ верхнюю губу,—и вотъ говорятъ, почему заяцъ, возвратившись снова къ жизни, сдѣлался трегубымъ. Конечно всѣ прибаутки, сказки, басни, суть не пустые вымыслы, и образованной умъ всегда видитъ въ нихъ какую то цѣль, какое-то острое намѣренiе. Потому мы хотя, конечно, и не разговаривали съ зайцами, отчего у нихъ разрѣзана верхняя губа, и было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, какъ мастерски, риторически и съ сохраненiемъ постепенной увлекательности разсказываютъ охотники, этого мы подтвердить не можемъ, но знаемъ, что заяцъ дѣйствительно очень робокъ и боится не только тѣхъ, которые могутъ

его уничтожить, но даже осенняго безжизненнаго листочка, сорваннаго вѣтромъ и съ шумомъ упавшаго на землю съ родимой вѣтки; самыя животныя, какъ-то, хищныя птицы: вороны, совы, ястреба; изъ звѣрей: лисицы, волки, рыси и другія, не говоримъ уже о собакахъ, съ особенною жадностію и увѣренностію бросаются на зайцевъ, какъ на легкую и беззащитную жертву.

Но хотя горестно въ самомъ дѣлѣ положеніе заячьяго рода на землѣ, и кажется давно было пора ему перевестись и остаться въ однихъ только преданіяхъ; но за всѣмъ тѣмъ зайцевъ вездѣ больше, чѣмъ другихъ дикихъ животныхъ, и всегда будетъ ихъ достаточно для забавы всѣмъ охотникамъ, разумѣется, болѣе тѣмъ, которые опытны въ охотѣ и которые на зайцевъ не глядятъ какъ на несчастныхъ страдальцевъ въ ряду прочихъ животныхъ; ибо зайцы не такъ просты и беззащитны, какъ это ведется въ молвѣ. Заяцъ имѣетъ такія быстрыя ноги, что онѣ его во многихъ случаяхъ спасаютъ не только отъ хищныхъ звѣрей, но даже отъ весьма хорошей и рѣзвой собаки; а равно и инстинктъ—этотъ животный умъ въ зайцахъ—замѣненъ не менѣе, какъ и въ другихъ, болѣе смышленыхъ животныхъ. Это можно доказать слѣдующими наблюденіями. Логова зайцевъ не постоянны: они избираются ими согласно съ погодой; такъ, напримѣръ: если продолжительно жаркое время, то зайцевъ не ищите на открытомъ мѣстѣ, подверженномъ палению солнечныхъ лучей; они въ подобномъ случаѣ располагаются въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ есть прохладительная влага, или же помѣщаются подъ кустами, кроются въ бурьянахъ; напротивъ того, если время дождливое, то вся заячья братія занимаетъ квартиры на возвышенныхъ пунктахъ. Они столь хорошо предчувствуютъ перемѣну погоды, что въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ это болѣе явственно, охотники на подобныя замѣчанія полагаются какъ на вѣрныя барометрическія наблюденія. Лежа на логовьяхъ, зайцы большею частію обращены въ ту сторону, откуда вѣтеръ дуетъ, дабы лучше и скорѣе услышать приближающееся нападеніе. Ретирады, при внезапныхъ аттакахъ на нихъ, имъ такъ всегда хорошо извѣстны; и если даже случится, что нападеніе на нихъ производится съ тылу, то есть, если заѣдутъ съ той стороны, куда заяцъ обыкновен-

но старается ускользнуть, и заставятъ собакъ его смигать, то тутъ у него храбрость самая выразительная: онъ, не смотря на множество своръ, прямо летитъ въ зубы борзымъ, стараясь пробиться къ своему укрытію. Стратегическимъ своимъ путемъ отступленія зайцы очень дорожатъ, хотя и расплачиваются за это иной разъ весьма дорого. До какой степени они стараются замаскировывать свой слѣдъ, это можно видѣть во время порошъ; сметки, петли, двоеніе, троеніе и другіе ихъ фокусы въ своемъ родѣ заставятъ даже въ иное время и опытнаго охотника потоптаться нѣсколько разъ взадъ и впередъ, покуда окончательно съѣдетъ зайца.

Зайцы очень хорошо понимаютъ свое положеніе и умѣютъ въ своемъ родѣ оцѣнивать предстоящіе имъ шанцы. Такъ, сбрасывая лѣтнюю шерсть и одѣваясь зимнею, они чувствуютъ себя слабыми, и потому лежатъ такъ крѣпко, что иной разъ едва копытами лошади не наступишь на нихъ; тоже во время хорошихъ порошь зайцы почти всегда вскакиваютъ изъ-подъ щенковъ борзыхъ. Напротивъ того, если иной разъ нетерпѣніе охотника заставитъ его забыть дурную порошу и выманитъ на поле съ борзыми, то поднятый въ это время заяцъ, имѣя всѣ шанцы на своей сторонѣ, не только ничего не боится, по временамъ садясь на заднія лапы, но даже какъ бы насмѣхается надъ силящимися догнать его борзыми и охотникомъ, такъ что сей послѣдній почти всегда возвращается домой охрипнувъ отъ своихъ воодушевленныхъ восклицаній.

Какъ зайцевъ два рода: русакъ и бѣлякъ, то о первомъ можно сказать то замѣчаніе, что онъ всегда лакомѣе на полѣ для охотника, чѣмъ бѣлякъ, и бѣжитъ рѣзво; во время порошь не дѣлаетъ такихъ хитростей, скрадывая свой слѣдъ, какъ бѣлякъ, который налапитъ, надвоптъ, натропитъ, напетляетъ и, будучи съѣханъ, бѣжитъ съ большими варіяціями; словомъ: первый, какъ жилецъ полей, болѣе надѣется на свою силу и безъ угонки не измѣняетъ своего направленія; другой же, какъ житель лѣсной и привыкшій жировать въ кустахъ, во время угонокъ борзыми чрезвычайно увертливъ, и иной разъ этимъ только и спасается бѣлякъ отъ зубовъ даже лихихъ борзыхъ.

Лисицъ нѣсколько сортовъ: бѣлыя, голубыя, наши обыкновенныя и чернобурыя. Всѣ подробности объ нихъ извѣстны изъ Зоологіи; охотники же ихъ различаютъ по-своему, именно, смотря по тому, гдѣ онѣ держатся, или, ближе сказать, гдѣ живутъ и выводятъ дѣтей. Такъ есть лисицы степныя, березовки, еловки, зміевки и другія.

Заяцъ восхищаетъ охотника картиннымъ своимъ бѣгомъ во время угонокъ борзыми; лисицу же еще пріятнѣе травить охотнику: хитрость этого звѣря кажется всѣмъ уже извѣстна, если не испытанною на самомъ дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ по тѣмъ пословицамъ, которыя ежедневно слышатся въ молвѣ народной. Хитрость лисицы такъ тонка, столь проницательна, что ее нельзя порочить, какъ ту хитрость, которая создается въ иныхъ на зло и вѣроломство, и имѣя многообразные оттѣнки, кажется, для того только выражается почти на каждомъ шагу, чтобъ подстерегать простодушіе, всегда невинное, всегда легковѣрное и всегда почти страждущее отъ подобной хитрости. Хитрость лисицы есть та хитрость, которую Русскіе иногда браня хвалятъ: «экая ты старая, братъ, лисица;» или же хитрость эту можно даже воспѣвать, какъ воспользовался ею баснописецъ нашъ, Крыловъ.

Нѣжность лисицы, какъ матери, тоже неопровержима, и, кажется, ни одно дикое животное такъ хорошо не выкармливаетъ своихъ дѣтенышей, какъ лисица; рыльце у нея почти безпрестанно въ пуху, то отъ домашнихъ птицъ, то отъ самой лакомой разнородной дичи. Обществъ лисицы между собою не наблюдаютъ, живутъ порознь попарно, и фуражировать отправляются поодиначно. Чутье имѣютъ самое тонкое, слухъ превосходный и инстинктивность самую высокую. Всѣ высчитанныя здѣсь качества очень хорошо извѣстны почти каждому охотнику, потому особенную заманчивость возбуждаютъ къ себѣ лисицы во всѣхъ охотникахъ. Разумѣется, лисица, имѣя подобныя преимущества въ качествахъ предъ другими звѣрями нашего климата, рѣже попадается и не вездѣ ее наѣдешь. Можно смѣло сказать, что тотъ охотникъ, который затравитъ съ ранней осени до поздней весны, положимъ, сотню, двѣ, зайцевъ, врядъ ли затравитъ на десятокъ зайцевъ одну лисицу. Мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, изъ-подъ гон-

чихъ травятъ, или бьютъ изъ ружей: здѣсь невольно заставятъ лисицу выбѣжать за опушку и попасться въ зубы борзымъ; этотъ расчетъ совсѣмъ иной; но надобно замѣтить, что если только не въ порядкѣ дѣлается охота, то малѣйшій шумъ достаточенъ, чтобъ старая лисица поняла и, не дожидаясь нападенія, поднялась заблаговременно съ логова и отправилась въ путь дальній и недостижимый, даже самыми паратыми гончими. Будучи же захвачена въ острову неожиданно, или облавой, или правильной охотой съ гончими, она иной разъ выводитъ такъ преисправно стаю и, показавшись однимъ только доѣзжачимъ, стремяннымъ же, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ кумушку въ гости на чистое поле, иной разъ только покажетъ трубу, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они, по всѣмъ опытнымъ своимъ расчетамъ, ее и не ожидали; хитритъ, лавируетъ и, не давая даже стаѣ слиться и потѣшиться стройной и соединенной гоньбой, разбросаетъ стаю до такой степени, что она и забудетъ по чемъ гонятъ; а смотришь, вмѣсто лисицы, попадется зайчишка на жертву; а она бороздой, или канавой въ промежуткѣ скользнетъ между стремянными. Разумѣется, надобно умѣть пользоваться случаемъ, когда захватятъ лисицу въ острову, и смотрѣть, что̀ называется въ оба, дабы не было обидно, что она въ самомъ близкомъ разстояніи проскользнетъ почти въ виду. Хорошій стремянный всегда умѣетъ понимать по чемъ гоняютъ гончія. Во всякомъ случаѣ, въ исправной охотѣ долженъ подаваться сигналъ по красному звѣрю.

Въ степяхъ иной разъ попадаются лисицы и на открытомъ мѣстѣ. Здѣсь очень дороги тѣ борзыя, которыя не развлекаются трубой лисицы, а, поравнявшись съ нею, безъ дальнихъ затѣй прямо хватаютъ ее съ фланга,—и чудо какъ пріятно для сердца охотника второчить живописно кумушку красную, головкой къ лукѣ, а трубу (хвостъ) опустить внизъ играть съ вѣтромъ.

Заяцъ и лисица занимательны для всякаго охотника: первый по своей быстротѣ, вторая какъ красный звѣрь, притомъ хитрый и рѣже попадающійся въ зубы борзымъ, и то не всѣмъ. Отлично рѣзвая собака, драгоцѣнная для зайца, для лисицы иной разъ и гроша не стоитъ. Мы въ своемъ мѣстѣ говорили объ этомъ; а здѣсь перейдемъ къ тому звѣрю, который въ нашемъ климатѣ, въ нашемъ

обширномъ отечествѣ, страшное, опасное и притомъ большой вредъ причиняющее дикое животное.

Было бы излишне высчитывать тѣ несчастія, которыя претерпѣваютъ отъ волковъ и мирные селяне и люди одиночные, поставляемые необходимостью иной разъ проходить по глухимъ лѣсистымъ мѣстамъ, занятымъ по большой части волчьими выводками.

Народныя пословицы весьма основательны, хотя выражаются и не охотничьей терминологіею, но очень хорошо характеризуютъ этихъ трехъ дикихъ животныхъ. Такъ изъ пословицы: «блудливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ,» видна отличительная черта заячьяго поколѣнія трусость; другая: «имѣй лисій хвостъ, а волчій ротъ;» показываетъ что кумушка хитритъ, а волкъ работаетъ все зубами. О волчьей силѣ во многихъ мѣстахъ деревенскіе зоологи составили даже выводъ, говоря: что лошадь имѣетъ двѣнадцать человѣческихъ силъ, а волкъ двѣнадцать лошадиныхъ. Конечно, надъ этимъ можно и посмѣяться смыслящимъ людямъ; но какого заключенія не заставятъ сдѣлать человѣка несчастія, почти безпрестанно имъ претерпѣваемыя, лишенія страшныя и потери самыя чувствительныя? У страха глаза велики; да притомъ, если вы услышите, что здѣсь одинъ разъ, другой, волкъ зарѣзалъ самаго лучшаго, здороваго и сильнаго быка, тамъ повалилъ прекрасную и рослую лошадь изъ косяка,—что вы послѣ этихъ случаевъ станете думать, и не станете ли вы,—если не вѣрить правильности крестьянскаго вывода о волчьей силѣ,—такъ по крайней мѣрѣ слушать съ прискорбіемъ разсказываемыя вамъ несчастія отъ волковъ? Волчій зубъ очень чувствителенъ; гдѣ бы онъ рану ни сдѣлалъ, онъ производитъ скорое воспаленіе, а если направленъ въ горло, то почти всегда смертеленъ.

Волки уже страшны и потому, что живутъ обществами, имѣютъ своихъ колонноводжатыхъ, всегда опытныхъ и отличающихся своею жестокою смѣлостію и смѣтливостію самою тактическою. Это не трусливые и беззащитные зайцы, не политическаго поведенія кумушки, но суровыя, угрюмыя и никакими средствами не освоимыя лютыя животныя. И въ правду сказать: «сколько волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.» Волки столь смышлены, столь умѣютъ по-

нимать человѣка, что дѣйствіямъ ихъ можно удивляться и продѣлки ихъ нѣкоторымъ образомъ самыя правильныя и тактическія.

Не вдаваясь въ излишніе разсказы, мы начнемъ съ волчьихъ выводковъ, или, попросту сказать, ихъ гнѣздъ. Избраніе мѣстъ волками для своихъ выводковъ производится по самымъ обдуманнымъ расчетамъ. Такъ, дабы быть болѣе покойными и болѣе прикрытыми отъ случайныхъ нападеній, они поселяются почти въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ деревнями; расположившись постоянно на одномъ мѣстѣ, они съ ранней весны и до поздней осени, или съ того времени, какъ звѣрская пара, соединившись узами любви и избравши мѣсто для метанія волчатъ, воспитанія ихъ и наконецъ совершенной ихъ волчьей возмужалости, имѣютъ въ постоянномъ вниманіи самую тонкую политику. Такъ, дабы пріучить человѣка къ себѣ и заставить его забыть лютую натуру волковъ, они безпрестанно стараются встрѣчаться съ нимъ: то въ стадѣ, разбросанномъ на выгонѣ, пройдя кротко мимо его и показавъ иной разъ трусость предъ самой крошечной собаченкой пастуха; то на дорогѣ близъ самой деревни, гдѣ, дождавшись сосѣда, почти на кнутъ разстоянія, онъ съ самою вѣжливою торопливостію сходитъ съ дороги, стараясь скромностію и почтеніемъ заслужить расположеніе своихъ селянъ. Этого мало; деревни, около которыхъ волчьи выводки находятся, остаются въ самомъ благополучномъ и спокойномъ состояніи относительно потери отъ лютыхъ звѣрей своего домашняго скота, именно потому, что волки, желая окончательно увѣрить своихъ сосѣдей деревенскихъ въ кроткомъ своемъ поведеніи, почти на пространствѣ, радіусомъ описаннымъ въ 15 верстъ около ближайшей деревни, не трогаютъ даже крошечнаго барашка не только изъ стада, но даже иной разъ и заблудшаго къ нимъ въ гнѣздо. Кажется, они какъ бы разсылаютъ свои наблюдательные дозоры, дабы фуражирующіе волки изъ другихъ гнѣздъ не смѣли бы напроказничать на ихъ счетъ; и потому нерѣдко случалось видѣть, какъ партія волковъ несется за хищникомъ изъ чужого выводка, стараясь, если не разорвать его въ клочки, такъ по крайней мѣрѣ четко прописать подорожную въ самый дальнѣйшій путь; сами же за продовольствіемъ отправляются въ отда-

ленныя мѣста, и тамъ безъ пощады обнаруживаютъ свою лютость. Такимъ образомъ однимъ, для самосохраненія, услуживаютъ, а другихъ нерѣдко приводятъ въ отчаяніе и страхъ.

Выводокъ волчій, состоя изъ стараго самца и самки, нерѣдко съ нѣсколькими перелетками представляетъ собою самое строгое, патріархальное семейство: отецъ и мать суть первые и суровые начальники и взыскатели за малѣйшую непокорность своихъ дѣтенышей, и первые путеводители къ лютости, а въ особенности волчицы. Все семейство заботится о сбереженіи и воспитаніи новорожденныхъ волчатъ. Вся добыча по большей части приносится въ самое гнѣздо, и тутъ бываетъ дѣлежъ. Если же волченки подрастутъ, то все приносится живьемъ, и молодыхъ притравливаютъ старые волки, такимъ образомъ, что, пустивъ барана, сама волчица бросается впередъ, стараясь увлечь волчатъ за собою, и показываетъ имъ какъ слѣдуетъ работать зубами въ послѣдующей затѣмъ ихъ лютой жизни.

При описаніи волчьихъ осоковъ, мы будемъ говорить еще о нѣкоторыхъ другихъ замѣчательностяхъ этого хищнаго и дикаго животнаго.

САДКА.

Садка можетъ быть искусственная и свободная или натуральная. Искусственною мы хотимъ назвать тотъ случай, когда узниковъ-звѣрей берутъ изъ ихъ заточенія, выносятъ на площадь и, пустивъ ихъ, такъ сказать, изъ мѣшка, забавляются обманчивой рѣзвостью борзыхъ; свободной же, или натуральной садкой, мы выражаемъ тотъ случай, когда говорится по-охотничьему: подозрѣть русака. Разберемъ по возможности ту и другую; покажемъ дурное и необходимое одной, и удовольствіе, и притомъ истинное, другой.

Искусственная садка, хотя и отвратительна въ душѣ почти для каждаго истиннаго охотника (въ особенности сажаніе зайцевъ), какъ потому, что весьма мало удовольствія травить изпуреннаго звѣря борзыми, такъ еще болѣе и по той причинѣ, что рѣдко достойная собака на садкахъ показываетъ себя настоящимъ образомъ; но бываетъ иной разъ, по обстоятельствамъ, необходимою, какъ напримѣръ: 1) для того, чтобы видѣть наскоро сравнительную скачку

борзыхъ; 2) для ознакомленія молодыхъ борзыхъ съ звѣремъ; 3) для притравленія борзыхъ къ красному звѣрю, какъ-то: къ лисицѣ и волку, и 4) чаще всего для пари: чья лучше борзая?

Исчисливъ главные случаи искусственной садки, мы каждый изъ этихъ случаевъ разберемъ критически.

а) Желаніе наскоро видѣть сравнительную скачку борзыхъ. Что можно сказать противъ этого случая? Гдѣ есть жѣланіе, да къ тому же скорое, тамъ благоразуміе мало можетъ успѣть своими убѣжденіями, а въ особенности противъ охотничьяго желанія, которое такъ сильно, такъ быстро, что не возбуждается постепенно, по, какъ говорится, загорѣлось—и полно! Конечно, борзыя скачутъ и на садкахъ за зайцами; но скачутъ ли онѣ такъ, какъ имъ надлежитъ скакать, или, ближе выразиться, какъ онѣ могутъ скакать? Борзыя, употребляемыя часто на садкахъ, нѣкоторымъ образомъ уже портятся и теряютъ свои коренныя достоинства. Свыкаясь и съ разстояніемъ, съ котораго ихъ спускаютъ со своры, и увѣряясь въ томъ, что заяцъ болѣе не выдерживаетъ какъ одну, двѣ, три, много уже четыре угонки, собаки эти дѣйствительно уже шутя скачутъ и мимо забавляютъ своею рѣзвостію присутствующихъ, такъ-что борзая, отличившаяся блистательно на садкѣ, въ другое время на вольномъ зайцѣ, или, какъ говорится, на дичкѣ, не покажетъ даже и искры своей рѣзвости. Вотъ какъ искусство далеко отъ натуральности! Кромѣ всего этого, борзыя на садкахъ пріучаются къ злѣйшему пороку; перечить во время скачки, и вотъ именно почему звѣрь, взятый изъ своего заточенія, обыкновенно бываетъ слабъ, и не имѣя достаточной силы бѣжать съ природною своею быстротою прямо впередъ, при настиганіи собакъ, старается увертываться зигзаками, отчего собаки, менѣе рѣзвыя, начинаютъ тотчасъ мастерить, чтобъ проскакивать меньшее протяженіе и ловить наперерѣзъ. Это въ послѣдствіи обращается почти въ постоянную привычку, и собака, можетъ быть, и хорошей рѣзвости, дѣлается ненавистною для знающаго псоваго охотника.

b) Ознакомливаніе молодыхъ борзыхъ съ звѣремъ. Безспорно, на садкѣ скорѣе можно показать молодой борзой природное ее назначеніе, чѣмъ въ полѣ, и потому какъ

только молодая борзая принялась скакать за звѣремъ и попробовала возвышеннаго удовольствія помять зубками заячьи ребра, то ужь цѣль достигнута и можно надѣяться, что во время полеванья молодая борзая, спущенная со своры, не станетъ сидѣть на заднихъ лапахъ и смотрѣть какъ уходитъ звѣрь, безъ быстраго и рѣшительнаго съ ея стороны преслѣдованія.

c) Притравливаніе борзыхъ къ краснопу звѣрю. Это самое полезное слѣдствіе для борзыхъ отъ искусственной садки. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно и даже очень пріятно имѣть каждому изъ псовыхъ охотниковъ собакъ, которыя бы брали ловко и смѣло краснаго звѣря, какъ напримѣръ: лисицу и волка; это достигается или тѣмъ, что стараются выводить поколѣніе вообще злобныхъ борзыхъ собакъ, или же притравливаютъ (привливаютъ) молодыхъ борзыхъ къ волку. Здѣсь главное вниманіе должно быть обращено на два предмета: 1) чтобъ молодая борзая приловчилась брать волка прямо въ глотку и 2) имѣла бы смѣлость и жадность такую же, какъ бы она кидалась ловить звѣря, отъ котораго нельзя встрѣтить ни опасности, ни сильнаго сопротивленія. Первое достигаютъ тѣмъ, что берутъ одну лучшую, ловкую и жадную къ волку борзую и двухъ или трехъ молодыхъ, и такимъ образомъ молодыя борзыя, увидя какъ старая впивается въ глотку, и сами послѣ нѣсколькихъ садокъ, пріобрѣтаютъ ту же уловку. Второе, чтобъ возбудить жадность въ борзой къ волку, стараются пріохочивать борзыхъ тѣмъ, что волка первоначально сострунваютъ и даютъ имъ тѣшиться безнаказанно столько, сколько въ этомъ надобность будетъ; потомъ, когда привалляются хорошо борзыя къ сострупенному волку, то уже онѣ шутить не станутъ и съ свободнымъ звѣремъ. Трудное дѣло привалять первопачально должнымъ порядкомъ молодую борзую къ звѣрю, а тамъ она вѣрная и усердная слуга до самой глубокой своей старости.

d) Пари: чья лучше борзая? Здѣсь, конечно, рѣшается дѣло иногда весьма несправедливымъ образомъ и выигрываетъ большею частію та борзая собака, которая чаще была на садкахъ; ибо, какъ мы объяснили выше, садки не могутъ быть справедливымъ поприщемъ для должной оцѣнки рѣзвости борзыхъ.

Изложивъ наши понятія объ искусственной садкѣ, мы заключимъ тѣмъ, что если уже обойтись иной разъ нельзя безъ того, что не посадить нѣсколько паръ зайцевъ, то надобно по крайней мѣрѣ стараться сколько возможно болѣе натурализировать все, и не показывать борзымъ, что онѣ будутъ ловить зайцевъ, пускаемыхъ изъ мѣшка. Иное дѣло свободная или натуральная садка; кто изъ псовыхъ охотниковъ не знаетъ, что̀ значитъ подозрѣть русака? и кто не восхищался этой чудной картиной, когда линія охотниковъ, разомкнутыхъ на нѣсколько шаговъ разстоянія другъ отъ друга, идетъ мѣрнымъ шагомъ по чистому полю, наблюдая строгое равненіе и порядокъ при спусканіи со своръ борзыхъ, когда впереди ее вскакиваютъ зайцы? Линія эта стройная и воодушевленная, что̀ шагъ впередъ, то почти ежеминутно оживляется восхищающимъ каждаго всадника — *ату его*! Картины безпрестанныя: то тотъ рисуется со своей сворой, то другой изъ охотниковъ. Вдругъ вы видите на флангѣ, или въ серединѣ остановившагося одного или двухъ охотниковъ, и на-распѣвъ произносящихъ: *ату его*! или же, если линія значительна въ своемъ протяженіи, то подается въ такомъ случаѣ охотничій сигналъ, состоящій въ томъ, что, подозрѣвшій зайца, надѣваетъ шапку на кнутовище арапника и вертитъ его, дабы передать всѣмъ, что заяцъ подозрѣнъ; здѣсь-то готовится живопись самая изящная для охотника. Вы видите осторожность, съ какою всякій изъ охотниковъ дѣлаетъ вольтъ назадъ и смыкается къ обозначенному пункту, право, едва не на цыпочкахъ. Наконецъ фронтъ сомкнулся; тишина, что̀ называется, мертвая; арапникъ хлопнулъ, вскочилъ русакъ и началась аттака, понеслась свора,—недостаточно! тамъ другая, третья, и наконецъ вы видите иной разъ колонну, летящую за зайцемъ изъ шестидесяти и болѣе разношерстныхъ борзыхъ; всѣ разстилаются птицами по полю, и заяцъ какъ свѣча впереди горитъ. Вотъ здѣсь-то и смотрятъ рѣзвость борзыхъ; здѣсь ничего не смастеритъ нерѣзвая собака; а дѣло чисто объясняется. Споровъ никакихъ почти не можетъ быть, когда иной разъ невидная собой собака пересчитаетъ всѣхъ славныхъ и превознесенныхъ борзыхъ и, выпесшись впередъ всей летящей борзой колонны, угонитъ разъ, другой, словно молнія блеснетъ и поволочетъ русака, который безъ нея, мо-

жетъ быть, надѣлъ бы очки на глаза всѣмъ знаменитѣйшимъ борзымъ, прославившимся своею рѣзвостью и силою на садкахъ искусственныхъ.

ПОРОША.

Зима, измѣняя роскошный, картинный лѣтній видъ природы, измѣняетъ и сокращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый образъ полеванья со псовой охотой, и до той степени укрощаетъ все удовольствіе псоваго охотника, что ему остается тревожиться объ однѣхъ только порошахъ.

Порошей называется у охотниковъ тотъ благополучный случай, когда снѣгъ выпадетъ такимъ образомъ, что слѣдъ всякаго жировавшаго почью звѣря бываетъ замѣтенъ утромъ наступившаго за тѣмъ дня; и такъ какъ случаи, сопровождающіе выпаденье снѣга, бываютъ различны, то и пороши имѣютъ свои подраздѣленія у охотниковъ; такъ бываютъ пороши: явственныя и слѣпыя, глубокія и мелкія, магкія и жесткія. Во всякомъ случаѣ, какого бы ни была виду пороша, она служитъ болѣе или менѣе вѣрнымъ средствомъ къ истребленію различныхъ звѣрей; такъ по порошѣ можно охотиться на зайцевъ, лисицъ, волковъ, лосей, медвѣдей и другихъ дикихъ животныхъ. Разумѣется, стаи гончихъ, такъ музыкально оглашавшія острова по черностопу, при наступленіи порошь дѣлаются лишними и даже вовсе ненужными; зима своей бѣлой, мягкой, снѣжной пѣленой, открываетъ весь секретъ слѣдовъ звѣриныхъ; къ тому же самые звѣри зимой держатся ближе жилья человѣка, чѣмъ лѣтомъ, и потому самые заповѣдные острова, если они только отдалены, пустѣютъ зимой и остаются почти покойными отъ охотъ до новаго черностопа. Близость расположенія зимой къ жилью почти всякаго звѣря иной разъ доходитъ даже до удивленія. Такъ, зайцы ложатся въ сараяхъ, садахъ, огородахъ; случалось даже видѣть, какъ изъ-подъ крыльца травливали русака, а въ полѣ, мѣрными шагами, за три, четыре сажени отъ дороги и зайцевъ во время порошь наѣзжали; волки зимой обращаются въ безпрестанныхъ дозорахъ и нерѣдко снуютъ почти въ самомъ виду сѣльскихъ жителей около ихъ деревень; лоси, словно на кормъ, иной разъ приходятъ къ крестьянскимъ стогамъ сѣна; самый медвѣдь

устроиваетъ поближе къ человѣку свою берлогу и ложится всегда на пѣтушьемъ слуху. Конечно, всему этому есть свои причины, и главная—недостатокъ продовольствія зимой въ поляхъ. Зайцы же, стѣсняясь къ жилью, спасаютъ себя тѣмъ по большей части отъ хищныхъ звѣрей, которые хотя и рыщутъ по ночамъ безнаказанно, но опасаются днемъ фуражировать близко къ деревнямъ.

Не касаясь тѣхъ охотъ, которыми занимаются по большей части простые жители деревень во время зимы, какъ-то: ловлею звѣрей въ капканы, стрѣляньемъ по ночамъ зайцевъ и другихъ звѣрей на пунктахъ, къ которымъ предварительно ихъ притравятъ, и еще иныхъ простыхъ охотъ, безжизненныхъ и, можно сказать, чисто ремесленныхъ въ своемъ родѣ, мы скажемъ здѣсь о болѣе благородныхъ охотахъ, какъ напримѣръ, объ охотѣ по порошѣ съ борзыми и о зимней охотѣ на волковъ.

Пороша, составляя зимой единственное удовольствіе имѣющихъ страсть потравить съ борзыми, до такой степени занимаетъ всѣхъ псовыхъ охотниковъ, что многіе изъ нихъ не спятъ наканунѣ цѣлую ночь; иные безпрестанно смотрятъ на понижеиіе и повышеніе барометра, другіе ежечасно выбѣгаютъ освѣдомляться какъ падаетъ снѣгъ: мокрый или сухой, и вмѣсто барометра употребляютъ перчатки, которыя бросая въ различныя мѣста на выпавшій уже снѣгъ, наблюдаютъ, тонетъ ли она, или удерживается на поверхности снѣга. Все это не что иное, какъ нетерпѣніе охотничье и желаніе предугадать съ вечера, какова пороша будетъ? По между тѣмъ утро разрѣшаетъ всю правду: если хороша пороша, то въ минуту лихіе кони осѣданы, борзыя разобраны по сворамъ, и вся эта взволнованная толпа ѣдетъ въ поле и жаждетъ напасть лишь на маликъ (слѣдъ) заячій или лисичій. Тутъ конечно нужна привычка или знаніе въ своемъ родѣ, дабы разобрать чей слѣдъ, и чтобы, вмѣсто заячьяго слѣда, не поѣхать по горностаю или хорьку. А дѣло по порошѣ просто рѣшается: по слѣду съѣзжаютъ зайца или лисицу и травятъ ихъ борзыми, отъ которыхъ при хорошей порошѣ рѣдко что уходитъ.

Зимняя охота на волковъ очень проста и состоитъ въ слѣдующемъ: кладутъ въ избранныхъ мѣстахъ около лѣса притравы, состоящія изъ палыхъ лошадей и коровъ, и та-

кимъ образомъ продолжаютъ угощать ихъ нѣсколько времени; потомъ, когда они притравятся уже хорошо и станутъ, наѣвшись до-сыта, ложиться тутъ же по сосѣдству съ притравами, то посылается обкладчикъ (обысотчикъ), который отъ притравы выслѣживаетъ волковъ, и дѣлая круги, сначала большой, потомъ меньше и меньше, наконецъ окончательно обозначаетъ то мѣсто, гдѣ дорогіе эти гости легли отдыхать послѣ приготовленнаго для нихъ завтрака. Тутъ въ минуту должна быть готова охота; съ осторожностію подъѣзжаютъ къ обозначенному пункту, съ одной стороны подвѣшиваютъ тенеты, а съ прочихъ занимаютъ кричаньемъ и стрѣлками, и когда уже все готово, то начинаютъ кричать, холостыми выстрѣлами по временамъ производить салютацію, и такимъ образомъ испуганные вдругъ пріятели начинаютъ метаться куда кто можетъ, и большею частію или попадаютъ въ тенеты, гдѣ люди должны стоять смирно, или, если отчаянный вздумаетъ пойти на проломъ въ сторону кричанья, то ему дѣлаютъ предварительно честь холостымъ выстрѣломъ, чтобъ испугать его и заставить броситься назадъ въ кругъ, потомъ, если смѣлость повлечетъ отчаяннаго все впередъ и впередъ, то тутъ шутки въ сторону и пуля рѣшаетъ дѣло.

—

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ.

(Волчій осокъ.)

Охота на волковъ по черностопу есть въ своемъ родѣ маневръ, и маневръ довольно серіозный въ охотничьемъ дѣлѣ. Надобно знать вообще и подробно волчью натуру, чтобъ сдѣлать правильное заключеніе объ удачѣ, или неудачѣ охоты на волковъ, и волчій осокъ, правильный, безошибочный, всегда долженъ цѣниться высоко.

Мы не станемъ повторять того, что было уже нами изложено въ предъидущемъ, касательно волковъ; но можемъ сказать, что это лютое животное, будучи хитро и проницательно, всегда, кажется, изучало человѣка и слѣдило за его изобрѣтательностію, относительно истребленія ихъ волчьяго рода; и потому эти, такъ подробно расписываемые прежде

способы истреблять волковъ посредствомъ притравъ къ извѣстнымъ пунктамъ и засадкою на нихъ ночью съ ружьями, ѣзда по ночамъ съ поросенкомъ, даже самыя волчьи ямы, въ настоящее время, если не суть въ своемъ родѣ полуфантазіи, такъ по крайней мѣрѣ полусбывчивыя охотничьи затѣи. Скорѣе, кажется, можно пересчитать одну, другую тысячу звѣздъ на небѣ, чѣмъ дождаться на притравѣ одного волка. Правда, что мы нынѣ почти ни чему не удивляемся, и даже самыя освященныя времена истины, выраженныя въ пословицахъ, въ наше время совершенно опровергаются. Такъ говаривали, что бѣлаго пороху ужъ не выдумать; стараго воробья на мякинѣ не обманешь; а между тѣмъ бѣлый порохъ уже выдуманъ, да имъ уже и зайца убили въ сорока шагахъ, и случалось видѣть вчастую, какъ старыхъ воробьевъ изъ западни, да изъ самыхъ силковъ вынимали; но старыми волками, убитыми на притравахъ, не многіе похвастаются. Если же кто умѣетъ такъ искусно замаскировывать себя и притраву, то тому нужно отдавать полную охотничью похвалу за мастерство и терпѣніе высиживать цѣлыя ночи и выжидать покуда придетъ сѣрый гость на приготовленный для него ужинъ. Что трудно истреблять волковъ, а въ особенности старыхъ, въ этомъ согласится цѣлый охотничій міръ; но между прочимъ, имѣя большую охоту, разумѣя здѣсь въ своемъ родѣ команду, состоящую изъ значительнаго числа людей, лошадей и собакъ, можно уничтожать волковъ цѣлыми ихъ выводками или гнѣздами. Для успѣха въ этомъ необходимы слѣдующія условія: 1) имѣть при охотѣ одного или двухъ вабельщиковъ; 2) волчьи тенеты, по крайней мѣрѣ не менѣе двадцати крылъ; 3) имѣть гончихъ собакъ, приспособленныхъ гонять хорошо по красному звѣрю; кромѣ этого, нужно всегда надѣяться добыть людей для кричанья. Такимъ образомъ, если изложенныя здѣсь условія существуютъ при охотѣ, то охота на волковъ по черностопу дѣлается слѣдующимъ порядкомъ: вабельщикъ предварительно долженъ отыскать волчьи выводки, что̀ начинается съ 15-го августа (ибо къ этому времени волченки порядочно подрастутъ, а, главное, волчьи концерты сами собой начнутся); повѣривъ гнѣзда въ точности и опредѣливъ ихъ мѣста, онъ доноситъ объ этомъ охотѣ, которая, собравшись въ отъѣздъ,

отправляется къ мѣстамъ, гдѣ отысканы вабельщикомъ волчьи гнѣзды.

Вабельщикъ обязанъ отзывать волковъ на вечерней и утренней заряхъ; и если они отзовутся, въ особенности на утренней зарѣ, то, сдѣлавъ осокъ, или тотъ кругъ, на площади котораго долженъ находиться волчій выводокъ, тотчасъ посылаетъ одного человѣка въ охоту, расположенную по сосѣдству въ деревнѣ. Охота заблаговременно должна быть готова, чтобъ сію же минуту, по полученіи извѣстія, что волки на утренней зарѣ отзывались, тронуться съ мѣста къ осоку. Чѣмъ охота скорѣе подъѣдетъ къ осоку, тѣмъ лучше; именно нужно наблюдать то, чтобъ съ разсвѣтомъ можно было метать тенеты.

Стая гончихъ, для всякой осторожности, съ доѣзжачими оставляется предварительно въ ближайшей къ осоку деревнѣ, а самый осокъ какъ можно поспѣшнѣе и съ величайшею тишиною окружается съ одной стороны подвѣшенными тенетами, и именно, съ той, гдѣ полагается волчій лазъ, а съ прочихъ сторонъ кричаньемъ. Не худо, если черезъ три или четыре человѣка кричанья, размѣстить стрѣлковъ, чтобъ, въ случаѣ отчаянія и дерзости сѣрыхъ непріятелей, бросающихся на проломъ между людьми, можно было бы или убить, или по крайней мѣрѣ выстрѣломъ испугать ихъ и заставить опять броситься въ осокъ. Такимъ порядкомъ если все готово, подъѣзжаютъ съ стаей гончихъ къ осоку и бросаютъ ихъ со стороны кричанья; и тутъ судьба лютаго семейства очень просто и скоро рѣшается: съ первымъ крикомъ старые волки или ввалятся въ тенеты, или, если вздумаютъ мудрить, да кружиться въ осокѣ, то зубамъ гончихъ потѣху лишь сдѣлаютъ собой, или же, если отчаянный подвернется на выстрѣлъ, то ловкій стрѣлокъ не долженъ дать маху. Словомъ: при опытности и осторожности тенетчиковъ, при хорошемъ кричаньи и искусныхъ стрѣлкахъ, да къ тому же, если стая гончихъ хорошо привалена къ волкамъ, то весь выводокъ, со старыми, перелетками и молодыми волками, можетъ сдѣлаться добычей опытной и искусной охоты. Разумѣется, первая честь должна отнестись вабельщику, а остальную подѣлить между всѣми участниками осока; ибо здѣсь всякій важенъ на своемъ мѣстѣ. Не мѣшаетъ брать съ собой и борзыхъ, если удобно потравить вывалив-

шагося изъ тенетъ, или пробившагося сквозь кричанье волка; разставить же стремянныхъ поодаль отъ осока и съ разныхъ сторонъ; словомъ: мѣстность укажетъ, гдѣ надобно поджидать съ борзыми.

Кромѣ изложеннаго здѣсь объ волчьихъ осокахъ, необходимо напомнить еще весьма важныя обстоятельства, которыя должны быть всегда во вниманіи передъ всякимъ волчьимъ осокомъ: а) вабельщикъ не долженъ часто отзывать волковъ, дабы имъ не показать тѣмъ готовящагося на нихъ нападенія; b) не располагаться близко къ гнѣзду съ охотой; ибо волки тотчасъ поймутъ, какого рода пришли постояльцы; с) при метаніи тенетъ нужно постоянно брать въ соображеніе вѣтеръ, потому что волки, имѣя тонкое чутье, разберутъ по вѣтру въ чемъ состоитъ дѣло.

Въ заключеніе, по важности обязанности вабельщика, мы распространимся о немъ нѣсколько подробнѣе. Дѣйствительно, ни одна изъ разнобразныхъ обязанностей охотниковъ, смотря по ихъ должностямъ, занимаемымъ въ стройной и полной охотѣ, не столь важна, столь занимательна, и въ своемъ родѣ чудесна, какъ обязанность вабельщика или волкозыва. Вабельщикъ есть тотъ же охотникъ, съ тою же горячею душею и съ тѣми же безотвѣтными страстями, какъ и ловкій борзятникъ, или влюбленный въ свое мастерство лихой доѣзжачій; но человѣкъ этотъ, составляя отдѣльное лицо по своему искусству при каждой охотѣ, пользуется, кромѣ обыкновеннаго вниманія своихъ старшихъ, еще нѣкоторымъ ихъ расположеніемъ.

Вабельщикъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть ловокъ и, кромѣ того, отъ него требуется знаніе и умѣнье по своей обязанности.

Искусство вабельщика состоитъ въ томъ, чтобы онъ умѣлъ такъ натурально отзывать волковъ, что даже самые старые волки не могли бы замѣтить, что ихъ отзываетъ человѣкъ; вабельщикъ долженъ знать отзывать (выть) по старому волку, по волчицѣ, по перелетку и по молодому. Это искусство перемѣнять голоса даетъ вабельщику средство узнавать приблизительно: сколько волковъ въ выводкѣ, или волчьемъ гнѣздѣ, гдѣ предполагается дѣлать охоту; кромѣ этого, отозвавъ по молодымъ, вабельщикъ узнаетъ о присутствіи, или отсутствіи старыхъ волковъ при гнѣздѣ, что весьма

важно знать передъ началомъ осока; ибо, освѣдомившись, что старые волки подавали голоса, тишина и осторожность при метаніи тенетъ и разстановливаніи кричанья, еще болѣе усугубляются.

Искусствомъ своимъ вабельщики до того изумляютъ, въ особенности простолюдиновъ, что они ихъ считаютъ за чародѣевъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ равнодушенъ и не удивится этому чудесному, въ своемъ родѣ, мастерству отзывать волковъ, что иной разъ даже и самые старые охотники, дрожа слушаютъ, когда выводокъ волчій, услыхавъ поданный голосъ вабельщикомъ, вдругъ всѣ, какъ-будто ихъ кто-нибудь тронетъ волшебствомъ, затянутъ свой страшный, иногда съ щелканьемъ зубовъ, концертъ.

Знаніе вабельщика должно его отличать въ томъ передъ прочими охотниками, что волки, медвѣди, лоси и другіе болѣе серіозные звѣри, должны быть ему въ своемъ родѣ пріятели. Конечно, это зависитъ отъ точнаго изученія характеровъ этихъ звѣрей и пріобрѣтенія охотничьихъ секретовъ какъ обходиться съ каждымъ изъ нихъ въ особенности; такъ-что послѣ этого не удивительно, что вабельщикъ, отправляясь въ глухую осеннюю ночь въ темный лѣсъ, преспокойно проводитъ тамъ время, лишь бы не прозѣвать поры отозвать ввечеру и утромъ волковъ.

Иной разъ, если волки по какому-либо случаю не отзываются, то, дабы убѣдиться въ точности: здѣсь ли гнѣздо, или переселилось въ другое мѣсто, вабельщикъ, переодѣвшись въ крестьянское платье и заткнувъ за поясъ топоръ, чтобы не дать замѣтить себя сѣрымъ друзьямъ съ подозрительной стороны, идетъ преравнодушно въ самый центръ ихъ жилья, и случается вчастую, что, наткнувшись на этихъ хищныхъ пріятелей, онъ, съ веселымъ и довольнымъ видомъ, поглядѣвши на нихъ, разбросанныхъ группами и отдыхающихъ послѣ завтрака, возвращается къ охотѣ съ вѣрнымъ извѣстіемъ о мѣстѣ волчьяго выводка.

Точное разбираніе слѣдовъ, во время черностопа, по росамъ и грязи, зимой по порошамъ; лазы звѣрей и примѣрная оцѣнка по наружнымъ признакамъ лѣса и окружающему его мѣстоположенію; что можетъ быть въ этомъ мѣстѣ изъ звѣрей и какого рода звѣри,—принадлежитъ тоже къ знанію вабельщика.

Умѣньемъ вабельщика можно считать все то, что относится къ его распорядительности; какъ напримѣръ: разставливанье, кричанье во время осоковъ, подвѣшиванье на скорую руку тенетъ, лучшее избранье направленія кричанью и тенетамъ, разспрашиваніе сельскихъ жителей о звѣряхъ, а также и бѣглое составленіе плановъ для охотъ на волковъ, медвѣдей, лосей, и примѣрное исчисленіе, сколько потребуется народа для кричанья, сколько необходимо взять съ собой крылъ тенетъ для даннаго осока,—все это составляетъ чистую практику вабельщика, и показываетъ его ловкое въ своемъ дѣлѣ умѣнье.

Словомъ, хорошій вабельщикъ есть весьма важное лицо при охотѣ, и потому эти люди, кромѣ вниманія къ нимъ, пользуются еще очень частыми наградами. На обязанности вабельщика лежитъ выбираніе духовыхъ собакъ, пріученье, или натаскиванье ихъ по медвѣдямъ, какъ это будетъ изложено при описаніи медвѣжьихъ охотъ. Кромѣ этого, искусное обкладываніе медвѣдей и опредѣленіе волчьихъ осоковъ—есть щегольство вабельщика. Способъ же опредѣленія волчьяго осока, или того въ своемъ родѣ геометрическаго круга, на площади котораго долженъ находиться волчій выводокъ, есть слѣдующій: вабельщикъ, взявъ съ собой своихъ учениковъ, двухъ или трехъ, и еще нѣкоторыхъ изъ охотниковъ, собственно на послухи (какъ это по-охотничьему выражается), отправляется къ тому мѣсту въ лѣсъ, гдѣ волковъ онъ прежде отзывалъ, и, разставивъ учениковъ съ разныхъ сторонъ предполагаемаго гнѣзда, а прочихъ охотниковъ въ промежуткахъ между ними, начинаетъ самъ первый отзывать по волчицѣ; прочіе всѣ внимательно должны слушать (въ особенности въ вѣтреную погоду): въ какомъ мѣстѣ станутъ отзываться волки; потомъ, спустя нѣкоторое время, какъ напримѣръ четверть часа, отзываетъ одинъ изъ учениковъ по старому; далѣе такимъ же порядкомъ по перелетку, и если надобность будетъ, то еще разъ снова повторяютъ эту волчью перекличку. Получивъ же удовлетворительный отвѣтъ выводка на свои отзыванья, всѣ эти люди, разными путями, безъ шуму, собираются къ условленному заранѣе пункту и отдаютъ каждый изъ нихъ отчетъ вабельщику, который уже изъ ихъ словъ составляетъ свое заключеніе и точное опредѣленіе мѣста гнѣзда. Это

отзываніе, положимъ, было на вечерней зарѣ; потомъ, почуя въ лѣсу, или въ ближайшей къ волкамъ деревнѣ, они наблюдаютъ, чтобы не прозѣвать утренняго и самаго важнаго отзыва, что̀ дѣлается за нѣсколько времени до разсвѣта, гдѣ точно такимъ же порядкомъ все наблюдается какъ и на вечерней зарѣ. Убѣдясь же окончательно въ точности мѣста волчьяго выводка, вабельщикъ обязанъ обозначить этотъ осокъ, или кругъ, болѣе видимымъ образомъ; почему, отославъ лишнихъ людей къ охотѣ съ извѣстіемъ, самъ съ ученикомъ объѣзжаетъ или обходитъ потихоньку осокъ и заламываетъ деревья, гдѣ бросать тенеты и гдѣ растянуть кричанье, стараясь постоянно держаться того правила: чѣмъ меньше кругъ, тѣмъ лучше, ибо меньше потребуется людей, менѣе будетъ шуму и болѣе порядка. За симъ остается пріѣхать съ охотой и сдѣлать ее такъ, какъ изложили мы, говоря о волчьихъ осокахъ.

Описавъ вабельщика съ серіозной его стороны, нельзя забыть и его характера въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ вы удивитесь этой отцовской заботѣ, съ которой онъ ухаживаетъ за каждымъ волчьимъ семействомъ, покуда не убѣдится въ мѣстѣ ихъ жилья, въ приблизительномъ числѣ малолѣтныхъ и старыхъ; изучаетъ хитрость родоначальниковъ каждаго волчьяго выводка; собираетъ свѣдѣнія о похищеніи у крестьянъ скота, и, раздѣляя съ ними чувство несчастія, уговариваетъ ихъ не рѣшаться на пустыя иной разъ предпріятія—аттаковать безъ пользы лютыхъ этихъ непріятелей; самъ же замѣчаетъ фуражировочныя ихъ прогулки и наблюдаетъ скрытыя ихъ ретирады; словомъ: старанія вабельщика о семействахъ волчьихъ могутъ быть выставлены образцомъ на первомъ планѣ между всѣми охотниками. Донесенія свои о волкахъ онъ выражаетъ всегда съ лицомъ задумчивымъ, философскимъ; отвѣты его большею частію состоятъ изъ словъ: «Я думаю, я полагаю» и наконецъ «можно дѣлать сегодня охоту.» Тутъ вы увидите двѣ противоположности: когда волки захвачены въ осокѣ, то вабельщикъ удвоивается жизнію—первый подъ гончими, первый улюлюкаетъ и первый вамъ отдаетъ отчетъ, сколько старыхъ волковъ принято въ тенеты, сколько перелетковъ и сколько молодыхъ загоняли гончія; словомъ, онъ не на конѣ, но на воздухѣ; при транспортированіи плѣн-

ныхъ съ живою заботою наблюдаетъ объ укладкѣ и перевязываніи своихъ прежнихъ пріятелей, которыхъ такъ старательно до того наблюдалъ цѣлость; тутъ интересно видѣть это самодовольство и по временамъ пріятную улыбку на большею частію серіозныхъ лицахъ почти всѣхъ волкозывовъ. Но за то неудача ихъ трогаетъ до совершеннаго сокрушенія; и вы, иной разъ желавши разспросить причину неудачи, соберете прежде всю охоту, покуда увидите наконецъ вабельщика, избравшаго уже себѣ особенный лазъ изъ пустого осока, и нейдущаго къ охотѣ, но подкрадывающагося, какъ волкъ къ овечьему стаду. Вотъ какъ конфузится искусный вабельщикъ при неудачной охотѣ!

—

О ВОЛКАХЪ-ЛЮДОѢДАХЪ.

Читая часто въ газетахъ и слыша разсказы о несчастныхъ случаяхъ, причиненныхъ волками, то тамъ, то сямъ, мы, иной разъ, ужасаемся явной лютости и безстрашной дерзости этого звѣря.

Такъ говорятъ: въ такую-то деревню вбѣжалъ волкъ, ворвался на дворъ и, схвативъ ребенка, утащилъ его съ собою въ лѣсъ. Это обыкновенно чаще случается въ самое рабочее время крестьянъ, когда по хижинамъ остаются только старъ и малъ, а все бодрствующее и въ силахъ, съ ранней зари до поздняго заката солнышка, трудится на своихъ десятинахъ въ полѣ; или же, говорятъ, такой-то, идя дорогою, изъ своей деревни въ сосѣднюю, былъ изранепъ волкомъ, бросившимся на него неожиданно изъ канавы, граничащей съ дорогою, гдѣ предварительно залегъ этотъ звѣрь, какъ бы для засады на свою добычу,—и тому подобные другіе несчастные случаи. Словомъ, дѣло къ тому идетъ, что гдѣ эти несчастія одинъ, другой и третій разъ повторятся, тамъ они наводятъ ужасъ до такой степени, что волковъ этихъ переименовываютъ въ людоѣдовъ; а какъ у страха глаза велики, то этимъ волкамъ тотчасъ припишутъ преувеличенныя особенности. Такъ они изъ сѣрыхъ дѣлаются у нихъ красными, черными, по большей части безхвостыми, съ особеннымъ лютымъ видомъ, со всегдашнею стоячею шерстью на хребтѣ; даже самая походка ихъ осо-

бѣдная, будто всегда страшная и поражающая. Деревенскіе жители, испытывая подобныя несчастія, относятъ ихъ къ неизбѣжности рока; и потому, хотя съ прискорбіемъ сокрушаются иной разъ о близкихъ сердцу потеряхъ, но переносятъ ихъ терпѣливо и съ нѣкотораго рода великодушіемъ, ожидая, покуда сама судьба уничтожитъ этихъ волковъ-людоѣдовъ; а судьба эта заключается очень часто въ томъ, что или охотникъ деревенскій застрѣлитъ этого волка, подкарауливъ его на лютой фуражировкѣ, или же холодное сельское оружіе—простой топоръ, направленный въ близкомъ разстояніи и въ отчаянную минуту встрѣчи съ людоѣдомъ, прекращаетъ его жизнь. Бывали примѣры, что кочерги, ухваты, лопаты и вообще подобное вооруженіе служило средствомъ спасти отъ волковъ-людоѣдовъ младенцевъ-дѣтей, попавшихся уже въ зубы имъ.

Конечно, эти серіозныя шалости волковъ случаются побольшей части тамъ, гдѣ охоты или вовсе не существуетъ, или же если и есть, то слишкомъ далеко расположены. Разсказавъ предварительно такимъ порядкомъ несчастія, причиняемыя иной разъ такъ называемыми волками-людоѣдами, весьма бы любопытно было знать: что это за особый родъ волковъ, и дѣйствительно ли волки кровожадны и къ человѣку, всегда страшному для нихъ? Вопросъ этомъ разрѣшается самымъ строгимъ наблюденіемъ за волчьей натурой и тѣмъ характеромъ хищнаго ихъ товарищества, который изученъ до тонкости охотниками. Такъ животныя эти, имѣя отъ природы страсть накутить до ужаса въ стадахъ овецъ, или уничтожить быка, корову, лошадь, любятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту злобность и силу, съ которыми должно производить на добычу свои нападенія. Не даромъ волчица, не выводя своихъ юныхъ дѣтенышей изъ гнѣзда, пріучаетъ уже заранѣе ихъ работать зубами, принося живьемъ добытое въ самое гнѣздо, гдѣ бѣдное, попавшееся на жертву животное, нѣсколько разъ пускается самкой въ побѣгъ и опять ловится, дабы вразумить пояснѣе дѣтенышамъ грамоту лютости и того звѣрства, съ которымъ они должны впослѣдствіи нападать на добычу. Чѣмъ удалѣе и хитрѣе товарищъ, тѣмъ болѣе онъ уважается въ своемъ лютомъ обществѣ и заслуживаетъ то преимущество, что если онъ только добылъ на свой паи, то, завтракая подъ кустомъ,

уже онъ знаетъ, что другой не придетъ его безпокоить, а тѣмъ болѣе не посмѣетъ насильственно отнять пожираемое. Сколько уважается и страшитъ ихъ сила, столько же пренебрегается и ненавидится ими слабость и безсиліе. Юные, покровительствуемые до полной возмужалости своими родителями и родственниками, пребываютъ во всегдашнемъ снисхожденіи до окончательнаго развитія силъ; напротивъ того, немощная старость у нихъ въ полномъ изгнаніи, и потому эти старики-волки, бывшіе такое продолжительное время грозою для своихъ младшихъ, или уничтожаются сами, при первой ссорѣ, въ клочки, или же, сознавая сами собой собственное безсиліе, отдѣляются отъ обществъ и, поселясь въ самомъ близкомъ разстояніи къ жилью, начинаютъ себя на остаткѣ дней продовольствовать самой беззащитной добычей, нападая на крестьянскихъ дѣтей, или же, если голодъ одолѣетъ ихъ до изнеможенія, то они, въ безпамятствѣ, бросаются и на возмужалыхъ людей, ища тѣмъ скорѣйшаго прекращенія своей жизни: — вотъ начало происхожденія такъ называемыхъ страшныхъ волковъ-людоѣдовъ, которыхъ одна крайность и немощность старости заставляетъ промѣнивать баранину и телятину на чечеловѣческое мясо, которое и въ нуждѣ неохотно ими пожирается.

Волки эти всегда одиночны и врываются въ деревню почти всегда по одному и тому же направленію; они безсильны и уже не такъ осмотрительны, стало быть, уничтоженіе ихъ не стоитъ большихъ обдумываній; надобно только стать съ ружьемъ и подкараулить этого людоѣда, и нерѣдко, за неимѣніемъ, пули или картечи, заячья дробь оканчиваетъ ихъ поприще, или даже сами дворовыя собаки, по какому-то инстинкту, бросаются съ отчаянностію на этихъ страшилищъ и, задержавъ ихъ на огородѣ, или въ самой деревнѣ, даютъ средство человѣку иной разъ убить ихъ первымъ попавшимся въ руки полѣномъ, или простымъ даже булыжникомъ. Во всякомъ случаѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ придется испытать несчастіе отъ волковъ, не должно медлить и тѣмъ доводить до новой жертвы. Замѣтивъ направленіе, куда хищникъ съ добычею отретировался, нужно безъ особаго шума отправится въ слѣдъ съ ружьями, а за неимѣніемъ ихъ, съ простымъ холоднымъ деревенскимъ оружіемъ—то-

порами, вилами и прочимъ, и не давая маху, стараться прекратить жизнь его, тѣмъ болѣе, что это безсильный, изнеможенный волкъ, желающій умереть.

Что эти волки-людоѣды дѣйствительно суть тѣ волки, которые, по своему безсилію, потерялп уже вѣсъ между хищными своими товарищами, то въ этомъ убѣждались тѣмъ, что, по убіеніи людоѣда, осматривали его челюсти, въ которыхъ явно доказывалась глубокая старость этихъ волковъ; ибо зубы ихъ почти всѣ были стерты; во-вторыхъ, необыкновенная ихъ худоба показывала уже ихъ безсиліе, а ослабѣвшая органическая жизненность была столь уже ничтожною, что лишала возможности, при сбрасываніи лѣтней или зимней шерсти, перебраться окончательно, то есть до-чиста, и потому не мудрено, что они въ другомъ видѣ показывались лѣтомъ и зимой, противъ своей еще свѣжей и бодрствующей волчьей братьи. Что эти же старики-волки иной разъ уничтожаются своими однородцами, это подтверждалось неоднократными примѣрами на опытѣ; ибо находили растерзанныхъ волковъ и большею частію тоже беззубыхъ.

Разумѣется, какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то иной разъ случалось, что и свѣжіе волки нападали на людей, но весьма рѣдко и, большею частію, почти всегда въ незначительномъ числѣ, такъ-что это была скорѣе волчья шалость, а не нужда, заставившая ихъ броситься на человѣка, чтобъ накормить себя его мясомъ. Партія свѣжая всегда добудетъ себѣ продовольствіе, если не изъ домашней живности, то, разсыпаясь по лѣсу, наловитъ зайцевъ или козъ; или же, если пришлось имъ проголодать одинъ, другія сутки, то первый попавшійся имъ возъ не пройдетъ благополучно; ибо они въ такомъ случаѣ бросаются на лошадь и въ упряжи ее рѣжутъ, тогда, когда человѣкъ всегда остается цѣлъ и невредимъ, разумѣется, нежножко только перепугается.

—

О ДУХОВЫХЪ СОБАКАХЪ И ОБЪ ОХОТѢ НА МЕДВѢДЕЙ.

Между всѣми охотничьими, разнообразной породы, собаками, составляютъ бо́льшую важность и цѣнность духовыя собаки. Онѣ, смотря по предмету, къ которому бываютъ приспособлены, изумляютъ своимъ удивительнымъ чутьемъ и тѣмъ инстинктомъ, который явно обнаруживаетъ нѣкоторыя драгоцѣннѣйшія способности этого рода животныхъ, такъ напримѣръ: неутомимость, бдительность, стараніе, преданность, дружба, отважность, высокое самоотверженіе и даже мужество своего рода—неоднократно доказаны были этими животными на опытѣ.

Духовыхъ собакъ мы видимъ вездѣ, почти во всѣхъ странахъ, и, смотря по различію потребностей, онѣ получаютъ и различныя назначенія. Такъ собаки, ищущія трюфелей въ западныхъ государствахъ Европы, суть уже духовыя. Сентъ-бернардскія, спасающія забрасываемыхъ лавинами людей, тоже принадлежатъ къ духовымъ; въ Персіи, и вообще въ азіятскихъ владѣніяхъ, гдѣ охотятся на кабановъ, имѣютъ собакъ изъ той же породы. У насъ, въ благословенномъ раздольи Россіи, также въ изобиліи духовыя собаки: охота на выдръ, на бѣлокъ, на лосей и на медвѣдей, по большей части, производится посредствомъ духовыхъ собакъ. Собаки эти не составляютъ особой капитальной породы, какъ напримѣръ: борзыя, гончія, меделянскія, или бульдоки; онѣ суть въ своемъ родѣ полевые цвѣты, неожиданно появляющіеся между лелѣемыми въ богатыхъ оранжереяхъ нѣжными цвѣтами; а потому было бы весьма несправедливо, обозначивъ такую-то породу собакъ, назвать ее духовою; собаки же эти по большой части выходятъ изъ помѣсей случайныхъ, и чаще всего отъ смѣшенія собакъ, имѣющихъ чутье, съ простыми дворняшками.

Казалось бы, почему изъ гончихъ нельзя имѣть духовыхъ собакъ, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣютъ превосходное чутье? Конечно, чутье драгоцѣнно и въ духовой собакѣ; но отъ сей послѣдней требуются особенныя условія: духовая собака должна быть степенна, должна знать только тотъ предметъ, къ которому ее приспособятъ; при этомъ она должна имѣть въ иныхъ случаяхъ и отчаянную злобность, какъ напримѣръ: во время охоты на медвѣдей, гдѣ поднимаше

медвѣдя съ берлоги и дальнѣйшее преслѣдованіе съ лаемъ и по временамъ съ яснымъ нападеніемъ на этого непріятеля, требуетъ особой злобности, безъ которой собака не можетъ такъ смѣло рисковать собой. Даже превосходная гончая уже не годится въ духовыя собаки; ибо она жарко станетъ гнать, что̀ весьма не полезно при охотѣ на медвѣдя; къ тому же, погнавъ по медвѣдю, она нерѣдко можетъ, увидавъ зайца, бросить медвѣдя и увязаться за этой ничтожностью во время серіозное и болѣе интересное, и тому подобное.

Описавъ въ общихъ чертахъ духовыхъ собакъ, мы скажемъ объ нихъ еще и то, что нѣкоторыя изъ нихъ сами собой обнаруживаютъ свою способность; другія же, будучи примѣтисты опытному взгляду охотника, берутся изъ грубаго и запущеннаго состоянія, какъ напримѣръ: очень часто съ цѣпей у мужиковъ. Таковыя собаки постоянною заботливостію и практическими охотничьими уловками приспособляются и дѣлаются, чрезъ развившуюся природную ихъ наклонность, до того цѣнными, что, будучи иной разъ куплены за мѣдный рубль, восходятъ до тысячи рублей; ибо мастерствомъ охотничьимъ въ приспособленіи къ одной извѣстной цѣли, онѣ доводятся иной разъ до совершенства. Мы уже не говоримъ о томъ, какую важную роль играетъ хорошая духовая собака на медвѣжьихъ осокахъ, и какое невыразимое удовольствіе составляетъ; застрѣлить медвѣдя изъ-подъ духовой собаки, которая, степеннымъ своимъ преслѣдованіемъ въ чащѣ лѣса и громкимъ лаемъ, даетъ средство приготовиться заранѣе, чтобъ не прозѣвать непріятеля, а главное, прехладнокровно прицѣлиться и направить безъ фальши пулю въ лобъ.

Описавъ предварительно такимъ порядкомъ духовую собаку, мы перейдемъ теперь къ самой охотѣ на медвѣдей.

Охоту на медвѣдей можно раздѣлить на охоту стройную или правильную, и на ту охоту, гдѣ отважный охотникъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, вооружившись винтовкой, идетъ прямо въ берлогу, и, поднявъ на дыбы залежавшагося звѣря, рѣшаетъ иной разъ все дѣло однимъ выстрѣломъ.

Первая охота, есть охота обдуманная, основанная на нѣкоторыхъ тактическихъ соображеніяхъ, и почти всегда без-

опасная, тогда какъ послѣдняя охота,—какъ слѣдствіе отважности и одинокого боя, частенько оканчивается большими непріятностями, какъ напримѣръ: попасться въ объятія едва не желѣзныхъ когтей медвѣдя, звѣря сильнаго, кровожаднаго и весьма ловкаго въ гимнастическихъ движеніяхъ. Охоты на медвѣдей, по большей части, бываютъ въ то время, когда природа подвергаетъ ихъ въ нѣкоторый, въ своемъ родѣ, летаргическій сонъ; а именно съ начала зимы до ранней весны, или до того времени, какъ станетъ выпадать первый снѣгъ, до той поры, какъ начнетъ онъ весной пропадать и обращаясь въ воду, подмачиваетъ медвѣжьи берлоги, словомъ: дѣлаетъ уже естественную непріятность покоиться медвѣдю въ его углубленномъ помѣщеніи.

Не касаясь описанія видовъ и особенныхъ семействъ медвѣдей, какъ-то: стервятниковъ, овсятниковъ, муравейниковъ, мы изложимъ здѣсь первоначально правильную на медвѣдей охоту, а потомъ разскажемъ, какъ охотятся удальцы на медвѣдей, вступая съ нимъ въ одинокій бой.

При всякой стройной охотѣ имѣются, такъ называемые, обысотчики или обкладчики, на заботу которыхъ возлагается, съ первыхъ порошъ, обкладывать медвѣдей и потомъ въ продолженіе зимы, хранить ихъ спокойствіе до того времени, пока не выпадетъ довольно глубокій снѣгъ и медвѣдь не облежится еще хорошо въ своей берлогѣ. Обкладываніе медвѣдей заключается въ томъ, что обысотчикъ, съ первыхъ порошъ бродя по лѣсу и попавъ на медвѣжій слѣдъ, идетъ по немъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что медвѣдь сдѣлалъ петлю. Замѣтивъ эту предварительную осторожность звѣря предъ его логовищемъ, обысотчикъ тотчасъ съ осторожностію оборачивается назадъ и, отойдя на довольно порядочное разстояніе отъ петли, кругами, начиная съ большихъ, обходитъ предполагаемую медвѣжью берлогу, и тѣмъ узнаетъ наконецъ: тутъ ли звѣрь, или онъ обманулъ, что хотѣлъ здѣсь лечь. Въ первомъ случаѣ, если видимо, что звѣрь остался въ обойденномъ обысотчикомъ кругѣ,—то дѣло и кончено; остается только наблюдать, чтобъ дровосѣки-крестьяне не смѣли испугать залегшаго на покой медвѣдя въ своей контопиръ-квартирѣ; во второмъ же случаѣ, если онъ сдѣлалъ петлю только для обмана, то обысотчикъ, убѣдившись въ этомъ, продолжаетъ слѣдить далѣе

и наконецъ, выше изложеннымъ порядкомъ, окончательно обязанъ обложить медвѣдя. Теперь остается только подождать до глубокихъ порошъ, чтобъ тѣмъ дать медвѣдю болѣе разнѣжиться въ его берлогѣ, и позаботиться о средствахъ произвести охоту.

Средства, безъ которыхъ обойтись нельзя для произведенія правильной охоты на медвѣдя, суть слѣдующія: a) кричанье, котораго число зависитъ отъ обширности осока; b) стрѣлки, коихъ чѣмъ больше, тѣмъ лучше; c) люди, вооруженные рогатинами, и d) духовая собака, которая, чѣмъ лучше приспособлена къ дѣлу, тѣмъ болѣе доставляетъ занимательности, болѣе успѣха, болѣе охотничьей картины, и наконецъ это невыразимое удовольствіе—убить изъ-подъ духовой собаки серіознаго, сильнаго и страшнаго этого въ нашемъ климатѣ звѣря. Самое производство охоты дѣлается такимъ порядкомъ, что съ вышеупомянутыми средствами отправляются къ тому мѣсту, гдѣ обысотчикъ обложилъ медвѣдя и сдѣлалъ уже предварительно осокъ; и сообразивъ первоначально, гдѣ можетъ быть лазъ медвѣдя, тамъ и ставятъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ, хотя достовѣрно можно положить, что медвѣдь, подпятый съ берлоги, всегда сначала старается ретироваться по тому слѣду, откуда пришелъ, что̀ неупустительно надо имѣть во вниманіи при медвѣжьихъ осокахъ. Разставивъ съ осторожною тишиною стрѣлковъ, и чрезъ два или три нумера людей съ рогатинами, въ то же время заводятъ и кричанье, гдѣ также необходимо перемѣшивать его съ людьми, вооруженными огнестрѣльнымъ оружіемъ, для того, чтобы, въ случаѣ, если медвѣдь вздумаетъ пойти на кричанье, можно его было по крайней мѣрѣ, отдаваньемъ салютаціи холостыми выстрѣлами, испугать и заставить повернуться именно въ ту сторону, гдѣ для него уготована должная и съ нефальшивой церемоніею смерть. Когда такимъ образомъ все разставлено по своимъ мѣстамъ, обысотчикъ, взявъ съ собою еще одного человѣка съ ружьемъ и, на запасъ, что-нибудь изъ холоднаго оружія, а также и духовую собаку, долженствующую играть первую и важную роль при этомъ случаѣ, отправляются всѣ вмѣстѣ по слѣду къ медвѣжьей берлогѣ, и подойдя къ ней, если увидятъ, что медвѣдь все еще продолжаетъ лежать на мѣстѣ, то должны стараться, не дѣлая особенной личной пе-

пріятности звѣрю, поднять его безобидно съ берлоги и потомъ, предоставивъ духовой собакѣ преслѣдовать его до того времени, пока онъ самъ не выпадетъ на смертный выстрѣлъ линіи стрѣлковъ, сами только наблюдаютъ, ходя внутри осока, чтобъ, въ случаѣ вступленія въ бой духовой собаки съ медвѣдемъ не давать ему мѣшкать въ осокѣ, а стараются заставлять его, поминутнымъ своимъ явленіемъ на помощь собакѣ, подвигаться ближе къ цѣли. Изложенная осторожность въ поднятіи медвѣдя съ берлоги необходима и основана на дознанныхъ практически охотничьихъ сноровкахъ, что чѣмъ тише сдѣланъ осокъ и обставленъ кругомъ нужными въ этомъ случаѣ людьми, чѣмъ кротче подойдутъ обысотчики къ медвѣдю и сдѣлаютъ въ это время холостой внезапно выстрѣлъ, а кричанье, услышавъ выстрѣлъ, тотчасъ же зашумитъ, то медвѣдь, уроненный въ нравственныхъ силахъ этой внезапностью, робѣетъ до такой степени, что нѣкоторымъ образомъ дѣлается послушнымъ, и, преслѣдуемый духовой собакой и поднявшими его съ мѣста людьми, иной разъ пройдетъ параллельно на разстояніи ружейнаго мѣткаго выстрѣла съ перваго до послѣдняго стрѣлка, покуда охотничій искусный выстрѣлъ въ лобъ, или подъ лопатку, не заставитъ его протянуться важно предъ счастливымъ нумеромъ одного изъ участвующихъ на охотѣ лицъ.

Мы уже упомянули о томъ, что внезапность нападенія совершенно роняетъ моральность у медвѣдей, и тутъ именно выгода упрежденія вполнѣ обнаруживается; почему если уже кто рѣшился участвовать на медвѣжьей правильной охотѣ, тотъ, кромѣ вооруженія огнестрѣльнымъ оружіемъ, долженъ вооружиться еще самымъ холоднымъ равнодушіемъ и не страшиться звѣря, аттакованнаго со всѣхъ сторонъ и бродящаго робко и въ безпамятствѣ по осоку.

Правиломъ же опытныхъ охотниковъ полагается: подпустивъ медвѣдя на самое близкое разстояніе и прицѣлясь ему прямо въ лобъ, или подъ лопатку, спустить курокъ, и пуля, пущенная съ вѣрностью и хладнокровіемъ, вѣроятно, достаточно будетъ сильна, чтобъ положить звѣря на мѣстѣ. Разумѣется, что лучше имѣть на подобныхъ охотахъ двухствольныя ружья; ибо повтореніе иной разъ при этихъ случаяхъ бываетъ полезно и частенько даже необходимо. Но если бы стрѣленный медвѣдь вздумалъ, разсердчавшись, итти

или, какъ нерѣдко случается, на четверинкахъ ползти къ сдѣлавшему по немъ выстрѣлъ, то рогатины не должны допустить до расправы самой близкой и чувствительной звѣря за сдѣланную ему личную обиду пулей; да къ тому же добрая духовая собака всегда здѣсь должна отличаться отчаянною храбростію и мужествомъ самымъ открытымъ и влѣпливаться то въ уши звѣрю, то хватать его за гатчи, и тѣмъ производить то, что̀ называется диверсіей, и даже служитъ чистой демонстраціей отъ цѣли, предпринятой звѣремъ, чтобъ отмстить противнику за нанесенную имъ несмертельную рану. Такъ производится стройная и правильная охота на медвѣдя!

Охота же этихъ отважныхъ стрѣлковъ, какъ дѣло, основанное на ловкости въ стрѣльбѣ и на изумительной неустрашимости итти на борьбу въ одиночку съ страшнымъ звѣремъ, не можетъ быть подводима ни подъ какія правила, а разсказомъ можно только объяснить, какъ эти люди охотились на медвѣдей, и какъ нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось убивать звѣря съ одного выстрѣла. По большей части эти случаи охоты разыгрываются слѣдующимъ образомъ: удалецъ-стрѣлокъ, взявъ съ собою доброе ружье и обоюдуострый кинжалъ, идетъ прямо въ берлогу и, не давая подняться звѣрю съ мѣста, цѣлитъ ему въ лобъ—и тутъ иной разъ бываетъ медвѣдю конецъ. Въ противномъ случаѣ, если медвѣдь только раненъ, то, поднявшись на дыбы, онъ идетъ побороться съ нежданнымъ пріятелемъ; вотъ здѣсь-то ловкость сохранить свой черепъ отъ когтей звѣря, попавшись къ нему подъ брюхо, и умѣнье мгновенно вонзить кинжалъ и располосать вдоль брюха рану смертельную,—составляютъ единственное средство спастись отъ погибели. Сознаніе силы, умѣнья и ловкости сразиться съ страшнымъ звѣремъ служитъ непонятнымъ возбужденіемъ жадности охотиться на медвѣдя въ одиночку, такъ что съ этою жадностію неустрашимые эти охотники и умираютъ вмѣстѣ. Духовая собака при подобныхъ охотахъ также бываетъ очень полезна.

—

ОБЪ ОХОТѢ НА ЛОСЕЙ.

Охоту на лосей можно раздѣлить: на зимнюю и лѣтнюю, или на охоту за лосями по порошѣ, и охоту за ними по черностопу.

Зимняя охота на лосей не мудрена и состоитъ большею частію изъ облавъ на лосей. Порошн, съ нетерпѣніемъ ожидаемыя охотниками, столь губительны для всѣхъ звѣрей вообще, что они какъ-будто сами въ этомъ увѣрены, и нисколько не спасая себя удаленіемъ отъ жилища человѣка, сами еще болѣе приближаются къ нему. Такъ зайцы ложатся въ огородахъ, волки въ безпрестанномъ виду деревень, а лоси цѣлыми табунами иной разъ держатся жилища человѣка; хотя, конечно, этому всему причина одна: зима лишаетъ ихъ достаточнаго продовольствія на волѣ, и звѣри по необходимости пользуются около человѣка, встрѣча съ которымъ столь страшна для нихъ въ лѣтнюю и изобильную кормомъ пору. Потому-то охота зимой на лосей, иной разъ въ виду стоящихъ цѣлымъ табуномъ, и спокойно жующихъ сѣно изъ крестьянскихъ стоговъ, не составляетъ большого затрудненія ни въ отысканіи лосей, ни въ затрудненіи сдѣлать на нихъ облаву. Нужно только имѣть маленькую охотничью смѣтливость и привычное искусство—разобрать предварительно, куда лоси, въ случаѣ нападенія на нихъ, должны будутъ ретироваться. Соображенія при этомъ случаѣ не глубоки: лось не волкъ, который умѣетъ разобрать чутьемъ и различить глазами ружье стрѣлка отъ палки мужика-кричальщика, и не побѣжать въ ту сторону, гдѣ хотя одинъ стоитъ охотникъ съ ружьемъ, а напротивъ, бросится въ толпу мужиковъ, нужды нѣтъ, если ихъ и сто тамъ будетъ стоять, и многіе изъ нихъ, можетъ быть, и поподчуютъ его въ ребра своими палками, волкъ знаетъ это хорошо, и расчетъ у него вѣрный; лучше хотя избитымъ, да остаться живымъ, нежели лечь на мѣстѣ, иной разъ съ одного выстрѣла искуснаго стрѣлка. Лось же въ этомъ случаѣ болѣе простъ, нежели даже его самая огромная фигура, и бѣжитъ всегда почти въ ту сторону, откуда пришелъ на кормъ; и потому, дѣлая облаву зимой на лосей, нужно предварительно обойти ихъ большимъ кругомъ и замѣтить слѣдъ, съ какой стороны лоси пришли; потомъ, давъ имъ нѣсколь-

ко времени еще болѣе обстояться на мѣстѣ, сдѣлать облаву хотя изъ незначительнаго числа людей, да побольше набрать стрѣлковъ и разставить ихъ по той сторонѣ, куда лоси будутъ стараться ретироваться. Стрѣлять въ лося не трудно: онъ просторенъ; но убить его, безъ мастерства въ стрѣляніи, не всякъ убьетъ; а потому неискусно стрѣляющій пулей долженъ стараться замаскировать себя, ставъ за какое-либо дерево, и не боясь лося нисколько; ибо это не медвѣдь, бросающійся на выстрѣлъ; подпустить его какъ можно ближе, и нацѣлясь въ лобъ, или въ грудь, выстрѣлить въ него смѣло. Это средство вѣрнѣе для неискусныхъ стрѣлковъ, чѣмъ желаніе похвастаться, что убилъ лося въ ста шагахъ разстоянія. Къ свалившемуся отъ выстрѣла лосю не нужно вдругъ съ радости бросаться, какъ уже къ готовому трофею; ибо случается, что иной разъ упавшій отъ пули лось, такъ неосторожно отброситъ ножку, что, попавъ ею нечаянно въ торжествующаго своего побѣдителя, часто и его заставляетъ разстаться съ своею жизнію. Почему, не сходя съ мѣста, какъ это постановлено строго въ правилахъ охотничьихъ, зарядить снова ружье, если оно одноствольное; если же двухствольное, то, въ случаѣ, если замѣтно, что лось еще живъ, повторить въ него еще разъ пулей, и тѣмъ увѣрить себя въ совершенномъ своемъ торжествѣ, а главное въ полной безопасности. Вотъ и все, что можно сказать объ зимней охотѣ на лосей! Охота же на нихъ по черностопу производится совсѣмъ другимъ порядкомъ, и уже не столь простымъ, какъ зимой. Всякой звѣрь лѣтомъ дѣлается болѣе чуткъ, и будучи всегда на слуху, не допускаетъ къ себѣ близко человѣка, развѣ случаемъ попадается ему только на встрѣчу. И здѣсь охотники прибѣгаютъ къ другому средству: пріучаютъ собакъ отыскивать лосей. Собаки эти суть тѣ же духовыя, которыхъ приспособляютъ и къ медвѣдямъ; такъ-что охота съ собакой, натасканной по лосямъ, и лѣтомъ облегчается; ибо дѣло будетъ заключаться въ томъ, что, отправившись на охоту за лосями въ лѣсъ, собака, попавъ на слѣдъ лося, тотчасъ даетъ знать хозяину объ этомъ своимъ лаемъ, которому послѣ этого не нужно много уже безпокоиться, а стараться, услышавъ лай собаки, приблизиться къ ней нѣсколько, и, выбравъ удобное мѣсто для выстрѣла, поджидать, покуда

собака нагонетъ на него лося; ибо лось, испугавшись лая собаки, будетъ стараться сначала уйти отъ нея, а потомъ, убѣдившись, что преслѣдованье не опасно, часто возвращается къ тому мѣсту, гдѣ собака подняла и сначала испугала, и бродя въ различныхъ направленіяхъ, даже иной разъ тихимъ шагомъ старается какъ-нибудь избавиться отъ собаки, неотвязчиво преслѣдующей его и безпрестаннымъ лаемъ дающей знать охотнику, куда лось изволитъ направляться; такъ что часто случается, охотникъ, ставъ за деревомъ и слыша приближающійся лай собаки, иной разъ стрѣляетъ лося въ десяти, много въ двадцати пяти шагахъ разстоянія. Если же случится, что лось уйдетъ далеко, преслѣдуемый собакой, то, слыша голосъ собаки, охотникъ долженъ приблизиться къ тому мѣсту и тѣмъ же порядкомъ поджидать звѣря.

Охота на лосей съ гончими неудобна, ибо гончія ни загонять, ни остановить лося не въ силахъ, а застрѣлить его, рѣдко когда дадутъ возможность; ибо, преслѣдуя лося жарко и быстро, они его загонятъ иной разъ за тридевять земель.

—

ОХОТА ЗА ДИКИМИ КОЗАМИ ПО НАСТУ.

Дикая коза, будучи создана почти эвирною въ своемъ физическомъ устройствѣ, столько рѣзва, ловка и быстра, что прудкость самой отличной борзой собаки ничтожна, чтобъ не только поймать, но даже то, что говорится по-охотничьи, угнать дикую козу. Охота же на дикихъ козъ съ гончими также не всегда бываетъ удачна; ибо это дикое животное, столь нѣжное, столь слабос, имѣя единственную защиту въ быстротѣ своихъ ногъ, всегда почти на слуху, и чуть почуетъ что-нибудь подозрительное, тотчасъ шарахается и, размапивъ только собою гончихъ собакъ, попавшихъ на ея слѣдъ, ускользаетъ съ такою мгновенностію изъ виду, что даже простываетъ за нею слѣдъ и дѣлаетъ тѣмъ безуспѣшною всякую охоту съ гончими на козъ. Хотя, конечно, мы слышимъ иной разъ, что такіе-то, охотясь съ гончими въ лѣсу, убили дикую козу изъ-подъ гончихъ

собакъ, но этого за положительность принять нельзя; а надобно всегда относить къ случаю, гдѣ коза нечаянно сама подвернется, иной разъ на выстрѣлъ охотника, и въ этомъ удостовѣриться можно даже изъ разсказовъ самихъ охотившихся. Они, восхищаясь своею рѣдкою добычею и разсказывая съ жаромъ о своей охотѣ, весьма часто говорятъ, что «едва только кинули въ островъ гончихъ, какъ вдругъ летитъ коза; я приложился и убилъ ее.» Это по большей части такъ и бываетъ; ибо, въ противномъ случаѣ, если коза только услышитъ, что ее преслѣдуютъ, то она не станетъ кружиться какъ заяцъ, который всегда съ трудомъ разстается съ своимъ жилищемъ, и хотя проведетъ гончихъ въ лѣсу версту, иной разъ и другую, но всегда старается возвратиться къ тому мѣсту, гдѣ его первоначально подняли гончія; дикая же коза, напротивъ, удостовѣрившись, что на нее нападаютъ, круговъ бѣлячихъ не станетъ дѣлать въ лѣсу, а тотчасъ помчится въ даль и уведетъ за собою гончихъ на такое разстояніе, что иной разъ цѣлый день пройдетъ, покуда ловчіе дозовутся ихъ къ своимъ рогамъ. Мы здѣсь разумѣемъ охоту на дикихъ козъ по черностопу. Если же гдѣ дикія козы водятся и держатся болѣе или менѣе постоянно одного и того же мѣста, то, чтобъ имѣть въ этомъ болѣе вѣроятнаго успѣха, необходимо прибѣгать къ облавамъ, и облавамъ весьма осторожнымъ и предварительно обдуманнымъ. Потому, удостовѣрившись первоначально въ точности ихняго мѣстопребыванія въ лѣсу и сообразивъ объемъ того протяженія, на которомъ нужно помѣстить кричанье, съ возможною тишиною собираютъ народъ къ одному пункту, съ котораго опытный охотникъ и заводитъ линію, стараясь сколь возможно тише и скорѣе окружить то мѣсто, гдѣ козы, по предварительному убѣжденію, находятся. Обложивъ козъ такимъ порядкомъ, пускаютъ два, или три смычка добрыхъ гончихъ, и судьбу захваченныхъ,—этихъ эвирныхъ четвероногихъ животныхъ, весьма скоро рѣшаютъ; полчаса, много часъ,—и смотришь, уложивъ добычу порядкомъ, считаютъ сколько кѣмъ убито. Кромѣ изложеннаго способа производить охоту на дикихъ козъ, есть еще другой, но гораздо занимательнѣйшій, болѣе требующій искусства и менѣе издержекъ, такъ-какъ всякая облава даромъ не обходится. Это именно тотъ способъ, который не

всѣмъ, даже престарѣлымъ охотникамъ, извѣстенъ. Способъ этотъ основывается на искусствѣ умѣть вабить по старому козлу и по старой самкѣ; кромѣ этого, нужно умѣть еще разбить врозь партію, или, въ своемъ родѣ, табунъ ходящихъ вмѣстѣ дикихъ козъ. Первое достигается тѣмъ, что прислушиваются какъ сзываетъ козелъ, или самка, своихъ дѣтенышей, и потомъ, постояннымъ упражненіемъ голоса подражать этому сзыванью, достигаютъ подобнаго искусства вабить правильно дикихъ козъ. Второе же условіе разбивать врозь, поштучно, стаю дикихъ козъ, основывается на внезапности нападенія на ихъ гуртъ. Если эту стаю дикихъ козъ запримѣтятъ въ хлѣбѣ на открытомъ мѣстѣ, то, подкрадываясь верхами, вдругъ маршмаршемъ аттакуютъ ихъ, стараясь разбить сколь возможно на части стаю. Если же въ лѣсу производятъ эту охоту, то надобно стараться подойти осторожно и сколь возможно ближе къ стаѣ, и потомъ съ парсканьемъ самымъ громкимъ сдѣлать напускъ гончихъ, и тѣмъ заставить козъ этою нежданностію нападенья размѣтаться во всѣ стороны. Достигнувъ этого, тотчасъ разбѣгаются стрѣлки во всѣ стороны, разумѣется, подобравъ предварительно на смычки напущенныхъ гончихъ и соблюдая всевозможную тишину, они даютъ время съ добрыхъ полчаса успокоиться всему, что встревожилось отъ ихняго внезапнаго шуму; потомъ и начинаютъ подвабливать по старому козлу и по старой самкѣ: такимъ образомъ молодежь, аріентируясь на обманчивый звукъ, подходитъ иной разъ къ своей смерти на три шага разстоянія, и, конечно, рѣдкій, даже изъ неискусныхъ стрѣлковъ, сдѣлаетъ въ такой близкой цѣли промахъ изъ ружья. Результатъ подобной охоты, съ искусствомъ произведенной, всегда бываетъ удовлетворителенъ.

Описанные способы охотиться на дикихъ козъ суть способы, какъ мы упомянули выше, употребляемые во время черностопа. Зимой же охота на дикихъ козъ бываетъ по большей части по насту, или въ то самое губительное время для этого нѣжнаго дикаго животнаго, когда выпадетъ глубокій снѣгъ, сдѣлается оттепель и потомъ захватитъ морозъ, такъ-что сверху снѣга образуется кора, неспособная удержать на поверхности своей козу, а между тѣмъ заставляя ее проваливаться, рѣжетъ ей до костей ноги, и

тѣмъ совершенно лишаетъ ее возможности бѣжать и ускакивать отъ преслѣдователей. Тутъ уже искусства нѣтъ; главная же забота должна состоять въ томъ, чтобы лѣсничій, бродя въ различныхъ направленіяхъ по лѣсу, съ первыхъ порошъ старался запримѣтить, гдѣ дикія козы табунятся, и не увлекаясь тѣмъ, что онъ могъ бы иной разъ убить одну штуку, надглядывалъ бы лишь за стаей и ея передвиженіемъ съ одного мѣста на другое, стараясь ихъ не пугать и тѣмъ дать возможность забрать ихъ впослѣдствіи всѣхъ почти безъ изъятія. Дождавшись самой благополучной поры, какъ мы выразились выше, наста, онъ даетъ знать, кому слѣдуетъ, объ стаѣ козъ, гдѣ, для большаго успѣха, должны взять съ собою и нѣсколько крылъ тенетъ, а главное—имѣть для всѣхъ участниковъ охоты лыжи, на которыхъ во время наста чрезвычайно способно ѣздить. Дойдя къ указанному обкладчикомъ мѣсту, охотники съ одной стороны подвѣшиваютъ тенеты для большей вѣроятности успѣха, съ другой заходятъ люди съ ружьями и загонщиками, и такимъ образомъ забираютъ козъ почти всѣхъ живьемъ, или же иныхъ, болѣе проворныхъ, пристрѣливаютъ изъ ружей. Интересно видѣть, какъ эти воздушныя и быстрыя животныя понимаютъ въ это время невыгодность своего положенія, и захваченныя со всѣхъ сторонъ, онѣ такъ скромны и перѣшительны въ эту злополучную минуту, что даже съ трудомъ едва можно тронуть ихъ съ мѣста, и куда одна, туда и другая бредетъ. Порѣзавши себѣ ноги отъ первоначальныхъ прыжковъ, онѣ кричатъ до того пронзительно и жалостно, что не всякое ухо можетъ равнодушно переносить эти непріятные и поразительные звуки. Словомъ, подобная охота можетъ увлекать только любителей огромныхъ результатовъ добычи, и любителей, что̀ выражается: имѣть навѣрное успѣхъ, а не тѣхъ, которые безъ жалости не могутъ смотрѣть на подобное истребленіе этого благороднаго и прекраснаго дикаго животнаго. Такъ пріятна охота, гдѣ есть искусство; а гдѣ его нѣтъ, то благородный охотникъ гнушается подобной забавы. Хотя, конечно, этотъ же способъ служитъ единственнымъ средствомъ добывать дикихъ козъ живьемъ для звѣрницевъ; ибо въ другое время какъ напримѣръ, лѣтомъ, трудно захватить козъ подобнымъ образомъ,

а главное, по нѣжности этого звѣря, трудно, чтобы онъ, попавшись въ тенеты, могъ оставаться живымъ въ послѣдствіи времени въ звѣринцѣ; ибо, вѣроятно, онъ прежде того, покуда ввалится въ тенеты, будетъ столько изнеможенъ предварительно гоньбою собакъ, или даже людей-кричальщиковъ, что, зарьявши до-нельзя, тотчасъ же, или очень скоро, послѣ принужденнаго этого моціона, околѣваетъ. Бывали неоднократные примѣры, что даже самые старые козлы, носившись съ непмовѣрною быстротою въ захваченномъ осокѣ, и не давши себя ни одной собакѣ ущипнуть, ввалившись въ тенеты, тотчасъ же и околѣвали сами собой, не заставивъ даже тенетчиковъ, въ четырехъ шагахъ отъ крыла стоящихъ, много и безпокоиться, чтобъ вывалить изъ тенетъ осѣтившагося звѣря. И потому, при старапіи добыть живьемъ дикихъ козъ для звѣринца, необходимо ловить ихъ зимою, когда самая температура способствуетъ скорѣйшему освѣженію всякаго загнаннаго звѣря, а главное, соблюдать осторожность, когда выпутываютъ дикихъ козъ изъ тенетъ, и не хватать руками какъ попало, а брать прежде всего за рога, а потомъ за ноги, и такимъ порядкомъ переносить куда слѣдуетъ. При впусканіи въ звѣринецъ та же должна соблюдаться осторожность, и какъ можно кротче нужно ей освободить ноги и не дѣлать никакого шуму, чтобъ тѣмъ испытывать, побѣжитъ ли она скоро, или пойдетъ весьма медленными шагами. Строгое соблюденіе этихъ осторожностей всегда поведетъ къ тому, что дикія козы могутъ остаться живыми до натуральной своей смерти, не только въ пространномъ звѣринцѣ, но и въ весьма маленькой загородкѣ.

—

ОХОТА НА ВЫДРЪ.

Охота на выдръ необходимо требуетъ маленькаго предварительнаго описанія, относительно того, гдѣ преимущественно выдры живутъ, или, какъ выражаются охотники, гдѣ онѣ болѣе водятся, а главное—изъясненія настоящаго ихъ характера; ибо это, земноводное въ своемъ родѣ, животное, по своей рѣдкости не каждому охотнику вполнѣ знакомо, и до того сюрпризируетъ собой иной разъ даже искусныхъ

и расторопныхъ стрѣлковъ, что они становятся вчастую просто въ-тупикъ и опомниваются тогда только, когда она тутъ же, по сосѣдству ихъ, нырнетъ въ воду,—и потому начнемъ съ преимущественнаго пребыванія выдръ.

Выдра, продовольствуясь рыбой, конечно, должна уже по этой причинѣ жить или въ водѣ, или по сосѣдству съ водою, чтобъ удобнѣе было производить ей свою ловлю рыбы. Она избираетъ такую рѣчку, или озеро, чтобъ они были не слишкомъ глубоки, и по возможности менѣе широки, чѣмъ продольны; далѣе, чтобъ эти рѣчки, или озера, были непремѣнно рыбны, чтобъ они берега имѣли въ иныхъ мѣстахъ столь подмытыми, чтобы служили выдрѣ или укрытіемъ во время отдохновенія на воздухѣ, или были удобны и способны для метанія самкой своихъ дѣтенышей и первоначальнаго ихняго младенческаго воспитанія; наконецъ, чтобъ эти мѣста, по возможности, были уединенны и были бы въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ песчаными, хотя небольшими отмелями. Небольшая ширина рѣчки и неглубокость воды способствуютъ чрезвычайно какъ ловко ловить выдрѣ рыбу, и въ особенности большого размѣра, и даетъ тотчасъ ей возможность выбраться скоро на берегъ съ добычей. Другія требованія для пребыванія выдръ весьма естественны и уже ясны сами собой, развѣ только можно сказать еще о песчаныхъ отмеляхъ, которыя служатъ выдрамъ мѣстомъ нѣги и гдѣ онѣ съ такимъ наслажденіемъ катаются по лунымъ почамъ на воздухѣ. Изложивъ подобныя объясненія, весьма натурально, что этимъ требованіямъ для присутствія выдръ, большею частію, удовлетворяютъ лѣсныя рѣчки и озера.

Кому извѣстны изъ охотниковъ изложенныя свѣдѣнія, тотъ и знаетъ, гдѣ выдры водятся, и потому, проходя подобныя мѣста, онъ уже постоянно долженъ имѣть во вниманіи, что не попадется ли ему здѣсь выдра, и уже навѣрно промаху не дастъ въ случаѣ встрѣчи съ выдрой; а незнающему этихъ подробностей касательно выдръ, это изложеніе можетъ послужить полезнымъ наставленіемъ для охоты на этого рода животныхъ. Относительно характера выдры можно сказать, что едва ли есть какое-либо хитрѣйшее и злѣйшее животное противу выдры. Она, будучи аттакована собакой на сушѣ, до такой степени защищается, что

если собака не приспособлена къ выдрамъ, то она изранитъ ее до изнеможенія и тѣмъ заставитъ отказаться отъ всякой надъ собой побѣды. Тоже неопытному и невооруженному человѣку нельзя рисковать напасть на выдру; ибо иной разъ можно лишиться руки за смѣлость схватить выдру прежде окончательнаго ея убитія. Выдры столь умѣютъ таиться, что развѣ случаемъ незнающимъ на ихъ охоты могутъ попадаться на глаза. Охоту на выдръ можно раздѣлить на два вида: на охоту съ однимъ ружьемъ и на охоту съ ружьемъ и съ духовою собакою, приспособленною къ выдрамъ.

Первая охота заключается въ томъ, что знающій всѣ изложенные признаки присутствія выдръ, ходитъ по временамъ по берегу рѣчекъ, или озеръ, и старается открыть то мѣсто, гдѣ выдра выходитъ чаще изъ воды на берегъ; а по изслѣдованнымъ охотниками на опытѣ истинамъ, выдра выходитъ на берегъ за слѣдующими надобностями: а) отправленіе натуры она никогда не дѣляетъ въ водѣ, а всегда на берегу; b) всякую пойманную добычу она любитъ пожирать на воздухѣ; c) отдохновеніе отъ своихъ водяныхъ движеній она производитъ также на воздухѣ. Слѣдовательно, остатки рыбы, а въ особенности крупной, находимый калъ выдры, а также замѣченный слѣдъ ея на отмеляхъ песчаныхъ—могутъ служить довольно вѣрнымъ ручательствомъ, что выдра преимущественно выйдетъ опять на это же мѣсто, чѣмъ на какое-либо другое, гдѣ этихъ признаковъ вовсе не замѣчено. Такимъ порядкомъ охотникъ, подмѣтивъ сказанныя мѣста, гдѣ выдра преимущественно выходитъ изъ воды на берегъ, старается не пропускать свѣтлыхъ ночей и, отправляясь къ сказаннымъ мѣстамъ съ вѣрнымъ ружьемъ, можетъ смѣло садиться въ тридцати шагахъ разстоянія отъ предполагаемой цѣли. Выдра не то, что волкъ или лисица, которые, имѣя превосходное чутье, а еще болѣе тонкій инстинктъ, не такъ часто позволяютъ себя убивать охотнику, засѣвшему на нихъ на притравѣ: выдра, какъ мы замѣтили выше, живя всегда въ уединеніи и встрѣчаясь съ человѣкомъ иной разъ, и то только случайно, не знакома еще хорошо ни съ запахомъ пороха, ни со свинцомъ, которые такъ близко извѣстны волкамъ и лисицамъ,— и вотъ почему волкъ или лисица, прежде чѣмъ сунуться

ѣсть притраву, или то мясо издохлыхъ лошадей, или коровъ, которое кладется охотниками въ извѣстныхъ мѣстахъ, съ цѣлію приманить къ этимъ пунктамъ сказанныхъ звѣрей, всегда первоначально обходятъ притравы кругомъ, и посредствомъ своего превосходнаго чутья разузнаютъ: сидитъ ли здѣсь охотникъ съ ружьемъ, или нѣтъ? На счетъ выдръ въ этомъ отношеніи нечего безпокоиться; но все же, для большей осторожности, нужно себя замаскировать хотя шалашемъ, сдѣланнымъ на-скоро изъ древесныхъ вѣтвей, и потомъ, засѣвши въ шалашѣ, необходимо прикинуться нѣсколько разъ ружьемъ, дабы въ то время, когда придется стрѣлять, не пришлось бы разбирать вѣтви, могущія помѣшать вѣрному прицѣливанью. Далѣе, дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобъ съ терпѣніемъ посидѣть нѣсколько часовъ; и коли выйдетъ выдра на берегъ, то не зѣвать и прямо спустить курокъ,—и сомнѣнія никакого нѣтъ, что на такомъ близкомъ разстояніи, и съ вѣрнымъ ружьемъ, непремѣнно выдра будетъ убита. Относительно того, чѣмъ стрѣлять лучше въ выдру: дробью ли крупной, или пулею? можно рѣшить такъ: съ одной стороны, стрѣляя дробью, значитъ нанести болѣе ранъ выдрѣ; за то, съ другой стороны, имѣя выгоды въ вѣрности выстрѣла, мы невольно впадаемъ въ другую невыгоду—изрѣшетить довольно цѣнный мѣхъ выдры, а въ особенности если ружье густо бьетъ. Стрѣлять же пулей, значитъ имѣть важное ручательство за собой—искусство стрѣлять ловко, что̀ не всякому охотнику дается; а потому лучше всего, чтобъ избѣжать одной невыгоды и въ то же время чтобъ не потерять напрасну трудовъ, просидѣвъ иной разъ нѣсколько ночей, то лучше, для соединенія возможныхъ выгодъ, стрѣлять картечью, то есть класть въ ружье нѣсколько малепькихъ пулекъ. Такъ охотятся на выдръ съ однимъ ружьемъ безъ собаки и въ особенности лѣтомъ; зимой же также этотъ порядокъ не измѣняется.

Охота же на выдръ съ приспособленной для этой охоты собакой, еще болѣе интересна и гораздо облегчительнѣе; но дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ предварительно приспособить собаку для охоты на выдръ; и потому мы поговоримъ объ этомъ здѣсь обстоятельнѣе. Во-первыхъ, покажемъ, какая порода собакъ способна къ натаскиванію на выдръ; во-вторыхъ, какъ этихъ собакъ приспособляютъ, и нако-

нецъ, съ готовой уже собакой какъ производится самая охота.

Выборъ собакъ для приспособленія къ выдрамъ весьма труденъ; ибо особенной породы собакъ для этого рода охоты не существуетъ. Хотя казалось бы лучше всего употреблять можно было бы такую породу собакъ, которая уже по своей природѣ извѣстна и чутьемъ и оказываетъ болѣе способности къ ученію, такъ напримѣръ лягавыя собаки, пудели и наконецъ даже не исключая самой породы гончихъ; но дѣло на практикѣ дознано, что эти дорогія собаки, по своему чутью и большой способности къ понятіямъ, для охоты на выдръ иной разъ вовсе не годятся. Такъ лягавая собака, будучи природою назначена преимущественно для охоты на птицъ, уже не способна къ натаскиванью на выдръ, потому что помимутными своими стойками иной разъ весьма на охотѣ вредитъ, да къ тому же лягавыя собаки всегда большею частію добраго характера; а здѣсь, напротивъ, требуется злобность отъ собаки. Пудели, по своей горячности, вовсе не годятся ни для какой охоты. Гончія хотя болѣе всего удовлетворили бы этому требованію, но будучи равно способны гонять все попавшееся имъ изъ звѣрей, иной разъ, преслѣдуя жарко выдру, бросятъ ее въ самую важную минуту и погонятъ по попавшемуся имъ неожиданно на пути зайцу; да свѣрхъ того, гончія, преслѣдуя довольно быстро всякаго звѣря, и гоняя вслухъ, своимъ тявканьемъ весьма вредятъ также этимъ на охотѣ за выдрами; ибо угонятъ иной разъ такъ скоро выдру, что охотникъ не поспѣетъ перехватить ее на пути прежде, чѣмъ она подберется къ водѣ, гдѣ, нырнувъ, спасается и отъ собакъ и отъ выстрѣла. Показавъ главный недостатокъ для охоты за выдрами высчитанныхъ здѣсь породъ собакъ, мы все же знаемъ, что есть собаки, съ которыми охотятся на выдръ; но эти собаки не составляютъ особой капитальной породы, а выходятъ случайно изъ помѣсей собакъ, имѣющихъ чутье, съ собаками простыми, или, какъ ихъ называютъ, дворняшками. Бываютъ примѣры, что и деревенскія мужичьи собаки, бывъ съ щенячьяго возраста приспособляемы къ выдрамъ, выходятъ весьма порядочными на охотѣ. Собакъ же этихъ, приспособленныхъ исключительно къ одной цѣли, называютъ охотники духовыми. Приспособ-

леніе или натаскиваніе собаки по выдрамъ особенной замысловатости не имѣетъ; ибо оно заключается въ томъ, чтобъ молодую собаку брать съ собой какъ можно чаще на охоту, и увидѣвъ слѣдъ выдры, а въ особенности свѣжій, тотчасъ собаку наводить на него и стараться всѣми мѣрами внушить ей, что для этой цѣли она приготовляется; и если случится убить выдру, то дать ее собакѣ какъ можно больше потрепать, и тѣмъ пріохотить собаку къ выдрамъ. Собаки очень способы понимать, а въ особенности охотниковъ, которые, имѣя большое терпѣніе, всегда успѣваютъ въ достиженіи своей цѣли. Производство охоты на выдръ съ собакой, знающей выдру, весьма уже легко, и составляетъ немаловажное удовольствіе, а въ особенности для крестьянина, которому эта охота доставляетъ хлѣбъ. Самая же охота производится большею частію лѣтомъ по росамъ, а зимой по порошамъ, гдѣ собака, попавъ на слѣдъ выдры, тотчасъ выслѣживаетъ ее и доводитъ охотника или къ водѣ, если выдра тамъ на кормѣ, или иной разъ къ тому мѣсту, гдѣ выдра отдыхаетъ на воздухѣ. Собака умная должна лаемъ тотчасъ дать знать объ этомъ охотнику, который подоспѣваетъ и убиваетъ выдру изъ ружья почти въ трехъ шагахъ разстоянія, а иной разъ, если охотникъ не торопится и выдра старается уйти отъ собаки, то собака въ этомъ случаѣ сама расправляется и задавливаетъ выдру, не дождавшись своего хозяина.

Не мѣшаетъ къ нашему описанію охоты на выдръ присовокупить еще и то, что выдры, бывъ взяты крошечными и вскормленныя человѣкомъ, чрезвычайно какъ привязываются къ нему, и сколько бы ни жили у хозяевъ, всегда скромны и не дѣлаютъ никакого разоренія въ домѣ; такъ напримѣръ: куры, утки и другія домашнія животныя всегда могутъ быть покойны отъ домашнихъ выдръ; онѣ не то, что̀ волченки, или лисица, которые до года только дѣти и въ глазахъ человѣка кротки, а послѣ года и внѣ своихъ хозяевъ, убавляютъ со счету домашнихъ птицъ штукъ по нѣсколько въ день. Съ присвоенныхъ выдръ можно, напротивъ того, извлекать нѣкотораго рода пользу, какъ напримѣръ: заставлять ихъ ловить рыбу и вытаскивать на берегъ; что̀ и весьма удобо-достижимо; ибо въ Китаѣ многіе охот-

ники пріучаютъ дикихъ утокъ, подъ названіемъ шырковъ, ловить рыбу и вытаскивать ее на берегъ.

—

ОБЪ ОХОТѢ НА КАБАНОВЪ (ВЕПРЕЙ).

Охота на кабановъ преимущественно заключается въ облавахъ, хотя и со псовой охотой случается иногда также имѣть успѣхъ; но успѣхъ этотъ всегда почти бываетъ сопряженъ съ большими тратами и жертвами самыми сокрушительными для охотниковъ. Такъ почти всегда теряются изъ стаи лучшія и драгоцѣннѣйшія гончія собаки, напущенныя на кабановъ; ибо передовыя изъ нихъ, жарко преслѣдуя звѣря, увлекаются до того, что забываютъ опасность и, бросаясь на самаго звѣря, иногда разъяреннаго, уничтожаются на-смерть однимъ пронженіемъ его клыка, и потому всякій хозяинъ охоты долженъ имѣть во вниманіи эти потери и, не восхищаясь тѣмъ, что его гончія самыя отважнѣйшія и могутъ впиваться въ кабана, долженъ предпочесть сохраненіе въ стаѣ этихъ драгоцѣннѣйшихъ собакъ всякому желанію видѣть ихъ храбрость въ гоньбѣ за кабаномъ. Хотя, конечно, многіе изъ охотниковъ пренебрегаютъ тѣмъ, что могутъ потерять лучшихъ изъ стаи гончихъ собакъ, утѣшая себя охотничьей поговоркой: «собачья мать велика»; но нерѣдко, потерявъ отважнѣйшихъ мастеровъ изъ стаи, они многими годами не наживаютъ ихъ потомъ, не смотря на то, что, можетъ быть, до тысячи гончихъ щенковъ въ это время ими воспитается.

Высказавъ неудобства охотиться на кабановъ съ псовой охотой, мы все же должны по истинѣ сказать, что собаки могутъ служить только нѣкоторымъ средствомъ, къ облегченію убить кабана; но сами собой его побѣдить не въ сплахъ; ибо, утомивъ своей гоньбой и окруживъ кабана, онѣ не въ состояніи ни повалить, ни задавить его, и дѣло окапчивается все-таки или пулею, или тѣмъ, что отважный доѣзжачій, быстро соскочивъ съ лошади, закалываетъ звѣря кортикомъ, или охотничьимъ кинжаломъ.

Лучшая же и вѣрнѣйшая охота на вепрей состоитъ въ облавахъ на нихъ; и потому первоначальная забота передъ облавой должна состоять въ томъ, чтобы какъ можно вѣр-

нѣе опредѣлить логовище кабана, или то мѣсто, гдѣ онъ преимущественно отдыхаетъ послѣ жировъ своихъ; хотя, впрочемъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ водятся вепри, заранѣе уже знаютъ тѣ мѣста въ лѣсахъ, гдѣ кабаны, хотя бы и зашедшіе изъ дальнихъ краевъ, будутъ лежать преимущественно передъ какими-либо другими мѣстами, гдѣ ихъ прежде никогда не замѣчали. Основываясь на этихъ вѣрныхъ предположеніяхъ, стоитъ только навѣдываться по временамъ въ замѣченныхъ мѣстахъ и отыскивать слѣдъ вепрей, что̀ во время влажной погоды удободостижимо; ибо и по травѣ дѣлается видѣнъ слѣдъ пройденнаго вепря, не говоря уже о томъ, если ему случится пройти по черной и голой землѣ: тутъ явственно отпечатывается всякая изъ ногъ звѣря. Такимъ образомъ, замѣтивъ путь его послѣ жировъ, стараются осторожно его обложить, или обойти тотъ кругъ, въ центрѣ котораго кабанъ располагается въ своемъ логовищѣ; обойдя кабана кругомъ, или сдѣлавъ въ своемъ родѣ осокъ на него, тотчасъ нужно сообразить, сколько потребно людей для облавы, и собравъ нужное въ этомъ случаѣ число, заводить ихъ осторожно съ той стороны, откуда намѣреваются погнать вепря на выстрѣлы охотниковъ, которыхъ располагаютъ, соображаясь съ лазомъ кабана. Извѣстно, что вепрь первоначальную ретираду свою совершаетъ въ заднюю пяту, то есть въ ту сторону, откуда онъ пришелъ въ логово. Вепрь, испуганный крикомъ людей, окружившихъ его, бѣжитъ скоро, но не робко, и путь его всегда прямой; выстрѣла онъ не боится, и даже прямо бросается на дымъ, а потому въ этомъ случаѣ нужно быть чрезвычайно осторожнымъ и заботиться каждому стрѣлку объ избавленіи себя отъ самыхъ страшнѣйшихъ непріятностей, какъ напримѣръ: быть распоротымъ клыкомъ вепря. Средства, которыми ограждаютъ себя охотники отъ опасностей во время охоты на вепря, заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, нужно стрѣлять съ совершеннымъ хладнокровіемъ въ кабана, подпустивъ его на самое близкое и, стало быть, вѣрное разстояніе, и цѣлить непремѣнно или въ сердце или въ лобъ, дабы убить его на-повалъ; ибо пуля, попавшая въ другое мѣсто кабана, иной разъ совершенно никакого вреда ему не дѣлаетъ, потому что на вепрѣ всегда бываетъ столько сала, а еще бо-

лѣе смолы, что пуля тотчасъ же и заплываетъ жиромъ; во-вторыхъ, какъ вепрь бросается послѣ выстрѣла на дымъ, то нужно или съ ловкостію отбѣжать въ сторону съ того мѣста, откуда пущенъ выстрѣлъ, или, какъ обыкновенно дѣлается, тамъ, гдѣ бываютъ частыя облавы на кабановъ, помѣщаться на нарочно приготовленныхъ для этой цѣли пняхъ, съ которыхъ можно смѣло стрѣлять въ самомъ близкомъ растояніи въ вепря: ибо если онъ и бросится на выстрѣлъ, то клыкомъ пырнетъ только въ пень— и больше ничего не въ состояніи сдѣлать. Вепри, какъ извѣстно, такъ же, какъ и домашнія свиньи, никогда не могутъ сдѣлать зла тому, кто выше ихъ морды, а дѣйствуютъ только по горизонтальному направленію, или внизъ. Когда вепрь кинется на выстрѣлившаго охотника, тотъ не долженъ горячиться и тратить другого выстрѣла, если у него двухствольное ружье, а приберечь его на тотъ самой моментъ, когда кабанъ, бросившись къ нію, приблизится почти къ самому стволу: тутъ хладнокровный стрѣлокъ всегда почти, за отчаянную дерзость вепря, даетъ ему приличное возмездіе, и часто у самыхъ ногъ своихъ успокоиваетъ его пулею на вѣчныя времена.

Хотя мы упомянули выше въ этой статьѣ, что со псовой охотой почти вовсе нейдетъ охотиться на вепря, ибо потери собакъ столь чувствительны, что самое восхищеніе убить кабана изъ-подъ собакъ почти ничтожно, чтобъ заставить забыть эту навсегда невозвратимую трату; но все же не мѣшаетъ брать на кабаній осокъ самыхъ тупыхъ гончихъ, хотя пару смычковъ, дабы онѣ, гнавши кабана, тявканьемъ своимъ подавали знать куда вепрь направился бѣжать. Конечно, и этихъ собакъ жаль, если клыкъ кабана коснется ихъ; но можно болѣе надѣяться, что онѣ уцѣлѣютъ скорѣе, чѣмъ добрыя, испытанныя уже на дѣлѣ и паратыя гончія; да къ тому же не азартныя и не злобныя гончія, преслѣдуя вепря съ жаромъ, покуда онъ бѣжитъ впередъ, въ случаѣ, если бы онъ обратился назадъ, и сами съ такимъ же жаромъ отъ него убѣгаютъ въ сторону.

Кромѣ описаннаго способа охотиться на вепрей, можно ихъ истреблять и другимъ образомъ. Такъ, замѣчаютъ, гдѣ кабанъ часто жируетъ, или кормится; болѣе всего нужно

освѣдомляться около овсовъ, посѣянныхъ въ лѣсахъ; тутъ очень замѣтно бываетъ посѣщеніе вепрей: обыкновенно умятыя дорожки и истребленное количество овса показываютъ, что кабанъ здѣсь жируетъ. Въ такомъ случаѣ, засѣвъ съ ружьемъ на удобномъ сосѣднемъ деревѣ около тропы, нужно съ терпѣніемъ поджидать гостя,—и вѣрный выстрѣлъ въ лобъ, или въ грудь, иногда бываетъ достаточенъ, чтобъ убить кабана, а если и промахъ, то все-таки нечего бояться на деревѣ: это не медвѣдь, отъ котораго нигдѣ нельзя спастись во время его озлобленнаго нападенія.

—

ОВЪ ОХОТѢ НА РЫСЕЙ.

Рысь принадлежитъ къ роду хищныхъ звѣрей и рѣдко встрѣчается въ окрестностяхъ Петербурга, куда заходитъ бо́льшею частію зимою, изъ Остзейскихъ провинцій. Здѣсь рысей добываютъ молодыми, выкармливаютъ дома и образуютъ изъ нихъ наилучшихъ кошекъ.

Рысь есть тигръ Сѣвера; у ней, какъ и у этого, та же ловкость въ движеніяхъ, тѣ же скачки, та же лютость, та же хитрость и не рѣдко та же шерсть.

Охотники различаютъ два разряда рысей: одинъ крупный, другой мелкій. Рыси питаются зайцами и птицами, и выжидаютъ ихъ въ засадѣ на томъ деревѣ, мимо котораго пролегаетъ заячья тропа, явственно замѣтная на снѣгу; лѣтомъ же рысь разбираетъ ее чутьемъ; ибо извѣстно, что зайцы живутъ въ лѣсу обществами и, отправляясь по почамъ въ овесъ, капусту и другія продовольственныя мѣста, ходятъ обыкновенно по нѣсколько вдругъ. Днемъ зайцы лежатъ въ своихъ логовахъ, а послѣ заката солнца встаютъ, и степенными скачками выбираются на тропу; здѣсь они встрѣчаются другъ съ другомъ и одинъ за другимъ скачутъ на жиры. Рысь днемъ разузнаетъ эти тропы, и засѣвъ на деревѣ, или даже на самой тропѣ, ждетъ съ терпѣніемъ появленія зайцевъ и, притаившись, подпускаетъ ихъ на самое близкое разстояніе; потомъ вдругъ кидается на добычу, впивается въ нее когтями и загрызаетъ на-

смерть. Случается, что рыси изъ крупной породы, бросаясь такъ же на лисицъ и собакъ, уничтожаютъ ихъ.

Охотятся за рысью по большей части зимой, во-первыхъ потому, что она въ это время выцвѣтаетъ и, слѣдовательно, имѣетъ лучшую шерсть; а во-вторыхъ, потому, что по описаннымъ выше засадамъ рыси на зайцевъ, легче напасть на ея слѣдъ. Охота производится слѣдующимъ порядкомъ:

Охотникъ, напавъ на свѣжій слѣдъ рыси, съ поспѣшностію идетъ по слѣду; рысь, примѣтивъ человѣка въ близкомъ отъ себя разстояніи, тотчасъ бросается на дерево и забирается на самый верхъ.

Охотникъ, для сбереженія мѣха, долженъ стрѣлять по рыси пулей, или по крайней мѣрѣ картечью. Не мѣшаетъ брать съ собою на охоту за рысями и собакъ, хоть бы даже дворныхъ: ибо онѣ, по всегдашнему нерасположенію къ кошачей породѣ, погонятъ и рысь, и загнавши ее на дерево, тутъ же, или около и остаются, и поднявъ морды кверху, лаятъ, давая тѣмъ знать охотнику, чтобъ онъ шелъ и готовилъ выстрѣлъ.

Бываетъ, что охотникъ нападетъ вдругъ на двухъ рысей, изъ которыхъ одна бросается на дерево, а другая убѣгаетъ далѣе въ лѣсъ; въ такомъ случаѣ очень полезно имѣть двухъ собакъ: подманивъ къ себѣ одну изъ нихъ, должно тотчасъ привязать ее къ тому дереву, на которое поднялась рысь; такимъ образомъ можно надѣяться, что собака не спуститъ рыси съ дерева. Самъ охотникъ долженъ спѣшить за другою рысью и стараться загнать ее на дерево, что̀ не трудно; ибо, какъ извѣстно, рыси не очень прытки на бѣгу и спасаются отъ преслѣдованій только тѣмъ, что поднимаются на деревья. Успѣвъ загнать и другую рысь на дерево, охотникъ долженъ тотчасъ убить ее, а потомъ уже возвратиться къ первой, гдѣ привязанная собака сторожитъ добычу. Безъ этихъ предосторожностей охота будетъ неудачна; ибо рысь, замѣтивъ, что у дерева никого нѣтъ, тотчасъ спрыгиваетъ съ дерева и убѣгаетъ.

—

ОХОТА НА ВОЛКОВЪ НОЧЬЮ СЪ ПОРОСЕНКОМЪ.

Къ числу всѣхъ существующихъ у насъ способовъ охоты на волковъ, принадлежитъ и охота на нихъ ночью съ поросенкомъ., которая по большей части бываетъ неудачна; ибо рѣдко бываетъ хорошо выполняема. Но и эта охота, если только будетъ дѣлаться съ умѣньемъ и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ въ этомъ случаѣ, то можетъ быть употреблена съ пользою и можетъ быть даже очень удачна.

Охота на волковъ ночью съ поросенкомъ бываетъ различна, а потому разсмотримъ хоть понемногу всѣ возможные способы этой охоты и укажемъ, который изъ этихъ способовъ лучше и который изъ нихъ можетъ быть болѣе употребительнымъ. И такъ, 1) устроиваютъ волчью *яму* и сажаютъ въ нее *поросенка*. Есть еще другой примѣръ: поросенка привязываютъ къ нарочно устроенному колу, разумѣется, съ нужною подмосткою, и этотъ колъ воткнутъ въ средину ямы, такъ-что поросенокъ не въ ямѣ, но поверхъ ея остается, который, разумѣется, будетъ стараться выскочить изъ ямы, но увидѣвъ затруднительность своего положенія, и не бывъ въ состояніи выйти изъ него, сердится, кричитъ, и крикомъ привлекаетъ къ себѣ рыщущаго волка, который прибѣгаетъ на голосъ и сгоряча бросившись на лакомый кусочекъ (въ ямѣ), самъ попадаетъ въ западню, въ которой уже навѣрное и немѣткая пуля охотника навсегда рѣшитъ участь волка. Казалось бы, какого еще лучшаго результата ожидать отъ подобной охоты? но въ томъ то и штука, что скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Какъ часто мы обманываемъ себя тѣмъ, что расчитываемъ одно, а выходитъ совсѣмъ другое; такъ точно и тутъ всегда ли удастся охотнику обмануть этого хитраго звѣря? Смѣло можно сказать, что рѣдко. Старый и матерой волкъ, хотя иной разъ и голодный, но всегда остороженъ и не такъ легко отдается опасности; онъ напередъ узнаетъ, такъ сказать, въ чемъ дѣло, и всегда тихо и съ хитрою осмотрительностію приближаясь къ приготовленной для него добычѣ, тотчасъ пойметъ, что тутъ разставлены для него сѣти. *Неопытный же и молодой волкъ*, пожалуй, еще кинется, не разгадавъ

наперед что тутъ есть обманъ, а потому и содѣлывается въ иное время самъ простодушною его жертвою.

2) Устроиваютъ еще что-то въ родѣ голубятни на столбу, поднятой отъ земли по крайней мѣрѣ на сажень, и взявъ съ собою поросенка, садятся въ эту клѣтку два или три человѣка охотниковъ, и когда волки, привлеченные крикомъ поросенка, подойдутъ такъ близко, что можно надѣяться убить ихъ, то стрѣляютъ черезъ продѣланныя въ стѣнахъ бойницы. Но это уже такъ наивно, что едва ли и удавалась кому нибудь эта охота.

3) Самая лучшая и вѣрная охота, это есть слѣдующая: около января мѣсяца, т. е. въ то время, когда волки (*по извѣстнымъ причинамъ*) начинаютъ бѣгать цѣлыми стаями, къ тому же, и жаждущіе добычи, рыщутъ голодные по полю, или по дорогамъ въ лѣсу, то охота эта производится такимъ образомъ: выбравъ для этого свѣтлую, лунную ночь, въ большія крестьянскія сани, на которыхъ бы не стѣсняясь могли помѣститься *12* человѣкъ охотниковъ запрягаютъ двухъ лошадей, которыя бы не боялись волковъ, т. е. бывалыя уже на охотахъ и притомъ смирныя, и приближась къ лѣсу, ѣдутъ тихо на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки полемъ, или даже и по дорогамъ въ лѣсу, если лѣсъ не густъ и не хвойный. Словомъ, выборъ мѣстъ для этого отважнаго поѣзда долженъ быть основанъ на томъ, чтобъ ѣздить именно тамъ, гдѣ лишь только высунется звѣрь, то чтобы тотчасъ онъ былъ видѣнъ охотниками.

Люди должны быть смѣлые, рѣшительные, какъ можно болѣе хладнокровные и притомъ искусные стрѣлки. Для лучшаго помѣщенія охотниковъ въ саняхъ, поперегъ саней кладутъ двѣ лѣстницы, уложивъ которыя, параллельно привязываютъ ихъ крѣпко къ санямъ. Лѣстницы еще послужатъ и къ тому, что будутъ препятствовать опрокидываться санямъ, въ которыхъ люди должны размѣститься такъ, чтобы образовать собою какъ бы каре, т. е. усѣсться на всѣ четыре стороны, такъ, что изъ 12 человѣкъ нами сказанныхъ, выйдетъ на каждой по трое. Внутри каре, или въ средину саней, садится 13-й и держитъ въ мѣшкѣ поросенка. Къ санямъ привязывается веревка сажени въ 4 длиною и къ концу которой прикрѣпляютъ клокъ сѣна или

мочалъ, который, тащась за поѣздомъ, показываетъ какъ-будто бѣжитъ что-то за санями. Каждому охотнику необходимо съ собою имѣть два, или по крайней мѣрѣ одно хорошее двухствольное ружье, дабы не затруднять себя заряжаньемъ, которое иногда можетъ повредить этой охотѣ тѣмъ, что на него употреблено будетъ время.

Извѣстно вообще, какъ всѣ свиньи щекотливы и не любятъ когда ихъ трогаютъ, а особливо, когда треплютъ за уши; молодые же поросята, кажется, еще чувствительнѣе въ этомъ случаѣ старыхъ: малѣйшее прикосновеніе къ нимъ руки приводитъ ихъ въ раздражительность, и они обыкновенно кричатъ; но если ихъ потрепать за уши, то они кричатъ такъ ужасно, такимъ раздирающимъ душу голосомъ, что сейчасъ можно узнать гдѣ страдаетъ угнетенная невинность. Потому-то, сидящій внутри каре и долженъ по временамъ тревожить и даже подергивать за уши поросенка, чтобъ онъ кричалъ; разумѣется, если тутъ дѣйствительно есть волки, то они не заставятъ ждать себя и не замедлятъ явиться на призывный и столь заманчивый для нихъ крикъ поросенка, хитро будутъ подходить къ поѣзду, съ осторожностью всматриваться и какъ бы вслушиваться, гдѣ именно крикъ. Въ это время должно больше тревожить поросенка, чтобы онъ кричалъ громче и тѣмъ самымъ сильнѣе подстрекать намѣреніе волковъ, которые, разгорячившись и въ азартѣ, принявъ движущійся клокъ сѣна за поросенка, бросаются вдругъ на него. Вотъ тутъ-то должно быть совершенное хладнокровіе и смѣлость, отсутствіе всякой трусости, суетливости и безъ излишней поспѣшности; причемъ неупустительно наблюдать должно, что въ такой смѣлой и серьозной охотѣ, не послѣднее будетъ—умѣнье сберечь и съ пользою употребить свои заряды, а потому, ежели волки бросятся разомъ цѣлой стаей на клокъ сѣна, то, смотря по числу ихъ, нужно произвести залпъ, или изо всѣхъ, или изъ нѣсколькихъ только ружей, а безъ надобности отнюдь не стрѣлять и, какъ обыкновенно, стрѣлять тутъ лучше всего картечью, то нѣсколько выстрѣловъ, мѣтко направленныхъ въ стаю, произведутъ успѣшный результатъ.

Если залпъ былъ удаченъ, то, разумѣется, иные изъ волковъ лягутъ тутъ же на мѣстѣ, а другіе, будучи болѣе или

менѣе ранены, хотя и уйдутъ, но на другой день, вѣрно, и изъ нихъ можно будетъ найти нѣкоторыхъ мертвыми. Остальные же за тѣми, которымъ сколько нибудь дешевле обошлась попытка узнать гдѣ поросенокъ, послѣ такой удачной и ловкой пальбы, перепуганные, разбѣгутся куда попало — то въ настоящій день охота обыкновенно этимъ и оканчивается, т. е. забираютъ съ собою убитыхъ волковъ и ѣдутъ домой.

На другой день непремѣнно слѣдуетъ прибыть на мѣсто охоты и тщательно осмотрѣть всѣ слѣды разбѣжавшихся волковъ, и въ особенности тѣхъ, по слѣду которыхъ будетъ замѣтна кровь. Это ведетъ къ тому, что хотя иной волкъ и сильно раненъ, но на первыхъ порахъ, сгоряча не почувствовавъ раны можетъ уйти далеко, а потомъ уже, ослабѣя и подбитый, будетъ стараться скрыться гдѣ нибудь подъ кустомъ; слѣдовательно, найдя такихъ два, три и болѣе, можно будетъ и ими увеличить число трофеевъ прошедшей ночи. Для этого не дурно взять съ собою собакъ; и если снѣгъ глубокъ и рыхлъ, то, отправившись на лыжахъ, отыскиваютъ этихъ волковъ по слѣдамъ ихъ же, которые, почти безъ всякой опасности со стороны охотниковъ, могутъ быть добиты или изъ ружей, или дотравлены собаками.

Вообще объ этой охотѣ можно сдѣлать то заключеніе, что когда она выполнялась съ соблюденіемъ всѣхъ изложенныхъ нами условій, т. е. съ сохраненіемъ присутствія духа, умѣньемъ во-время сдѣлать мѣткій залпъ, выждавъ съ терпѣніемъ, когда волки кинутся всѣ вдругъ на привязанный къ веревкѣ клокъ сѣна, то всегда оканчивалось весьма хорошими результатами. Случалось, что изъ стаи, состоящей изъ 12 или болѣе волковъ, уничтожали до 9-ти, такъ-что 4 или 5 оставались тутъ же на мѣстѣ, а другихъ на другой день находили или мертвыми, или, выслѣдивъ сильно раненныхъ, добивали ихъ, какъ сказано, изъ ружей или же дотравливали собаками.

Напротивъ того, трусливыя и необдуманныя охоты на волковъ ночью съ поросенкомъ иногда оканчивались весьма непріятными послѣдствіями, какъ напримѣръ: приходилось такъ, чтобъ отвязаться отъ волковъ, привлеченныхъ крикомъ поросенка, бросали имъ его изъ саней; мало ого, оставляли лошадь, и сами—куда кто могъ и куда кто

успѣлъ—спасались, забывъ въ то же время всю свою храбрость, съ которою они собирались на эту отважную охоту.

—

О ПРИТРАВАХЪ НА ВОЛКОВЪ И СТРѢЛЯНІЕ ИХЪ ИЗЪ РУЖЕЙ.

Притравливаніе волковъ можетъ быть употребляемо только зимою; лѣтомъ же нѣтъ никакой возможности заставить ходить этихъ хитрыхъ звѣрей къ приготовленной для нихъ пищѣ, которую они стали бы есть только въ нуждѣ. Лѣто для волковъ—лафа: баранина, телятина и другое свѣжее мясо добывается ими въ избыткѣ изъ пасущихся на свободѣ стадъ; къ тому же лѣтомъ волки такъ осторожны и осмотрительны, боясь получить рану отъ кого либо, что, (*) навѣрное, не позволятъ себѣ рисковать, ходя на притравы; а потому можемъ сказать, что дѣлаемыя притравы лѣтомъ суть пустыя и несбывчивыя затѣи неопытныхъ еще охотниковъ.

Зима, лишая волковъ средствъ изобильнаго продовольствія, заставляетъ ихъ рыскать за добычею по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, и потому волки въ это только время принимаются за падаль и ѣдятъ не только издохлыхъ лошадей, но даже сабакъ, отрывая иной разъ все это изъ-подъ снѣгу, или даже изъ ямъ. Этимъ—то недостаткомъ продовольствія волковъ зимою и можно пользоваться для истребленія ихъ стрѣляньемъ изъ ружей на притравахъ.

Для сей цѣли кладутъ въ избранныхъ мѣстахъ издохлыхъ лошадей, коровъ или другихъ павшихъ домашнихъ животныхъ, и наблюдаютъ по утрамъ, приходили ли волки къ притравѣ, или нѣтъ. Какъ только замѣтятъ по снѣгу слѣды волковъ около притравы и, убѣдясь, что волки пожирали приготовленную для нихъ пищу, то въ слѣдующія за тѣмъ ночи засѣдаютъ на нихъ съ ружьями. Здѣсь для то-

(*) Замѣчено, что волкъ раненный тотчасъ уничтожается другими, и лѣтом въ особенности; ибо волки боятся червей въ нагнавшихся ранахъ. Боязнь эта происходитъ, вѣроятно, изъ того, что волкъ не имѣетъ той цѣлебности въ языкѣ, какую имѣетъ собака при зализываніи своихъ ранъ.

го, чтобъ волки не могли замѣтить людей, или, вѣрнѣе выразиться, чтобъ они не могли своимъ тонкимъ чутьемъ разгадать, что на нихъ засѣли съ ружьями, необходимо упавозить кругомъ то мѣсто, въ которомъ будутъ помѣщаться охотники: безъ этой, не всѣмъ еще хорошо извѣстной сноровки, волки рѣдко гдѣ подходили къ самой притравѣ; ибо тотчасъ почували издали опасность свою. А потому если притрава положена по сосѣдству съ жильемъ, то ту избу, которую изберутъ охотники для сидѣнья въ ней и выжиданія волковъ къ притравѣ, слѣдуетъ кругомъ на аршинъ вышины упавозить, крышу также необходимо покрыть навозомъ, и собравшись въ этотъ, какъ бы въ своемъ родѣ, блокъгаузъ, не должно курить трубокъ, а тѣмъ болѣе шумѣть, или же пробовать вспышками чисты ли затравки въ ружьяхъ.

Опредѣлить, въ которое именно время волки прійдутъ къ притравѣ—трудно, и сколько ни случалось охотиться на волковъ подобнымъ образомъ, то они приходили всегда въ различную пору: то тотчасъ какъ только смеркнется, то въ полночь, то подъ самый разсвѣтъ; словомъ, какъ имъ вздумается, или, можетъ быть, какъ случится; а потому, не зная въ точности времени, въ какое именно пожалуютъ ожидаемые гости къ притравѣ, должно быть во все время охотникамъ въ полной тишинѣ и вниманіи, дабы тотчасъ, какъ волки начнутъ подходить къ мясу и станутъ уже его ѣсть, можно было бы сдѣлать по нимъ залпъ. Расчетъ при этомъ случаѣ самый простой: 1) не нужно торопиться, а напротивъ, выжидать, чтобъ побольше скопилось волковъ къ притравѣ; ибо положимъ, что два пришли къ самому мясу, а другіе еще кружатся около притравы: то лучше подождать и другихъ, и нѣтъ причины думать, когда одни уже ѣдятъ, то чтобы другіе при этомъ оставались равнодушными только зрителями и не пришли бы помочь своимъ товарищамъ раздѣлить съ ними приготовленный для всѣхъ ихъ завтракъ. 2) Чтобы волки не могли вдругъ растащить всё мясо, положенное на притравѣ, то лучше не разрубать его, а какъ есть оно, класть его цѣлою тушею, и, для большей вѣрности, привязывать его веревками къ вбитымъ подъ нимъ въ землю кольямъ: это ведетъ къ тому, что волки, скопившись въ порядочномъ числѣ на притравѣ, по неволѣ уже

будутъ кушать цѣлою артелью мясо въ одномъ пунктѣ, и потому охотникамъ, засѣвшимъ на нихъ съ ружьями, образуютъ собою сгущенную хорошую цѣль.

Касательно избранія пунктовъ для притравы ничего нельзя сказать вѣрнаго: гдѣ и въ какомъ мѣстѣ лучше класть мясо? но, кажется, вѣрнѣе устроивать притравы около жилья; ибо это не такъ подозрительно волкамъ, которые, какъ замѣчено, охотнѣе и смѣлѣе бросаются къ тому мясу, которое они найдутъ около деревень, чѣмъ къ тому, которое брошено въ отдаленномъ лѣсу.

Не дурно около притравы подготовить нѣсколько такъ сказать волчьихъ ямъ, и именно вотъ для какой цѣли: что когда волки прикормятся хорошо на притравѣ и станутъ жаловать уже цѣлою порядочною компаніею, то, избравъ ночь для засѣдки на нихъ съ ружьями и выждавъ, какъ сказано вышѣ, когда они скопятся всѣ около одной точки, и сдѣлавъ по нимъ залпъ изъ ружей, можно надѣяться, что они, пораженные испугомъ, бросятся во всѣ стороны и тѣмъ, быть можетъ, многіе въ безпамятствѣ попадутъ и въ ямы. Разумѣется, эти ямы должны быть расположены около притравы такъ, чтобы составляли только между собою небольшіе промежутки, и притомъ были бы всѣ на одной полуокружности, обращенной выпуклостью къ той сторонѣ откуда ожидаютъ прихода именно волковъ. Мясо въ этомъ случаѣ должно будетъ находиться въ центрѣ сказаннаго полукруга. Самыя ямы должны прикрыться хворостомъ, потомъ соломою, а сверху притрушены снѣгомъ.

Не должно упускать изъ виду ничего; во-первыхъ, морозныхъ ночей, то есть, когда замѣчаютъ, что морозъ ночью будетъ сильный, и во-вторыхъ, тѣхъ ночей, когда съ вечера поднимается мятель. Замѣчено, что въ такія ночи чаще всего волки посѣщаютъ притравы; а именно вотъ почему: что въ морозныя ночи и имъ дѣлается холодно, а потому они и ищутъ добычи, чтобы, нажравшись мяса, оно могло бы ихъ согрѣть. Во время же мятелей волки свободнѣе прогуливаются, потому что они въ это время болѣе замаскировываются какъ бы самою непогодою; да можетъ быть, и расчитываютъ на то, что добрый хозяинъ въ такую погоду и собаку жалѣетъ выгонять на дворъ, а ужъ тѣмъ болѣе самъ не выйдетъ изъ своей избы.

Хорошо также устроивать притравы на тѣхъ мѣстахъ, куда сваливаютъ зимою навозъ, какъ это водится въ иныхъ деревняхъ, т. е. вывозятъ его зимою на поле и сваливаютъ все въ одну кучу; тутъ просто образовываютъ землянку въ самомъ навозѣ, и, сдѣлавъ необходимыя отверзтія для стрѣльбы, садятся въ нее. Въ такой землянкѣ хорошо и тѣмъ, что теплѣе чѣмъ въ какомъ либо шалашѣ, а главное, уже такъ вѣрно, что волки ничего не услышатъ, что инымъ охотникамъ удавалось такимъ образомъ въ десяти шагахъ разстоянія убивать волковъ. Въ другомъ же, хотя и болѣе замаскированномъ шалашѣ, но не обложенномъ навозомъ, трудно надѣяться достигнуть подобнаго результата. Разумѣется, что здѣсь все дѣло состоитъ въ томъ, что навозъ своимъ анти-ароматическимъ запахомъ покрываетъ всѣ подозрительности для открытія волку опасности.

Если удалось застрѣлить хоть нѣсколько на притравѣ волковъ, то, вѣроятно, другіе, оставшіеся въ живыхъ, бывъ напуганы выстрѣлами, не станутъ уже ходить на это мѣсто; тогда нужно въ другой гдѣ-либо сторонѣ положить такимъ же порядкомъ притраву, какъ описано выше, и наблюдать за приходомъ волковъ. Нужды нѣтъ, если притрава въ продолженіе нѣсколькихъ ночей останется цѣлою: холодъ и голодъ возьмутъ свое; страхъ пройдетъ и напуганные волки, хотя и съ большою осторожностью, а все-таки станутъ приходить лакомиться къ притравѣ; почему, поохотившись разъ успѣшно, охотникамъ не должно упускать изъ виду возможность застрѣлить еще нѣсколько сѣрыхъ хищниковъ, столь ненавидимыхъ тѣми, которые отъ нихъ болѣе или менѣе пострадали лѣтомъ.

—

СОСТАВЛЕНІЕ ПСОВЫХЪ ОХОТЪ И ВЫБОРЪ ОХОТНИЧЬИХЪ СОБАКЪ ПО МѢСТНОСТИ.

Составленіе или формированіе псовыхъ охотъ должно соображаться:

1) съ мѣстностью,

2) съ способами продовольствія того края, гдѣ предполагаютъ завести охоту, и наконецъ,

3) составъ всякой охоты зависитъ также отъ характера охотниковъ тѣхъ странъ, къ которымъ принадлежатъ самыя охоты.

Мѣстность, играющая во всемъ и всегда важную роль, оказываетъ большое вліяніе и на составъ самыхъ охотъ; а потому, чтобы ближе разсмотрѣть какъ и въ какомъ родѣ должно принимать въ соображеніе мѣстность, при желаніи сформировать охоту, мы раздѣлимъ ее на слѣдующіе виды:

a) мѣстность, покрытую густыми, обширными и притомъ нерасчищенными лѣсами;

b) мѣстность, покрытую хотя и большими лѣсами, но расчищенными и удобопроходимыми;

c) мѣстность, состоящую изъ частыхъ, отъемныхъ лѣсовъ;

d) мѣстность ровную, открытую, состоящую ихъ обширныхъ полей, и наконецъ

e) чистогорныя страны.

Казалось бы, сформировать охоту не трудно: стопло бы купить только борзыхъ и гончихъ, да дать людямъ лошадей — и охота готова.

Конечно, борзыя, гончія и лошади суть главнѣйшія основныя части всѣхъ вообще псовыхъ охотъ; но дѣло состоитъ въ томъ, что мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ разныя охоты: въ одномъ мѣстѣ видимъ охоту, сформированную изъ однѣхъ гончихъ, въ другомъ состоящую изъ борзыхъ и гончихъ и, наконецъ, находимъ такія страны, гдѣ охотятся съ однѣми только борзыми; и всему этому разнообразію охотъ бываетъ причиною мѣстность; а потому подробнымъ разборомъ каждаго изъ обозначенныхъ видовъ мѣстности, покажемъ, въ какой мѣрѣ и по какимъ именно причинамъ составъ одной охоты приличествуетъ такому-то именно роду мѣстности; тогда какъ для другого не удовлетворителенъ и даже вовсе безполезенъ.

Начнемъ съ разбора видовъ мѣстности.

a) Мѣстность, покрытая густыми, обширными и притомъ нерасчищенными лѣсами, препятствуя до невозможности ѣздѣ верхомъ на лошадяхъ, уже показываетъ, что охотники должны быть всѣ пѣшіе. Состоя же изъ лѣсовъ, нерасчищенныхъ и представляя на каждомъ шагу безпрестанныя естественныя преграды, то громаднымъ валежникомъ, то

плотнорастущимъ мелкимъ лѣсомъ, до такой степени препятствуетъ всякому по ней удобному движенію, что въ иныхъ мѣстахъ даже нѣтъ никакой возможности охотникамъ не только пройти, но даже съ трудомъ случается пробраться; а потому въ такихъ лѣсахъ въ большомъ числѣ вдругъ въ одно и то же время не возможно охотиться, потому-что нельзя сохранить охотникамъ между собой необходимой связи; къ тому же, въ такихъ лѣсахъ и самые звѣри имѣютъ свои постоянныя тропы, по которымъ ходятъ на жиры и опять по нимъ же возвращаются къ своимъ логовамъ. Въ подобныхъ лѣсахъ весь звѣрь держится болѣе опушекъ, чѣмъ середины лѣса.

Основываясь на этихъ неудобствахъ для охоты описанной нами мѣстности, выходитъ, что охота въ такихъ странахъ должна формироваться изъ однѣхъ гончихъ, и притомъ пѣшихъ. Стаи должны состоять изъ небольшого числа смычковъ; паратымъ же гончимъ и большимъ стаямъ, составленнымъ изъ этого рода собакъ, нѣтъ никакой возможности гонять быстро, а главное, дружно, а потому собаки эти на такой мѣстности даже будутъ безполезны. Самая же лучшая порода гончихъ собакъ для охоты и болѣе приличная при описанной нами мѣстности, будетъ порода курляндскихъ гончихъ. Такимъ образомъ самая охота будетъ состоять изъ егерей, или охотниковъ съ ружьями, и небольшой стаи, какъ напримѣръ: шесть смычковъ гончихъ, которыя будутъ весьма достаточны, чтобъ можно было охотиться нѣсколькимъ стрѣлкамъ.

Пѣшія гончія тѣмъ хороши для охоты въ большихъ нерасчищенныхъ лѣсахъ, что, гоняя звѣря, медленно и большею частью вѣрно даютъ возможность охотнику, въ случаѣ какого-либо затруднительнаго препятствія, успѣть скорѣе пробраться сквозь него и перенять звѣря на пути, по которому его гонятъ пѣшія собаки, чѣмъ бы это возможно было успѣть исполнить, если бы гнали звѣря паратыя собаки.

b) Мѣстность, покрытая большими расчищенными и удобопроходимыми лѣсами, непредставляя уже такого препятствія для движенія, какъ не расчищенные лѣса, допускаетъ въ нѣкоторой степени возможность и ѣзду по ней верхомъ; стало быть, охота можетъ быть сформирована изъ гончихъ

болѣе быстрѣйшихъ; какъ напримѣръ изъ ярославскихъ или костромскихъ, и могутъ съ ними ѣздить три или четыре человѣка доѣзжачихъ. Борзыхъ въ описываемой мѣстности можно также употреблять на охоту, но въ маломъ числѣ, и преимущественно русской породы, т. е. пылкихъ и рѣзвыхъ на короткѣ.

c) Мѣстность, состоящая изъ частыхъ отъемныхъ лѣсовъ, равно удобна и для гоньбы гончихъ и травли съ борзыми; но послѣднихъ въ подобныхъ мѣстахъ должно брать сколько можно въ бо́льшемъ числѣ; ибо ими можно травить звѣря почти по всѣмъ направленіямъ, по которымъ бы онъ ни побѣжалъ, выгнатый гончими изъ лѣсу.

d) Мѣстность ровная, открытая, состоящая изъ обширныхъ полей, есть единственное поприще борзыхъ; и гончихъ только иные охотники держатъ для забавы, или лучше сказать, для разнообразія. Впрочемъ, гдѣ есть большіе камыши и бурьяны, тамъ полезно имѣть нѣсколько смычковъ гончихъ, которыхъ употребляютъ для выживанія звѣрей изъ помянутыхъ укрытій.

e) Чисто-горныя страны, отличаясь всегда почти разнохарактерною мѣстностью, допускаютъ употребленіе всякой охоты, и потому указать трудно, съ какими собаками преимущественно должно охотиться.

При составленіи охотъ необходимо соображаться со способами продовольствія того края, гдѣ предполагаютъ завести охоту; ибо весьма важное дѣло умѣть содержать благоразумно охоту, касательно издержекъ на продовольствіе ея. Для этого мы считаемъ не излишнимъ показать здѣсь, что̀ съѣдаетъ охотничья собака и сколько нужно полагать фуражу для охотничьей лошади.

Опытомъ и временемъ дознано охотниками, что нѣтъ лучше и здоровѣе пищи для собаки, какъ кормъ, приготовленный изъ овсяной муки, которую, заваривъ кипяткомъ, подправляютъ, для вкуса, или шкварами или бульономъ, вываренным изъ костей или даже мяса, добываемаго для собакъ. Гарнецъ такой муки весьма достаточенъ для дневной пищи каждой собакѣ, въ охотѣ находящейся.

Для лошади охотничьей, которая преимущественно должна выбираться изъ степныхъ и болѣе легкихъ лошадей— 3 гарнца овса и 10 фунтовъ сѣна также для суточнаго ея

довольствія весьма достаточны, особенно если попусту не гонять и благоразумно ѣздить на ней во время производства самыхъ охотъ.

Такимъ образомъ, вотъ необходимый расходъ всякой охоты, или, лучше, главныхъ, такъ сказать, основныхъ началъ ея. Прочее же какъ то: обмундированіе охотниковъ, вооруженіе ихъ, сѣдельные и другіе приборы, какъ зависящіе отъ различныхъ условій, не могутъ имѣть никакого опредѣленнаго масштаба, для указанія сколько это обзаведеніе будетъ стоить.

Слѣдовательно, главный расходъ, какъ мы упомянули выше, составляетъ содержаніе собакъ и лошадей, а потому, гдѣ способы содержанія собакъ дешевле, то и охоты могутъ состоять изъ бо́льшаго числа собакъ; гдѣ же они не такъ дешевы, то и число собакъ, входящихъ въ составъ охоты, значительно уменьшается, и потому, принявъ въ расчетъ способы края касательно содержанія охотъ и допустивъ притомъ мѣстность, способную для охоты со всякаго рода собаками, охота, при дешевыхъ средствахъ содержанія, можетъ состоять изъ 60 гончихъ и 30 борзыхъ; напротивъ, при дорогихъ средствахъ, она уменьшается до 30 и даже 12 гончихъ и до 6 или 4 борзыхъ собакъ, которыхъ содержаніе также весьма дорого будетъ стоить, въ особенности въ такихъ мѣстахъ, какъ окрестности нашей столицы.

Наконецъ, составъ псовыхъ охотъ зависитъ отъ характера охотниковъ тѣхъ странъ, къ которымъ принадлежатъ самыя охоты. Такъ характеръ Англичанъ-охотниковъ, различествуя отъ характера германскихъ охотниковъ, ведетъ къ тому, что Англичане, бывъ всегда любителями лошадей и хорошими, смѣлыми ѣздоками, обращаютъ болѣе вниманія на гончихъ, съ которыми все ихъ наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобъ онѣ гнали быстрѣе звѣря и тѣмъ давали средство тѣшиться имъ скачкой на своихъ лошадяхъ; и чѣмъ болѣе число гончихъ въ стаяхъ, тѣмъ самая охота блистательнѣе, а потому эта господствующая черта въ характерѣ англійскихъ охотниковъ ведетъ къ тому, что охоты ихъ формируются болѣе изъ однѣхъ гончихъ. Тогда какъ Германецъ, расчитывая все подробно, и находя болѣе удовольствія пострѣлять и поохотиться одному, дабы, при-

обрѣтенной добычей не съ кѣмъ было подѣлиться, заводитъ и формируетъ у себя такую охоту, чтобы она не дорого и стоила и по числу своему не манила бы пріятелей на товарищество поохотиться нѣсколькимъ вдругъ; отъ того тамъ охоты въ самомъ раздробленномъ видѣ: смычекъ гончихъ, два, много три, составляютъ уже порядочную охоту, и, любя болѣе стрѣлять, чѣмъ травить звѣрей, они борзыхъ почти вовсе не держатъ. Не такого характера Русскій, любящій и музыку и живописныя увлекательныя картины. Если только гдѣ не препятствуетъ мѣстность и способы содержанія не дороги, то мы встрѣчаемъ охоты самыя числительныя, состоящія изъ борзыхъ и гончихъ дорогихъ собакъ, и даже особо, для домашней травли медвѣдей, датскихъ и меделянскихъ.

Выборъ собакъ по мѣстности долженъ основываться на требованіяхъ именно той мѣстности, гдѣ предполагается учредить самыя охоты, какъ это пояснено нами выше, а потому нужно только еще присовокупить, что, зная въ точности достоинства всѣхъ породъ охотничьихъ собакъ и помня ихъ особенныя отличительныя свойства, нужно, смотря по мѣстности, и набирать въ охоту тѣхъ собакъ, которыя больше полезны быть могутъ для самой охоты. Такъ преимущественно въ велико-россійскихъ губерніяхъ, частію лѣсистыхъ и имѣющихъ небольшія, или не такъ пространныя поляны для скачки борзыхъ, въ охоты должны набираться сабаки русскія; гончія—ярославскія или костромскія, а изъ борзыхъ—псовыя. Напротивъ, въ малороссійскихъ и болѣе степныхъ губерніяхъ охоты должны состоять большею частію изъ однѣхъ борзыхъ крымской породы, но можно допустить въ небольшомъ числѣ и псовыхъ, не говоримъ уже о турецкихъ и аравійскихъ борзыхъ, которыхъ можно имѣть, по ихъ достоинствамъ, почти во всякой мѣстности.

—

ПОЛЕВАНЬЕ И ПРАВИЛА ПРОИЗВОДИТЬ ОХОТЫ, НАЧИНАЯ СЪ ПЕРВЫХЪ ПОЛЕЙ И ДАЛѢЕ.

Лучшее время для полеванья со псовой охотой—это есть осень. День Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла служитъ

розговинами для всѣхъ егерей или любителей пострѣлять дичь изъ ружей. Праздникъ же псовыхъ охотниковъ отсрочепъ до 1 Сентября, и отстрочка эта для начала полеванья псовыхъ охотъ весьма благоразумна.

Всякая охота имѣетъ два свои добрыя начала: пользу и удовольствіе.

Польза ведетъ къ тому, чтобы, не вредя другимъ производствомъ своихъ охотъ, истреблять болѣе хищныхъ и зловредныхъ звѣрей, обезпечивая, въ нѣкоторомъ значеніи, отъ хищничества и разоренія ихъ собственность свою и чужую, по мѣрѣ расширенія круга дѣйствій самыхъ охотъ.

Удовольствіе охотниковъ, и въ особенности псовыхъ, измѣряемое во время самыхъ полей количествомъ встрѣчаемыхъ ими живописныхъ охотничьихъ картинъ, служитъ какъ бы и наградою за пожертвованіе, которымъ они подвергаются матеріяльно: какъ содержатели иной разъ чувствительной для кармана охоты, и оживленіемъ иной разъ отъ продолжительной духовой бездѣйственности, и того матеріяльнаго отягощенія, которому многіе изъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ-охотниковъ подвергаются.

Охота эта есть волшебство для иныхъ людей. Многія бы тысячи людей, обезпеченныхъ довольствомъ жизни, такъ бы и загрубѣли въ бездѣйствіи, еслибъ эта магическая страсть ихъ не тревожила и не вызывала на упражненія гимнастическія, какъ: ѣзда верхомъ, ходьба, и душевныя, какъ то: восхищеніе, радость, печаль и другія подобныя волненія нравственныя, вырываемыя изъ души различными случаями, встрѣчаемыми во время самыхъ охотъ. Оставивъ въ сторонѣ подробнѣйшее и дальнѣйшее изложеніе значенія слова охоты, мы обратимся къ полеванью и правиламъ распредѣленія самыхъ охотъ.

Первое Сентября, празднуемое псовыми охотниками съ особенными обычаями, передаваемыми и свято сохраняемыми съ незапамятныхъ временъ отъ нашихъ праотцевъ, служитъ началомъ серіозныхъ выѣздовъ псовыхъ охотъ въ отъѣзды, или въ дальнія поля, съ цѣлію охотиться формально и правильно.

Казалось бы, почему раньше не начинать охотиться, тѣмъ болѣе, что иныхъ звѣрей можно было бы, лучше истреблять, какъ напримѣръ волковъ, лисицъ; ибо у нихъ въ началѣ

Августа еще детеныши такъ малы, что даже не выходятъ изъ гдѣздъ, или, вѣрнѣе выразиться, все еще держатся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вывелись?—На это многіе охотники имѣютъ свои доводы, которыхъ никакимъ образомъ никогда не нарушаютъ; а потому ранѣе перваго Сентября отнюдь не выѣзжаютъ на полеванья. Причины тому слѣдующія: 1) что въ иныхъ мѣстахъ къ этому времени только-что успѣютъ убрать хлѣбъ съ полей; 2) что охотою хотятъ истреблять зайцевъ, волковъ и лисицъ, а не зайчатъ и волчатъ; иные же основываются на томъ, что производить охоту осенью лучше, чѣмъ въ какое-либо другое время; ибо душистыя травы, мѣшающія лѣтомъ чутью гончихъ въ разбираніи слѣдовъ звѣрей, осенью начиная увядать, уменьшаютъ и свой ароматъ; къ тому же съ наступленіемъ осени, звѣрь изъ отдаленной глуши лѣсовъ начинаетъ выбираться на поле и приближаться къ жилью человѣка; а главное осень еще доставляетъ и то удобство для производства охотъ, что, будучи лишена лѣтнихъ жаровъ и сопровождаема прохладою, даетъ возможность гончимъ гонять продолжительнѣе, а борзымъ скакать свѣжѣе и бодрѣе во время травли звѣря.

Не имѣя цѣли вооружаться противъ освященныхъ временемъ обычаевъ, и не отвергая доводовъ, по которымъ выѣздъ формальный на поля псовыхъ охотъ начинается съ 1 Сентября, мы изложимъ здѣсь правила производства самыхъ охотъ, которыя должны основываться на

1) благоразумномъ распредѣленіи полями, касательно сбереженія собакъ, и

2) составленіи плановъ охоты, касательно истребленія хищныхъ звѣрей.

Весьма важное дѣло умѣть сберечь собакъ для продолжительныхъ охотъ; а потому здѣсь неминуемо должны войти во вниманіе тѣ заботы, которыя служатъ къ лучшему сбереженію силъ ихъ.

Такъ-какъ въ составъ охоты входятъ молодыя и старыя собаки, то первыхъ съ непривычки, а вторыхъ съ лежки продолжительными переходами, да и самыми полеваньями на первыхъ парахъ не должно ихъ истомить и оставить тѣмъ съ подбитыми ногами; а потому при выходѣ изъ дому въ первое время переходы должны быть не болѣе 10-ти

или 15 верстъ; да и прійдя къ тому мѣсту, откуда должны начаться охоты, нужно дать собакамъ отдохнуть день, а потомъ уже, благословясь, начать выѣзды на поля; и тутъ же первые дни распредѣлить такимъ образомъ полями: чтобы въ первый день было сдѣлано утреннее поле, а на другой день вечернее; и такъ мѣшать ихъ нѣсколько первыхъ дней сряду, а потомъ уже, когда собаки, такъ сказать втянутся въ полевую работу и потеряютъ лишнее обременяющее ихъ тѣло, то онѣ способны уже дѣлаются служить сколько прикажутъ имъ ихъ владѣльцы.

Составленіе плановъ для самаго полеванья зависитъ отъ двухъ условій мѣстности:

1) если она покрыта густыми, сплошными и продолжительными лѣсами;

2) если состоитъ изъ безпрестанныхъ отъемовъ и при томъ непродолжительнаго пространства.

Въ первомъ случаѣ лучше раздѣлить лѣсъ на участки, смотря по его протяженію, и такимъ образомъ начать поля съ перваго и ближайшаго, и не прежде его оставить, покуда по всѣмъ направленіямъ онъ не будетъ аккуратно объѣзженъ и, такъ сказать, обрысканъ гончими собаками; потомъ перейти уже къ слѣдующему участку и объѣздить его такимъ же порядкомъ, какъ сказано выше, и переходя съ одного участка въ другой, соблюдается и та еще выгода, что звѣрь, напуганный въ одномъ участкѣ, уже неохотно возвращается опять въ него, а идетъ въ другой и тѣмъ какъ бы сгущается въ слѣдующемъ, такъ что, когда прійдется дѣлать охоту въ послѣднемъ участкѣ, то если въ первыхъ пные изъ охотниковъ не видѣли звѣря и въ глаза, то въ послѣднемъ его столько скопится, что у иного и глаза разбѣгутся отъ удивленія, а ужъ не говорямъ о томъ, что трофеи тутъ будутъ самые блестящіе.

Если же мѣстность состоитъ изъ безпрестанныхъ отъемовъ и составляя уже тѣмъ самымъ участки отдѣльные, разграниченные самою природою, то производство полеванья можетъ быть еще выгоднѣе; ибо, начавъ съ перваго, можно уже уничтожить почти всѣхъ звѣрей, которыхъ въ немъ захватятъ; къ тому же такого рода мѣстность, равно способна и для гоньбы гончихъ и для травли съ борзыми. Вообще же, при начатіи полеванья не должно упускать изъ

виду ту главную мысль, чтобъ напуски гончихъ первые и послѣдніе были производимы съ тѣхъ сторонъ, откуда лучше бываетъ отрѣзать звѣрей отъ какихъ либо-укрытій, а именно: нужно стараться препятствовать имъ въ отступленіи въ безпрерывные и большіе лѣса, въ непроходимыя болота; словомъ, нужно такъ умѣть всегда кидать гончихъ въ острова, чтобъ звѣря можно было выживать на чистыя мѣста, и тѣмъ имѣть возможность лучше ихъ уничтожать травлею борзыхъ. Вотъ все, что можно принять для руководства при полеваньяхъ вообще, а въ особенности, если на охоту смотрѣть болѣе съ полезной ея стороны, чѣмъ на пустую забаву, какъ бы ради развлеченія.

Впрочемъ, истинный и болѣе образованный охотникъ находитъ въ полеваньи какое-то сродство съ тактическими условіями, и вѣроятно, захочетъ болѣе побѣждать, чѣмъ дуть мыльные пузыри, и потому одними наобумъ напусками гончихъ и аттаками на авось борзыхъ не станетъ думать, что дѣлаетъ доброе дѣло, и выѣхавъ съ блестящей своей охотой на поле, захочетъ наконецъ довершить свою парадность тѣмъ, что, окончивъ свое полеванье въ окрестностяхъ своихъ сосѣдей, пожелаетъ и погордиться отчасти безмолвными свидѣтелями торжества своихъ полезныхъ подвиговъ, разложивъ въ рядъ, для доказательства, разношерстныхъ звѣрей, а въ особенности хищныхъ, и тѣмъ показавъ мірнымъ селянамъ и небогатымъ помѣщикамъ, что повидимому забава — какъ обыкновенно имѣютъ понятіе многіе объ охотѣ—можетъ быть въ то же время и полезна, а въ особенности если видишь этихъ страшныхъ разорителей крестьянскаго достоянія—волковъ, цѣлыми десятками у ногъ охотника лежащихъ съ разинувшими пастьми и какъ бы просящихъ раскаянія за свои губительныя хищничества, отъ которыхъ такъ много, быть можетъ, и изъ предстоящихъ свидѣтелей торжества пострадали. Конечно, въ этомъ случаѣ высшая награда для побѣдителя, это—крестьянское спасибо.

—

ПРИТРАВЛИВАНЬЕ ОХОТНИЧЬИХЪ СОБАКЪ КЪ КРАСНОМУ ЗВѢРЮ.

Притравливаніе охотничьихъ собакъ къ красному звѣрю, или хищнымъ звѣрямъ, можетъ быть двоякое:

1) естественное или натуральное, и

2) притравливаніе искусственное.

Вообще, подъ словомъ притравливанія собакъ къ хищному звѣрю, мы разумѣемъ то охотничье искусство, посредствомъ котораго даже и не злобную охотничью собаку можно довести до того важнаго достоинства, что она какъ лучшая злобная собака, будетъ брать ловко и жадно каждаго изъ звѣрей хищныхъ; какъ напримѣръ: волка, лисицу, рысь и другихъ.

Между тѣмъ извѣстно всѣмъ охотникамъ, какъ важно, чтобы борзая собака, или гончая, имѣла и смѣлость къ хищнымъ звѣрямъ, а главное умѣла бы искусно и ловко хватать звѣря, именно за ту самую часть тѣла, впившись въ которую, она болѣе всего можетъ поставить его въ невозможность вредить самой себѣ; и въ случаѣ, если бы было предоставлено собакѣ сдѣлать формальную расправу съ звѣремъ, то чтобы она могла и окончательно его уничтожить. Изъ этого очевидно, какую важную цѣль имѣетъ притравливаніе охотничьихъ собакъ къ красному звѣрю; а потому, для лучшаго изложенія всѣхъ правилъ притравливанія, мы разсмотримъ особо, какъ притравливаютъ борзыхъ, потомъ какъ гончихъ и наконецъ бульдоковъ и духовыхъ собакъ; хотя, конечно, главнѣйшее вниманіе будетъ направлено нами на борзыхъ и гончихъ, какъ на тѣхъ собакъ, которыя всегда и вездѣ составляютъ главнѣйшія части всякой охоты, а бульдоки и духовыя собаки будутъ показаны нами въ видѣ второстепеннаго назначенія.

Итакъ, начнемъ съ естественнаго, или натуральнаго притравливанія собакъ къ хищнымъ звѣрямъ.

Естественнымъ или натуральнымъ притравливаніемъ охотничьихъ собакъ къ звѣрямъ мы разумѣемъ то: когда охота, выѣзжая на поле, напримѣръ на волковъ, или вообще въ тѣ мѣста, гдѣ преимущественно держится красный звѣрь, беретъ съ собой молодыхъ собакъ, которыя и не видывали еще краснаго звѣря въ глаза, съ тою единственною цѣ-

лію, чтобы эти молодыя собаки, подъ руководствомъ старыхъ, взятыхъ вмѣстѣ съ ними на поле и уже знающихъ какъ развѣдываться съ волками и лисицами, могли вразумиться искусству и ловкости хватать волка прямо въ горло, какъ въ то мѣсто, за которое схваченный звѣрь дѣлается уже не столь опаснымъ, и тѣмъ будетъ поставленъ въ невозможность наносить собакѣ раны своими страшными зубами. Такой способъ притравливанія собакъ во время самаго поля, и названный нами натуральнымъ, можетъ привести къ двумъ совершенно противоположнымъ между собою результатамъ:

1) Что молодыя собаки, борзыя и гончія, дѣйствительно послѣ нѣсколькихъ удачныхъ разовъ приваляются отличнымъ образомъ къ красному звѣрю, или

2) Что тѣ же собаки, бывъ какими-либо непредвидѣнными случаями ранены звѣремъ въ первой съ нимъ схваткѣ, послѣ этой первой неудачной попытки, до того теряютъ свою смѣлость и злобность къ звѣрю, что потомъ дѣлается почти невозможнымъ пріохотить ихъ опять кидаться на хищнаго звѣря.

Изложивъ такимъ образомъ главную мысль натуральнаго притравливанія охотничьихъ собакъ вообще къ хищнымъ звѣрямъ, и показавъ, какъ это желаніе—притравить молодыхъ сабакъ къ звѣрю на самомъ полѣ,—оканчивается иногда въ своихъ результатахъ двумя различными послѣдствіями, мы подробнымъ изложеніемъ охотничьихъ сноровокъ постараемся показать какъ надобно быть осмотрительнымъ и строгимъ въ соблюденіи дознанныхъ практикой наставленій, относительно подобнаго притравливанія собакъ къ звѣрю, а въ особенности при выѣздѣ въ первый разъ съ охотой на волковъ съ молодыми собаками.

Начнемъ съ борзыхъ. Извѣстно, что борзая такъ создана природой, что она въ особенности жадна ко всему бѣгущему передъ ея глазами, и до такой степени бываетъ неравнодушна даже на сворѣ, видя бѣгущаго мимо себя звѣря, что безпокойство свое обнаруживаетъ иногда самымъ замѣтнымъ образомъ; такъ напримѣръ: приходитъ въ дрожь, мало того, начинаетъ визжать, а если не спускаютъ ее со своры, то иногда свое желаніе помчаться за звѣремъ она обнаруживаетъ громкимъ лаемъ и усиліемъ сорваться со

своры. Вотъ эта-то страсть и жадность борзой собаки кидаться къ звѣрю, вѣроятно, и служила первому охотнику на землѣ началомъ открытія употребить борзую собаку для травли звѣрей; но какъ ее приспособляли первые охотники брать волка, или другого хищнаго звѣря, намъ не извѣстно.

Въ настоящее время, когда во многихъ большихъ охотахъ ведутся цѣлыя поколѣнія борзыхъ собакъ, имѣющихъ у себя уже въ крови особенную злобность къ красному звѣрю, и въ особенности къ волкамъ, то притравливаніе молодыхъ борзыхъ облегчается съ помощію употребленія старыхъ, именуемыхъ волкодавами.

Волкодавами называются тѣ изъ борзыхъ собакъ, которыя, по своей силѣ, росту и злобности, въ состояніи справиться даже съ самымъ матерымъ волкомъ.

Волкодавы хорошіе цѣнятся весьма дорого во всякой стройной охотѣ, а тѣмъ болѣе у тѣхъ изъ охотниковъ, у которыхъ имѣются только своры съ двѣ борзыхъ. Поколѣнія волкодавовъ берегутъ строго, какъ драгоцѣнность всякой охоты; пометы отъ нихъ воспитываются тщательно и съ большими заботами. Посредствомъ этихъ-то отличныхъ борзыхъ, аттестовавшихъ уже себя въ мастерствѣ душить волковъ, притравливаніе другихъ борзыхъ къ звѣрю производится слѣдующимъ порядкомъ:

Выѣзжая на волчій осокъ, стремяннымъ надобно распредѣлить борзыхъ такимъ образомъ, чтобы у каждаго изъ нихъ было на сворахъ по двѣ молодыхъ собаки, которыхъ именно желаютъ притравить къ волкамъ, а третья изъ борзыхъ въ рыску; и въ рыскъ-то обыкновенно и назначаютъ волкодавовъ; ибо эти собаки, будучи жадны и злобны къ хищнымъ звѣрямъ, бываютъ по большей части такъ вѣжливы и умны, что на сворахъ ихъ водить нѣтъ никакой надобности, и всегда можно быть увѣреннымъ, что онѣ не согрѣшатъ на охотѣ, кинувшись на невинныя жертвы, за которыя въ первыя поля съ нихъ строго взыскивали, а потому бараны, поросята и другія, попадающіяся иногда во время полеванья домашнія животныя, совершенно могутъ быть покойны въ своей невредимости, проходя даже въ самомъ близкомъ разстояніи около стремянныхъ, у которыхъ волкодавы въ рыску. Эти примѣрныя качества, которыми всегда почти отличаются всѣ волкодавы отъ другихъ бор-

зыхъ, помогаютъ даже стремяннымъ высворивать и молодыхъ собакъ, которыя, глядя на эту старую, умную и страшную для нихъ собаку, и сами стараются ей во всемъ и вездѣ подражать.

Имѣя такимъ образомъ при себѣ надежную борзую собаку, всякій стремянный поджидаетъ, пока не высунется изъза опушки лѣса волкъ, что всегда можно ожидать на вѣрномъ волчьемъ осоку, и какъ только увидитъ, что волкъ, выгнанный гончими, отдѣлился на порядочное разстояніе отъ острова, то улюлюкнувъ волкодаву и возрѣвши его по волку, долженъ не прежде молодыхъ борзыхъ спускать со своры, пока не увидитъ, что старый волкодавъ впился звѣрю въ глотку.

Тогда, смѣло подбодривъ молодыхъ собакъ, стремянный спускаетъ ихъ со своры, и, улюлюкая восторженно, долженъ самъ прискакать къ волкодаву, соскочить съ лошади и, схвативъ волка за полѣно, не закалывать его прежде и не отбивать стараго волкодава отъ звѣря до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что молодыя борзыя, порядочно пощипавъ звѣря со всѣхъ сторонъ, и сами вопьются звѣрю въ глотку. Здѣсь развязка притравливанія и должна быть кончена; ибо молодая собака тотчасъ пойметъ, схвативъ волка за горло, что она этимъ только способомъ можетъ, если не совершенно его уничтожить, то по крайней мѣрѣ поставить его въ невозможность вредить себѣ.

Стремянный же, замѣтивъ, что звѣрь, окончательно удавливаемый зубами борзыхъ, замѣтно начинаетъ уже слабѣть, прикалываетъ его охотничьимъ кинжаломъ; и такъ, уничтоживъ волка уже совершенно, тогда только начинаетъ произносить отрышь, и лаская молодыхъ, все еще старается ихъ тѣшить задавленнымъ ими волкомъ, таская его по землѣ то въ ту, то въ другую сторону.

Выдерживанье молодыхъ борзыхъ на сворѣ, пока старая, ловкая уже борзая въ борьбѣ со звѣремъ къ нему не приспѣетъ и не начнетъ свою расправу съ глотки, ведетъ къ тому, чтобы избѣжать важнѣйшей непріятности и неудачи, могущей произойти отъ того, что если бы всѣ вдругъ собаки были пущены за звѣремъ, и молодыя, приспѣвъ раньше старой, опытной собаки къ волку, могли бы, по своему невѣдѣнію и неловкости, попасться на встрѣчу звѣрю, къ ко-

торому кинувшись съ жадностью, навѣрное будутъ ранены волкомъ, и тѣмъ навсегда останутся настращенными этимъ звѣремъ до такой степени, что трудно уже будетъ потомъ притравить ихъ опять къ нему снова.

Молодая собака всегда смѣла и отважна до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, что̀ такое въ иныхъ случаяхъ для нее опасность; и напротивъ, одержавъ нѣсколько разъ удачную и безнаказанную побѣду надъ однимъ и тѣмъ же звѣремъ, она уже потомъ не знаетъ никакого страха и навсегда сдѣлается смѣла, злобна и отважна.

Вотъ все, что̀ можно сказать о притравливаніи молодыхъ борзыхъ къ волкамъ! Къ лисицѣ же и другимъ хищнымъ звѣрямъ приспособить ихъ уже послѣ этого не трудно; ибо лисица, рысь и барсукъ, будучи мельче противъ волковъ и не имѣя такой силы, какъ этотъ родъ звѣрей, не составляютъ уже большого затрудненія для борзой собаки, отважной и смѣлой къ волку, поладить и съ этими красными звѣрями.

Касательно же притравливанія къ волкамъ молодыхъ гончихъ, наблюдать должно, чтобы тѣ изъ старыхъ гончихъ собакъ брались на волчьи осоки, которыя отлично были бы привалены къ волкамъ, и тѣмъ, чтобы точно такъ же, какъ и описанные нами выше волкодавы, могли бы служить примѣромъ и какъ бы учителями молодымъ гончимъ въ ловкомъ мастерствѣ, какъ слѣдуетъ ладить серіозно съ этими звѣрями. Конечно, обязанность доѣзжачихъ въ этомъ случаѣ должна быть самая заботливая, чтобъ умѣть навести гончихъ на слѣдъ волчій, и быть неотступно въ то время съ ними, когда старыя, загонявъ звѣря, начнутъ его уже трепать по требуемому отъ нихъ порядку. Вотъ тутъ и нужно доѣзжачему приспѣть во-время съ молодыми гончими и всякими знакомыми уже собакамъ восклицаніями и заставлять ихъ дружно и смѣло бросаться къ звѣрю.

Впрочемъ, гончихъ всегда легче притравливать къ красному звѣрю, чѣмъ борзыхъ; ибо имъ гуртомъ дешевлѣ достается побѣда. Доѣзжачіе также не должны рано отбивать гончихъ отъ звѣря, и лучше, если перваго и даже второго волка, ими повалennаго, дадутъ имъ формально его уничтожить или даже разорвать въ клочки. Эта предоставленная свобода въ самопроизвольномъ распоряженіи чрезвычайно

какъ нравится гончимъ, а тѣмъ самымъ пріобрѣтается еще и та польза, что гончія къ этому звѣрю дѣлаются удивительно какъ злобны, и до такой степени, что въ другое время, когда имъ доведется опять на охотѣ загнать еще волка, и доѣзжій не подоспѣетъ во-время къ тому мѣсту, гдѣ онѣ начнутъ трепать волка, то дѣло окончиться можетъ тѣмъ, что собаки, разорвавъ въ клочки волка, съѣдятъ его.

Изложивъ такимъ образомъ все, что относится до притравливанія естественнаго, перейдемъ теперь къ тому, какъ притравливаютъ къ звѣрямъ молодыхъ борзыхъ и гончихъ собакъ искусственнымъ образомъ, и въ какомъ случаѣ это притравливаніе бываетъ необходимо.

Это притравливаніе обыкновенно дѣлается тогда, когда нѣтъ хорошо притравленныхъ къ звѣрямъ старыхъ собакъ, какъ борзыхъ, такъ и гончихъ, т. е. когда нѣтъ волкодавовъ между борзыми и хорошо притравленныхъ къ волку между гончими. Въ такомъ случаѣ, если есть звѣринецъ, то берутъ изъ него волка, состругиваютъ его и, чтобы онъ не могъ уйти, привязываютъ къ нему веревку и выносятъ на поле; потомъ спускаютъ собакъ и смотрятъ, чтобъ онѣ ловко и смѣло брали волка.

Волкъ, взятый изъ звѣринца, гораздо лучше служитъ для притравливанія къ нему молодыхъ собакъ, чѣмъ вольный звѣрь; ибо онъ, посидѣвъ въ звѣринцѣ, какъ бы оглядится нѣкоторымъ образомъ ко многому, и уже не имѣетъ той дикости, свойственной вообще всѣмъ волкамъ, которые, при нападеніи на нихъ, обыкновенно спасаются бѣгствомъ. Онъ сначала побѣжитъ, и если собаки приспѣютъ къ нему, то не будетъ напрямикъ удирать отъ нихъ, а станетъ огрызаться, пріостанавливаться и, стараясь уйти всѣми мѣрами, будетъ защищать себя отъ смѣлаго и дружнаго нападенія своры, или стаи. Дѣло охотниковъ при этомъ случаѣ должно состоять въ томъ, чтобъ они подбодривали собакъ и всячески старались указать собакамъ брать звѣря за горло; а это весьма легко достигается тѣмъ, что, схвативъ звѣря за заднія ноги и волоча его по землѣ, собаки, лишенныя средства хватать звѣря за черныя мѣста, по неволѣ уже берутъ его и за горло. Давъ потѣшиться такимъ порядкомъ собакамъ до-сыта, отбиваютъ ихъ осторожно, потомъ отъ

звѣря, и посадивъ его снова, стараются тѣмъ же образомъ приваливать ихъ къ звѣрю.

Подобныхъ репетицій достаточно произвести нѣсколько, чтобы пріучить собакъ брать должнымъ порядкомъ звѣрей сострупенныхъ; и когда дѣйствительно уже убѣдятся въ ловкости собакъ, то пускаютъ ихъ потомъ на раструненнаго, гдѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что собаки такъ же безъ дальнихъ затѣй вопьются прямо уже въ горло звѣрю и тѣмъ покажутъ, что онѣ годны будутъ для охоты и на вольныхъ звѣрей.

Мы говорили здѣсь о притравливаніи борзыхъ и гончихъ къ волкамъ, какъ къ страшнѣйшимъ для собакъ звѣрямъ; то же должно разумѣть и о притравливаніи собакъ къ лисицамъ, рысямъ, которыхъ собаки, пріученныя хорошо къ волкамъ, также должны будутъ брать ловко и смѣло.

Притравливаніе же бульдоковъ и духовыхъ собакъ тоже иногда необходимо бываетъ нужно, а въ особенности, если онѣ не имѣли практики притравиться на вольныхъ звѣряхъ. Вообще, эти собаки приготовляются большею частію на медвѣдей. Бульдоковъ пріучаютъ впиваться въ уши медвѣдя, а духовыхъ—его отыскивать и также имѣть смѣлость, въ случаѣ критическихъ минутъ, вступать съ звѣремъ въ открытую борьбу.

Вотъ все, что́ можно сказать о притравливаніи охотничьихъ собакъ къ краснымъ звѣрямъ!

—

ТАКСЫ И ОХОТА СЪ НИМИ НА ЛИСИЦЪ И БАРСУКОВЪ.

Природа, создавая все въ пользу человѣка, создала, вмѣстѣ съ другими разнообразными животными, и собакъ, которыя, будучи болѣе всѣхъ другихъ привязаны дружбою къ человѣку, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пользою и удовольствіемъ своимъ хозяевамъ. Такъ борзыя, гончія, водолазы, лягавыя, овчарныя, даже самыя дворовыя собаки—и тѣ, сторожа жилища своихъ владѣльцевъ, дѣлаютъ уже тѣмъ значительную имъ услугу. Отняло бы слишкомъ много времени и заняло бы много страницъ, а главное, отклонило бы

слишкомъ насъ отъ настоящей нашей цѣли, если бы мы рѣшились высчитать всѣ породы собакъ и показать, для чего каждая изъ нихъ годна, и какую именно особенную пользу можно извлечь изъ каждой породы собакъ; и потому, не отвлекаясь посторонним описаніемъ, мы займемся здѣсь настоящимъ нашимъ предметомъ о таксахъ и охотѣ съ ними на лисицъ и барсуковъ. Живущимъ намъ здѣсь, въ Россіи, рѣдкому извѣстно, что̀ такое таксы и какая это особая порода собакъ; а если и знаемъ, что есть таксы, и видимъ иной разъ бѣгающими ихъ на улицѣ, то, кромѣ невольной улыбки, которая срывается съ устъ нашихъ смѣшнымъ, безобразнымъ и даже уродливымъ устройствомъ этихъ таксъ, ничего другого и не знаемъ сказать объ этой капитальной и довольно важной породѣ собакъ. Охотясь въ нашихъ мѣстахъ на звѣрей по большей части съ гончими и борзыми, мы не знакомы съ охотой въ лѣсахъ съ таксами, и потому онѣ у насъ, въ Россіи, не въ такомъ употребленіи, вниманіи и даже серіозной цѣнѣ, какъ въ гористыхъ мѣстахъ западной Европы, а въ особенности въ Богеміи, странѣ къ тому же еще и лѣсистой. И потому, чтобъ описать охоту съ таксами въ лѣсахъ, мы предварительно разскажемъ, что̀ такое таксы, опишемъ ихъ свойства и потомъ изложимъ самую охоту съ ними на лисицъ и барсуковъ, какъ звѣрей, живущихъ преимущественно въ лѣсахъ и, въ случаѣ близкой имъ угрожающей опасности, укрывающихся въ свои норы.

Таксы суть собаки тѣ же гончія, но будучи созданы мелкаго устройства и изуродованы ногами (передніе лапы у нихъ искривлены), онѣ по этой уже самой причинѣ не могутъ быстро гонять звѣря; во-вторыхъ, будучи мелки ростомъ и имѣя болѣе длины въ своемъ корпусѣ, чѣмъ толстоты, онѣ способны лазить по норамъ лисьимъ и барсучьимъ. Самыя ноги ихъ такъ искривлены, что онѣ имъ способствуютъ выгибать ихъ во время пребыванія въ порахъ почти параллельно дну поръ, и тѣмъ даютъ имъ возможность едва ли не быстрѣе производить подъ поверхностью земли свои движенія, чѣмъ самимъ лисицамъ и барсукамъ. Лишенныя быстроты въ своихъ преслѣдованіяхъ за звѣремъ, таксы удивительно какъ неотвязчиво гонятъ по звѣрю, въ особенности по барсуку и лисицѣ, и чрезвычайно какъ злобны во время стычки съ догнаннымъ звѣремъ, или захва-

ченнымъ ими въ норахъ. Раны, которыя бы такса получила отъ звѣря, лишь ее болѣе озлобляютъ и ни сколько не ослабляютъ ни ея нравственныхъ, ни ея физическихъ силъ, а въ особенности если такса придетъ въ полную злобность. Разсерженную таксу можно изрубить въ куски и она не пикнетъ отъ боли и кончитъ свою жизнь все-таки не оставивши своего предмета, за что она со злостью первоначально уцѣпилась. Но при всей этой злобности таксъ къ звѣрю, онѣ чрезвычайно какъ любятъ и привязаны къ своимъ хозяевамъ и весьма понятны на охотѣ. Самая же охота съ ними производится слѣдующимъ порядкомъ: имѣя двухъ или четырехъ таксъ, отправляются съ ними въ лѣсъ; конечно, охотникъ долженъ быть съ ружьемъ, и подойдя къ опушкѣ, дѣлаетъ напускъ, точно такъ же, какъ и съ гончими. Таксы, разсыпавшись въ лѣсу по данному имъ сигналу охотникомъ, рыщутъ и стараются напасть на слѣдъ; если попадется заяцъ, лисица или барсукъ, онѣ начинаютъ гнать, то есть, подавать голосъ, и тѣмъ даютъ возможность тотчасъ же сторожить охотнику и быть въ готовности выстрѣлить по вывернувшемуся на цѣль звѣрю. Это не гончія, а въ особенности паратыя, которыя тотчасъ изъ виду умчатъ поднятаго звѣря, и не даютъ никакой возможности забѣжать впередъ, или перехватить гдѣ-либо преслѣдуемаго звѣря, чтобъ выстрѣлить по немъ. Таксы такъ степенно гонятъ звѣря, а въ особенности барсука, что даже престарѣлому охотнику можно успѣть стать гдѣ-либо на перемычкѣ въ лѣсу и выстрѣлить безъ торопливости по звѣрю, котораго таксы почти въ галопъ преслѣдуютъ. Такъ охотятся въ лѣсу съ таксами, гдѣ весь механизмъ охоты и смѣтливость охотничью нужно имѣть во вниманіи ту же, какъ на охотѣ съ обыкновенными гончими. Но гдѣ есть норы лисьи и барсучьи, тутъ совсѣмъ другое дѣло. Подойдя къ норѣ, а въ особенности подозрительной, надобно тотчасъ умную и вѣрную таксу заставить освѣдомиться, есть ли здѣсь лисица или барсукъ? что исполняется слѣдующимъ образомъ. Такса какъ лучшій минеръ въ этомъ случаѣ, съ живостью исполняетъ приказаніе своего охотника и, отправившись въ подкопъ, въ случаѣ, если звѣрь предполагаемый тамъ же въ норѣ захваченъ, тотчасъ подаетъ голосъ лаемъ самымъ злобнымъ, и по мѣрѣ приближенія

таксы въ норѣ къ звѣрю, она все громче и громче даетъ знать голосомъ своему хозяину, такъ что сему послѣднему стоитъ только, по мѣрѣ подаванія таксы подъ землею впередъ, подвигаться на поверхности земли по направленію слышимаго изъ-подъ земли звука, и тѣмъ имѣть возможность, если такса вытѣснитъ изъ своего подземнаго убѣжища звѣря, убить на поверхности земли изъ ружья, почти иной разъ въ трехъ шагахъ разстоянія, лисицу или барсука. Если же звѣрь, укрывшись въ норѣ, вздумалъ бы не ретироваться отъ таксы, то, вступивъ съ нею въ бой, навѣрное будетъ таксою задавленъ, и дѣло кончится въ этомъ случаѣ тѣмъ, что такса, задушивъ звѣря въ норѣ, вытаскиваетъ его на поверхность земли въ число охотничьихъ трофеевъ своего хозяина. Лучшимъ примѣромъ охоты этого рода могутъ служить охоты въ Богеміи съ таксами на лисицъ и барсуковъ. Гдѣ лисицъ много и большею частію живутъ въ норахъ, таксы тамъ весьма дорого цѣнятся, такъ что хорошая такса дороже, чѣмъ превосходная у насъ гончая. Способъ пріученія таксъ къ охотѣ весьма не затруднителенъ, ибо природное назначеніе ихъ къ охотѣ такъ сильно обнаруживается, что послѣ двухъ или трехъ полей онѣ уже совершенно вразумляются настоящему ихъ дѣлу; а охота съ таксами имѣетъ то преимущество передъ охотою съ гончими, что отъ послѣднихъ лиса, или барсукъ, укрывшись въ свои норы, спасаются совершенно отъ погибели тогда, когда отъ таксы имъ и подъ землей нѣтъ житья. Кромѣ этого, таксы въ домашнемъ быту, какъ лучшія кошки, давятъ мышей и крысъ самаго большого размѣра, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ очень полезны и занимательны своимъ угрюмымъ вниманіемъ и безконечнымъ терпѣніемъ сидѣть подлѣ норы крысьей и ждать, покуда она выкажется такъ, чтобъ, схвативъ ее, уничтожить, какъ говорится, наповалъ.

—

ОХОТА СОВЪ НА ЗАЙЦЕВЪ.

Сова и филинъ, похожіе другъ на друга, различаются между собою почти одною только величиной: сова меньше, филинъ больше. Но, не углубляясь много въ зоологическія объ нихъ изслѣдованія, начнемъ съ того, что, по способу добыванія пищи, они по справедливости могутъ быть отнесены къ разряду хищныхъ птицъ, и надобно благодарить еще природу, что она сотворила ихъ такъ, что въ то время, когда многія изъ птицъ и животныхъ бодрствуютъ, зрѣніе у совъ и филиновъ совершенно слабѣетъ, а то, вѣроятно, вредъ, причиняемый ими, былъ бы гораздо чувствительнѣе, чѣмъ онъ есть теперь.

У насъ, въ Россіи, совъ и филиновъ очень много. Спросите въ любой деревнѣ—и, нѣтъ сомнѣнія, что многіе вамъ будутъ говорить объ нихъ; дѣти—и тѣ вамъ разскажутъ цѣлыя легенды, какъ филинъ, забравшись ночью въ слуховое окно деревянной сѣльской колокольни, своимъ однообразнымъ, монотоннымъ крикомъ, какъ злой вѣщунъ, накликалъ на кого-нибудь бѣду, или какъ сова, пробравшись ночью къ сосѣду во дворъ, передушила на немъ нѣсколько куръ,—и много еще другихъ подобныхъ происшествій, которыя, разумѣется, не иное что, какъ сказки, украшенныя воображеніемъ простолюдина; но началу ихъ должна же быть причина.

Сова и филинъ, не найдя себѣ пищи на полѣ, дѣйствительно посѣщаютъ ближайшія ихъ жилью деревни и села. Если есть когда возможность пробраться тайкомъ въ курятникъ, то они не упустятъ случая полакомиться и домашней птичкой; но, чтобы исключительно, или болѣе они избирали для себя способъ добыванія пищи похищеніемъ домашнихъ птицъ — это пустое, и часто одна грубая молва служитъ причиною несообразнаго и несправедливаго на нихъ въ этомъ нареканія. Сова находитъ много средствъ для пріобрѣтенія себѣ добычи и внѣ жилища человѣка: всякая слабѣйшая ей птица, застигнутая врасплохъ, или и заяцъ, неожиданно попавшійся въ обсерваціонный кругъ совы, становятся постоянными и всегда вѣрными жертвами ея хищничества.

Сова въ вечеру, когда начинаетъ темнѣть, летая надъ

поверхностью земли, сначала сверху высматриваетъ, что̀ можетъ служить ей вѣрною добычей, и лишь только замѣтитъ что-нибудь, то всегда какъ бы съ обдуманною расчетливостью опускается къ тому мѣсту, на которомъ, напавъ на жертву, она вонзаетъ въ нее свои желѣзныя когти.

Не входя въ описаніе, какимъ образомъ сова, или филинъ, дѣлаетъ нападенія свои на птицъ, ибо это отклонило бы насъ только отъ цѣли нашего разсказа, скажемъ о томъ, какъ сова, подмѣтивъ зайца, ловитъ его, что̀, по искусству и расчетливости ея, истинно можетъ назваться охотою совы на зайца.

Сова, замѣтивъ сверху, какъ мы сказали, зайца, тотчасъ опускается внизъ и избравъ дерево или какой-либо другой предметъ, лежащій близъ заячьяго слѣда, садится и дожидается на немъ возвращенія своей жертвы, увидавъ которую, немедля налетаетъ на нее и, разумѣется, если заяцъ прибылой, то, по слабосилію своему, дѣлается всегда скорою и неотъемлемою добычею совы; но если заяцъ матерой, то онъ не такъ легко уже отдаетъ право одержать надъ нимъ побѣду.

Сова обыкновенно наступательныя свои дѣйствія начинаетъ тѣмъ, что, налетѣвъ на жертву, она сначала впивается въ нее своими острыми когтями и потомъ начинаетъ долбить въ голову. Два, три удара такихъ прибылому зайцу между ушей достаточны, чтобъ его убить на-смерть. Но если заяцъ матерой попадется въ когти совы, то онъ не скоро покоряется ей, и нужно время, чтобы одержать надъ нимъ совершенную побѣду. Заяцъ этотъ, попавшись въ когти, напуганный и желая освободиться, въ страхѣ, всегда сначала, такъ сказать, мчитъ нескромно усѣвшуюся на немъ побѣдительницу, которая въ такомъ случаѣ сама прибѣгаетъ къ слѣдующаго роду хитрости. Впившись крѣпко одною лапой въ быстраго скакуна, старается высвободить другую, разинувъ когти которой, она на лету безпрестанно все какъ бы хватаетъ что-нибудь, дѣлая всѣ усилія, чтобъ схватить что̀ попадется и тѣмъ удержать непокорнаго скакуна; и ежели на пути ей удастся уловить сучокъ, или что̀ либо подобное, она крѣпко за него ухватывается этою лапой; такимъ образомъ, если заяцъ ослабъ, а сова велика и сильна, то она, остановивъ его дальнѣйшій бѣгъ, добиваетъ уже потомъ клевомъ своимъ въ голову зайца и на немъ

торжествуя, начинаетъ справлять свой побѣдный завтракъ. Если же заяцъ не истощился и достаточно еще имѣетъ силъ, то онъ быстротою своею и силой отрываетъ совѣ уцѣпившуюся за сучекъ лапу, а съ другою, впившеюся въ него, уноситъ ее на себѣ. Разумѣется, заяцъ этотъ долго жить не будетъ; но все-таки какъ бы отмститъ и онъ совѣ по силамъ за жизнь свою, такъ дерзко у него отнятую.

Вотъ причина, по которой иногда въ лѣсу находятъ омертвѣвшую лапу совы, какъ бы прикованную къ сучку какого-нибудь дерева, или куста. Да и нѣкоторымъ еще охотникамъ, а въ томъ числѣ, признаюсь, и мнѣ довелось видѣть, какъ матерой русакъ мчалъ на себѣ усѣвшуюся на немъ и вцѣпившуюся одною лапой сову, и оставлявшую за собою по пути кровавый слѣдъ неудачи; другой лапы у нея не было; она, вѣроятно, оторванная, осталась тамъ, гдѣ сова хотѣла удержать зайца.

—

БОРЬБА МЕДВѢДЯ СЪ КАБАНОМЪ.

Какъ часто небольшой клочокъ земли служитъ пріютомъ для многихъ животныхъ, совершенно различныхъ и враждебныхъ другъ другу по своимъ характерамъ и инстинктамъ,—это извѣстно по опыту каждому охотнику. Бродя, съ охотничьимъ ружьемъ по темнымъ лѣсамъ, иногда въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ замѣчаешь необыкновенное разнообразіе и богатство лѣсного населенія. То послышится не въ дальнемъ разстояніи трескъ хвороста и шумъ кустовъ и деревьевъ, сопровождаемый тяжелою поступью и ворчаньемъ угрюмаго медвѣдя; то раздастся пронзительный вой волковъ, собравшихся на кровавый пиръ около добычи, похищенной въ окрестныхъ пастбищахъ крестьянъ; тамъ промелькнетъ сѣрый заяцъ, быть можетъ, испуганный приближеніемъ какого-нибудь непріятеля и опрометью бѣгущій по холмамъ и косогорамъ, въ надеждѣ найти спасеніе въ быстротѣ своихъ ногъ; здѣсь украдкой изъ-за куста выглянетъ лисица, поднявъ морду на воздухъ, какъ бы же-

лая опредѣлить своимъ необыкновеннымъ чутьемъ, не грозитъ ли съ которой-нибудь стороны опасность ея существованію; а иногда, на поросшемъ густою травой берегу сонливаго озера, или топкаго болота, выкажется сѣрая масса кабана, ищущаго прохлады и отдыха послѣ утомительныхъ поисковъ добычи. Встрѣчая всѣхъ этихъ животныхъ, соединенныхъ на небольшомъ пространствѣ, не смотря на враждебныя отношенія ихъ другъ къ другу, любопытно было бы узнать, какъ поддерживаютъ они свои права на занимаемыя ими владѣнія; какими средствами ограждаютъ свое существованіе слабѣйшія животныя, поселившіяся въ опасномъ сосѣдствѣ съ сильнѣйшими; какія мѣры предпринимаютъ первыя отъ страшнаго, но почти неизбѣжнаго, по ограниченности мѣстности, столкновенія съ послѣдними, и наконецъ, въ случаѣ неожиданной встрѣчи двухъ враждебныхъ звѣрей, къ какой тактикѣ—оборонительной или наступательной—прибѣгаетъ тотъ и другой? Всѣ эти явленія въ лѣсномъ царствѣ были бы очень интересны для наблюдателя, если бы онъ могъ изучать ихъ такъ же спокойно и беззаботно, какъ нѣкоторые любознательные люди, сидя въ комнатѣ, изучаютъ борьбу паука съ мухами. Но, къ сожалѣнію, мрачныя нѣдра лѣсовъ, представляя собою, въ обширныхъ размѣрахъ, кровавую арену римскаго колизея, не снабжены спокойными ложами этого цирка, откуда можно было бы безопасно наблюдать борьбу лѣсныхъ обитателей. Много ли найдется смѣлыхъ охотниковъ, которые бы, при видѣ борьбы двухъ разъяренныхъ хищныхъ звѣрей, рѣшились быть хладнокровными зрителями сцены, тогда какъ никакая ограда не защищаетъ ихъ отъ нападенія, какого можно ожидать со стороны того и другого борца? Не скорѣе ли придетъ тогда мысль убраться по-добру по-здорову какъ можно подалѣе отъ опаснаго зрѣлища?

По между тѣмъ есть охотники, которые, при встрѣчѣ съ дикими звѣрями, одушевляются только большею отвагою и потому часто бываютъ дѣйствующими лицами въ приключеніяхъ, интересующихъ своими подробностями каждаго охотника. Одному изъ такихъ смѣльчаковъ я обязанъ разсказомъ о борьбѣ медвѣдя съ кабаномъ, которую передаю теперь читателямъ. Этотъ смѣлый охотникъ былъ крестья-

нинъ Волынской губерніи, Дубенскаго уѣзда, съ которымъ я имѣлъ случай говорить въ 1840 году.

Въ одинъ жаркій іюльскій день онъ отправился въ лѣсъ, рубить дрова. Углубившись въ средину темнаго бора, онъ остановился близъ довольно обширнаго, поросшаго осокою, болота и, благословясь, принялся за свою работу. Подъ ударами остраго топора дерево падало за деревомъ и трудолюбивый крестьянинъ не видѣлъ и не слышалъ ничего, кромѣ кучи срубленныхъ деревьевъ и треска ихъ паденія, да мѣрныхъ ударовъ топора. Наконецъ, усталый, онъ сѣлъ на траву, опершись спиною о бѣлый, ровный стволъ березы, которая закрывала его своими кудрявыми вѣтвями отъ палящихъ лучей солнца. Погода была тихая; ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не освѣжало знойной атмосферы; ни одинъ листокъ не шелестилъ на деревьяхъ; водворилось такое безмолвіе, что крестьянинъ, пріютившись подъ гостепріимною тѣнью развѣсистой березы, невольно предался сладостной, успокоительной полудремотѣ. Но вдругъ послышался вблизи шелестъ, какъ-будто сильный вѣтеръ заходилъ по осокѣ, высоко вытягивавшей свои острые листья надъ поверхностью сонливой воды. Дровосѣкъ открылъ глаза, поднялъ голову, осмотрѣлся кругомъ: все тихо, спокойно по прежнему; трава стоитъ не шелохнется; деревья неподвижны. «Э!» подумалъ смѣтливый крестьянинъ-охотникъ: «знать вѣтеръ-то тутъ ходитъ о четырехъ ногахъ; скоро пріутихъ!» и зоркій глазъ его тотчасъ остановился на отдаленномъ углу болота, закрытомъ съ одной стороны высокою, густою травой, а съ другой большими деревьями, склонявшими свои вѣтви къ водѣ. Этотъ уголъ показался крестьянину подозрительнымъ, потому что и въ травѣ и въ древесныхъ вѣтвяхъ были замѣтны еще слѣды сильнаго движенія, начинавшаго утихать, тогда-какъ ближайшія растенія стояли незыблемо. Онъ всталъ съ своего мѣста и со всею осторожностью подошелъ къ берегу болота, чтобы получше разобрать причину необыкновеннаго явленія. Тогда ясно могъ разсмотрѣть двухъ великановъ лѣсовъ, которые избрали уголокъ озера мѣстомъ своего отдыха и, столкнувшись другъ съ другомъ, не могли предаваться безмятежному успокоенію. То были медвѣдь и кабанъ.

Кабанъ, вѣроятно, утомленный дневнымъ зноемъ, воз-

вратившись съ жировъ, нѣжился на влажной почвѣ. Медвѣдь, съ своей стороны, вѣроятно, убѣгая отъ мухъ, которыя сильно безпокоятъ его въ жаркое время, тоже искалъ спокойнаго пріюта подъ тѣнью деревъ и осоки; но увидѣвъ въ сосѣдствѣ другого звѣря, онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не затѣять драки съ своимъ лѣснымъ соперникомъ. Мѣстность благопріятствовала медвѣдю въ его нападеніяхъ; изъ стоявшихъ на берегу болота деревъ, одно изгибалось полукругомъ, такъ-что вершина его, склонившись надъ берегомъ, купала свои длинныя вѣтви въ мутной водѣ болота. Смѣтливый медвѣдь, вѣроятно, сообразилъ, что онъ можетъ безнаказанно подразнить своего сосѣда, который, казалось, находилъ столько удовольствія въ своемъ спокойномъ положеніи, что ни за что въ мірѣ не хотѣлъ разстаться съ нимъ, и потому какъ-будто не замѣчалъ близкаго присутствія медвѣдя. Послѣдній смѣло подходилъ къ нему и, давши сильный ударъ лапою, тотчасъ убѣгалъ къ означенному дереву и проворно взбирался на его изогнутый стволъ. Медвѣжьи поцечины были такъ сильны, что кабанъ невольно оставлялъ роскошное ложе и съ яростью бросался въ слѣдъ за нарушителемъ своего покоя. Но косматый забіяка, какъ-будто невинный, спокойно смотрѣлъ на раздраженнаго звѣря съ высоты природной тріумфальной арки. Дѣлать было нечего; кабанъ не такъ созданъ, чтобы лазить по деревьямъ, и сознавая свою неспособность къ подобнымъ подвигамъ, онъ по неволѣ долженъ былъ отступать. Онъ могъ отметить свою досаду только на деревѣ, которое дѣйствительно пострадало отъ ударовъ его сокрушительныхъ клыковъ. Эта сцена, забавная для посторонняго наблюдателя, но не совсѣмъ пріятная для одного изъ дѣйствующихъ лицъ, повторилась нѣсколько разъ, пока бѣдный кабанъ, потерявъ все терпѣніе, послѣ безплодной схватки съ невиннымъ деревомъ, удалился въ лѣсъ и оставилъ своего соперника на просторѣ торжествовать побѣду.

Изъ этой сцены можно заключить, что медвѣдь, не смотря на огромную силу, какою одарила его природа, опасается открытаго боя съ кабаномъ: онъ старался, какъ мы видѣли, поставить себя въ оборонительное положеніе противъ нападеній послѣдняго. Между тѣмъ кабанъ, своимъ рѣшительнымъ нападеніемъ, выказываетъ увѣренность въ

превосходствѣ своихъ силъ передъ медвѣдемъ. И дѣйствительно, способъ борьбы того и другого оправдываетъ это предложеніе. Медвѣдь съ своими мышцами и крѣпкими мускулами въ лапахъ, обыкновенно поднимается на дыбы, чтобы обхватить и смять свою жертву; но это самое опасное положеніе въ схваткѣ съ кабаномъ, который сѣчетъ своими клыками въ обѣ стороны, слѣдовательно онъ тотчасъ можетъ распороть медвѣдю брюхо и такимъ образомъ одержать надъ нимъ побѣду.

Крестьянинъ былъ, какъ я сказалъ, отважный охотникъ. Онъ зналъ способъ нападенія того и другого звѣря, которые поссорились между собою въ его глазахъ, и будучи увѣренъ, что видѣнная имъ сцѣна повторится еще разъ, рѣшился помочь одному изъ соперниковъ, чтобы, какъ прилично разумному существу, одержать побѣду подъ обоими безловесными. Для этого онъ употребилъ слѣдующую хитрость. Дождавшись времени, когда торжествующій медвѣдь, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, отправился на жировку, онъ подпилилъ дерево, защищавшее медвѣдя въ самомъ его изгибѣ, такъ, чтобы подъ тяжестію медвѣдя, если ему вздумается взобраться на него, оно могло обломиться и упасть на землю. На другой день, запасшись ружьемъ, дровосѣкъ снова явился на знакомое ему мѣсто. На этотъ разъ онъ не рубилъ уже дровъ, чтобъ стукомъ не удалить ожидаемыхъ гостей отъ мѣста ихъ сходбища, но спокойно сѣлъ подъ березу, и терпѣливо выжидалъ прибытія кабана и медвѣдя. Насталъ жаркій часъ полдня, и, къ удовольствію охотника, послышался шелестъ кустовъ, предвѣщавшій приближеніе котораго-нибудь изъ звѣрей. Вскорѣ на берегу болота показался кабанъ и, вѣроятно, по давней привычкѣ, занялъ то же самое мѣсто на болотѣ, гдѣ онъ былъ наканунѣ, и самодовольно улегся на сыромъ грунтѣ. Прошло нѣсколько минутъ, и новый шумъ въ лѣсу возвѣстилъ прибытіе и другого звѣря. Медвѣдь какъ-будто былъ увѣренъ, что найдетъ своего вчерашняго товарища; онъ прямо подошелъ къ кабану и началъ свое нападеніе. Кабанъ, казалось, былъ слишкомъ утомленъ; на первыя оплеухи, ловко напечатлѣваемыя на его мордѣ медвѣжьею лапою, онъ отвѣчалъ только нетерпѣливыми движеніями, подобно силачу, который не вдругъ рѣшается

мстить за дерзость какого-нибудь забіяки. Но медвѣдь, надѣясь найти безопасное убѣжище на деревѣ, не унимался; оплеуха слѣдовала за оплеухою. Наконецъ кабанъ вышелъ изъ себя; грозно поднялся онъ на ноги; медвѣдь, замѣтивъ это движеніе, быстро отступилъ и съ свойственною ему ловкостью, взобрался на дерево, чтобы избѣжать схватки съ своимъ противникомъ. Но, увы! судьба измѣняетъ ему: едва онъ успѣлъ занять безопасное положеніе, какъ дерево, искусно подпиленное крестьяниномъ, хрупнуло и повалилось на землю; медвѣдь, увлеченный этимъ паденіемъ, какъ разъ очутился противъ разъяреннаго врага; ему оставалось теперь одно—вступить въ открытый бой. Онъ поднялся на заднія лапы, и кабанъ, воспользовавшись этою минутой, вонзилъ свои клыки въ медвѣдя и распоролъ ему брюхо. Тогда какъ, медвѣдь, истекая кровью, готовъ былъ уже пасть, а кабанъ съ яростію терзалъ своего уничтоженнаго врага, мстя ему за всѣ оскорбленія, охотникъ хладнокровно подошелъ къ борцамъ на самое близкое разстояніе, прицѣлился и выстрѣлилъ: пуля попала кабану прямо въ лобъ, и онъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, разстянулся возлѣ трупа растерзаннаго имъ медвѣдя. Такимъ образомъ охотникъ получилъ за разъ два блестящіе трофея.

—

О ВОЙНѢ ВОЛКОВЪ СЪ СОБАКАМИ ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Волки необыкновенно хитры и могутъ быть отнесены къ разряду умнѣйшихъ хищныхъ звѣрей. Въ этомъ легко убѣдиться, разсмотрѣвъ привычки ихъ и бытъ. Волки какъ извѣстно, живутъ обыкновенно цѣлымъ выводкомъ, составляющимъ одно нераздѣльное цѣлое, или общество, самобытность котораго поддерживается правилами и постановленіями, какъ бы коренными законами, переходящими изъ рода въ родъ. Напримѣръ: старшимъ всегда преимуществовать надъ младшими, а этимъ—имъ повиноваться; мѣста для жилья избирать какъ можно болѣе скрытыя и недоступныя человѣку; этому послѣднему отнюдь не причинять вреда,

если онъ живетъ по сосѣдству съ волками, но даже стараться пріобрѣтать ето расположеніе, чтобъ такимъ образомъ избѣжать его преслѣдованій; потому всѣ нападенія производить внѣ круга жительства, границы котораго защищать отъ набѣговъ волковъ другого выводка и, не допуская этихъ послѣднихъ до набѣговъ, тѣмъ самымъ скрывать и свое присутствіе отъ человѣка. Много есть еще другихъ статей волчьяго устава, доказывающихъ чрезвычайную распорядительность, хитрую осторожность и обдуманность во всѣхъ дѣйствіяхъ волковъ. Все это относится къ внутреннему, домашнему устройству ихъ общества. Разсмотримъ теперь внѣшній бытъ, нападенія и тактику волковъ.

Волки имѣютъ замѣчательную способность добывать себѣ небольшія поживы и заслуживаютъ удивленіе за свою стратегію и тактику. Они никогда не нападаютъ всѣми силами безъ нужды и устроиваютъ свои отряды, какъ мы наши. У нихъ, напримѣръ, есть патрули, есть авангардъ и арріергардъ; гдѣ потребна сила, тамъ они дѣйствуютъ совокупно, гдѣ же нужна хитрость тамъ, дѣло оканчивается или патрулемъ или авангардомъ, который, скрывъ свои настоящія силы, сначала старается завлечь жертву въ засаду. Такъ, напримѣръ, волкъ, подкрадываясь къ обозу, остановившемуся близъ лѣса, тихо и скромно подходитъ къ подводамъ и, какъ бы ласкаясь, старается принять на себя видъ обыкновенной собаки, а самъ только и высматриваетъ, гдѣ бы что стащить; подъ возомъ отдыхаетъ усталая отъ дороги собака; волкъ быстро на нее бросается и увлекаетъ за собою въ лѣсъ. Такимъ же образомъ волкъ обманываетъ лошадь, намѣреваясь задушить, ее или схватить жеребенка; именно: онъ прикидывается собакой; лошадь подпускаетъ хитраго врага на самое близкое разстояніе и—дѣлается его жертвою. При нападеніи на стада овецъ, волки иногда дѣлаютъ фальшивыя аттаки, выславъ впередъ нѣсколькихъ изъ своихъ, которые, аттакуя мнимый пунктъ, стараются тѣмъ отвлечь вниманіе пастуха; главныя же силы между тѣмъ бросаются въ стадо и почти всегда достигаютъ своей цѣли. Много еще другихъ примѣровъ удивительнаго искусства, съ какимъ волки обманываютъ свою жертву, прежде чѣмъ на нее нападаютъ.

Лѣтомъ, когда стада на пастбищахъ, а лошади частію

на подножномъ корму,—волкамъ открыто обширное поле для хищничества, не всегда, впрочемъ, удачнаго; но осенью, когда стада начинаютъ понемногу оставлять поля, и зимою, когда домашнія животныя заперты въ хлѣвахъ, обезпечивающихъ ихъ покой, тогда волки ведутъ другого рода войну, именно—съ деревенскими собаками, служащими для нихъ въ это время года почти вѣрною добычею. Въ этой-то войнѣ особенно обнаруживаются всѣ свойства волковъ: хитрость, ловкость, проворство и смышленость, почти всегда рѣшающія дѣло въ ихъ пользу.

Французское выраженіе entre chien et loup, т. е. сумерки объясняются постоянною войною, которую волки ведутъ въ это время дня съ собаками. Эти послѣднія, угадывая чутьемъ присутствіе волковъ, сначала обыкновенно лаютъ, а потомъ сбираются ближе къ тому мѣсту, куда обыкновенно подходятъ волки въ сумеркахъ, т. е. къ деревнѣ. Тутъ-то можно подивиться тактикѣ волковъ и искусству, съ какимъ они завлекаютъ жертву въ свою засаду. Подойдя къ самой почти деревнѣ, волки высылаютъ впередъ двухъ, трехъ, часто одного изъ своихъ, а съ остальными силами устраиваютъ засаду нѣсколько далѣе. Собаки сначала боятся; волкъ же, высланный въ авангардъ, тотчасъ принимаетъ смиренный видъ, притворяется слабымъ, жмется, потихоньку отступаетъ, оглядывается назадъ и завлекаетъ такимъ образомъ собакъ въ преслѣдованіе, причемъ позволяетъ даже пощипать себя. Собаки подаются все болѣе и болѣе впередъ; волкъ же, замѣтивъ ихъ возрастающую горячность отступаетъ живѣе и, завлекая ихъ въ запальчивое преслѣдованіе, направляетъ ихъ къ засадѣ; какъ только волки увидятъ, что собаки близко отъ нихъ и отступить не успѣютъ, то немедленно выскакиваютъ изъ засады, производятъ быстрое нападеніе и захватываютъ неосторожныхъ собакъ. Не есть ли это доказательство присутствія тонкой смѣтливости, какъ бы сознательной тактики у волковъ? Живя въ деревнѣ, не трудно замѣтить это въ сумерки, entre chien et loup.

—

О ВОСПИТАНІИ ЩЕНКОВЪ ВООБЩЕ ВСѢХЪ ПОРОДЪ СОБАКЪ.

Воспитаніе щенковъ — разумѣя здѣсь болѣе выкармливанье ихъ и тѣ заботы, которыя должны направляться на то, чтобъ щенокъ, смотря по породѣ его, могъ выполнять впослѣдствіи всѣ требованія по природному назначенію породы—должно заключаться въ слѣдующемъ: 1) сбереженіе отъ уродливости; 2) соблюденіе чистоты, оберегающей щенковъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней, какъ напримѣръ, отъ забозки и другихъ; 3) стараніе, чтобы щенокъ, напримѣръ, борзой, или гончій, получалъ при выкормкѣ свою рослость; 4) чтобы щенки не были угрюмы, дабы впослѣдствіи, поступая въ настоящее дѣло, были бы вѣжливы, а главное, гончія умѣли бы ходить на смычкахъ, а борзыя знали бы свору и тому подобныя охотничьи требованія. Не вдаваясь въ мелкія подробности, вообще скажемъ объ выкармливаніи щенковъ всѣхъ породъ собакъ, и начнемъ съ самой первоначальной заботы объ нихъ, а именно, съ того времени, когда сука еще щенна. Надобно имѣть во вниманіи, если желаютъ взять какой-либо пометъ отъ суки, чтобы сука, въ послѣдній періодъ ношенія щенятъ въ утробѣ, была какъ можно лучше кормлена и сберегаема отъ ударовъ; даже за провинность нужно съ нея мягче взыскивать и не бить чѣмъ попало. Впослѣдствіи, когда она помечетъ щенятъ, то кормленіе суки должно еще болѣе усугубиться. Если великъ пометъ, то лучше часть щенковъ забросить, или подложить подъ другую кормилицу, оставивъ щенковъ поменьше: можно надѣяться, что они будутъ сильнѣе, рослѣе и не испортятъ свою мать. Далѣе остается ожидать, когда они станутъ сами уже приниматься за кормъ, то исподоволь подкармливать ихъ молокомъ, и такимъ порядкомъ продолжать до тѣхъ поръ, покуда они начнутъ совершенно хорошо ѣсть сами собой. Тутъ весьма строго уже нужно наблюдать за тѣмъ, чтобъ не накармливать щенка до-сыта, ибо это поведетъ къ тому, что щенокъ, когда онъ наѣдается много, то постоянно лежитъ, отчего кривѣютъ у нихъ ноги, что, кромѣ уродливости собаки, борзымъ еще и вредитъ впослѣдствіи въ скачкѣ, а главное, нарушаетъ эту благопристойность и кар-

тинный видъ борзой собаки, у которой чѣмъ лучше ноги, тѣмъ болѣе красоты и болѣе надежды на ея рѣзвость.

Давая почаще, но поменьше ѣсть щенкамъ, нужно съ ними ходить прогуливаться хотя два раза въ день, и лучше всего по росамъ, то есть поутру и ввечеру; ибо роса имѣетъ какое-то особенное благодѣтельное вліяніе и на ноги щенковъ, которые всегда свѣжѣютъ и растутъ лучше, когда съ ними наблюдаютъ подобныя прогулки. Свѣжій воздухъ и хорошій кормъ суть лучшія ручательства при взращиваніи щенковъ. Возрастивъ ихъ мѣсяцевъ до семи, нужно ихъ шутя пріучать: борзыхъ къ сворамъ, гончихъ къ смычкамъ и послѣднихъ къ слушанію различныхъ позывовъ охотничьихъ роговъ, такъ-что, занимаясь ими хотя по малости въ день, впослѣдствіи времени, при поступленіи ихъ въ дѣйствительную работу, они не заставятъ доѣзжачихъ и стремянныхъ расправлять много разъ свои арапники, чтобъ вразумлять ихъ настоящей службѣ мѣрою строгою и не совсѣмъ пріятною для охотника, который всегда болѣе наклоненъ ласкать собаку, чѣмъ бить ее даже за провинность.

Болѣзни щенковъ должны лечится съ осторожностью, и въ этомъ случаѣ нужно предоставлять болѣе произволу, чѣмъ слѣдовать изыскапнымъ наставленіямъ самаго леченія. Но вообще можно сказать, что если кормятъ хорошо щенковъ, разумѣя здѣсь пищу, приготовляемую изъ свѣжихъ и сытныхъ припасовъ, и щенки воспитываются на чистомъ воздухѣ, имѣя притомъ просторную выгулку, то рѣдко когда пристаетъ къ нимъ такъ называемая чума, — болѣзнь, опустошающая иной разъ цѣлыя охоты и уничтожающая даже осенистыхъ собакъ.

Относительно же пометовъ можно сказать, что лучшій изъ нихъ есть весенній; ибо онъ дозволяетъ выполнить всѣ требованія при воспитаніи щенковъ, какъ-то: щенки могутъ быть всегда на воздухѣ, можно съ ними ходить по росамъ и тому подобное, тогда-какъ щенкамъ осеннимъ предстоятъ холода и другія извѣстныя охотникамъ неудобства. Выкормленныхъ щенковъ раньше года не должно брать въ настоящее дѣло.

Сказанное о борзыхъ и гончихъ щенкахъ, какъ труднѣйшихъ къ выкормкѣ, можно разумѣть и о выкармливаніи другихъ вообще породъ щенковъ.

—

ЛУЧШІЯ ПОСОБІЯ ОТЪ ЧУМЫ У СОБАКЪ.

Чума, столь ужасная болѣзнь между собаками и имѣющая такое множество видовъ, еще ни кѣмъ не изслѣдована до точности, и самыя строгія и глубокія познанія ветеринаріи едва ли иногда успѣваютъ вылечивать собакъ, пораженныхъ чумою. Охотники, не бывъ свѣдущи теоретически въ леченіи собакъ отъ такъ называемой ими чумы, лечатъ ее по-своему и притомъ различно, такъ что нельзя именно указать на какое-либо средство отъ чумы и назвать его вѣрнѣйшимъ и лучшимъ лекарствомъ. Такъ сѣрный цвѣтъ, глауберова соль, березовый уголь, чемерица, крапивное сѣмя, уксусъ, сѣнная труха и другія въ этомъ родѣ средства, суть наиболѣе употребляемыя охотниками лекарства отъ чумы у собакъ.

Причину же чумы между собаками нужно полагать, во 1) дурное содержаніе собакъ; 2) чѣмъ собакъ больше вмѣстѣ и притомъ если онѣ въ тѣснотѣ помѣщаются, тѣмъ чаще является эта болѣзнь между ними; 3) излишнее изнуреніе собакъ, во время отъѣздовъ частыми охотами, также иногда порождаетъ чуму, и тому подобное.

Изложивъ кое-что объ чумѣ и объ трудностяхъ вылечивать собакъ, пораженныхъ чумою, а въ особенности, если она является на большихъ псарняхъ, мы скажемъ теперь, едва ли не лучшее и вѣрнѣйшее средство спасать отъ окончательнаго ею опустошенія; а именно: если чума явится на псарнѣ, то не нужно медлить и выбирать собакъ, заболѣвшихъ чумою, и, отдѣляя ихъ, заботиться объ вылеченіи

только больныхъ собакъ, но тотчасъ же размѣстить всѣхъ по разнымъ мѣстамъ и, по возможности, отдаленнѣе другъ отъ друга; ибо это уже испытано, что нужно только заболѣть двумъ или тремъ собакамъ на псарнѣ, чтобъ видѣть страшное впослѣдствіи опустошеніе и уничтоженіе съ дворомъ псаренныхъ цѣлыми десятками едва ли не лучшихъ и дорогихъ собакъ. Чума даже воздухомъ переносится съ одного мѣста на другое, если они не слишкомъ отдалены одно отъ другого, и потому въ сосѣдствѣ двѣ псарни располагать не удобно.

Размѣщенныхъ собакъ врозь нужно лечить болѣе очистительными средствами, и давать полную имъ свободу; ибо можно сказать, не ошибаясь, что ни одно изъ домашнихъ животныхъ такъ хорошо не лечитъ само себя, какъ собака, у которой цѣлебность языка уже доказана на опытѣ; притомъ травы, которыя вредны или полезны для собаки, весьма хорошо ей извѣстны.

Конечно, одна роскошь заставляетъ устроивать богатѣйшія псарни и держать на нихъ по сотнямъ иногда самыхъ дурныхъ собакъ, и испытывать въ то же время ужаснѣйшія опустошенія, производимыя чумою. Но лучше нѣтъ, какъ держать поменьше, да на просторѣ, на свободѣ собакъ, которымъ золотая волюшка дороже и полезнѣе всего и не доведетъ до непріятности лишиться иногда дѣдовской породы собакъ. Мы болѣе разумѣемъ здѣсь борзыхъ собакъ, которыя гораздо нѣжнѣе и слабѣе гончихъ и, въ случаѣ чумы, всегда борзыхъ болѣе пропадаетъ чѣмъ гончихъ; а потому гончихъ можно еще держать вмѣстѣ на псарнѣ цѣлыми стаями, но борзыхъ мы бы совѣтовали, раздѣливъ по-сворно, раздавать стремяннымъ по домамъ, и тѣмъ спасать ихъ и отъ чумы и пріобрѣтать еще важнѣйше другую выгоду—вѣжливость собакъ и точное знаніе своихъ стремянныхъ, которымъ на полѣ не придется много хлопотать, чтобъ приманить къ себѣ спущенную со своры борзую.

—

ПРИМѢРНЫЙ СОСТАВЪ ПСОВОЙ ОХОТЫ И СПОСОБЪ СОДЕРЖАНІЯ ЕЯ.

Разрѣшеніе вопроса относительно состава псовой охоты будетъ зависѣть отъ различныхъ обстоятельствъ: 1) отъ способа края относительно средствъ содержанія охоты, 2) отъ мѣстности и 3) отъ самаго образа охоты (полеванье) жителей тѣхъ странъ, гдѣ охоты заводятся. Не вдаваясь въ излишнее изложеніе и разъясненіе обозначенныхъ здѣсь пунктовъ, такъ какъ частію уже это описано нами въ статьѣ *Охота* (полеванье имѣетъ свою тактику), мы, для примѣра, возьмемъ среднюю мѣстность и способы къ содержанію охоты среднія. Подъ названіемъ средней мѣстности мы разумѣемъ ту мѣстность, гдѣ охота можетъ быть производима съ гончими и борзыми; а средніе способы къ содержанію охоты выражаютъ умѣренность цѣнъ на продовольствіе лошадей и собакъ.

Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ равно удобно охотиться и съ гончими и съ борзыми, стая гончихъ изъ двадцати смычковъ весьма достаточна; а борзыхъ, по пропорціи, въ половину противъ числа гончихъ весьма даже изобильно, такъ что числомъ 40 гончихъ и 20 борзыхъ, а людей для ѣзды съ гончими 6 человѣкъ и 5 человѣкъ стремянныхъ составятъ охоту весьма удовлетворительную, къ тому же, по числу людей, положивъ на каждаго по верховой лошади, будетъ 11 лошадей и 4 для завода, всего 15, и того: 40 гончихъ, 20 борзыхъ, 6 доѣзжачихъ, 5 стремянныхъ, 15 верховыхъ лошадей,—суть главнѣйшія части, изъ которыхъ должна составиться охота. Для большой полноты охоты требуются еще тенета, которыхъ 20 крылъ весьма достаточно; на 20 крылъ тенетъ нужно по крайней мѣрѣ имѣть человѣкъ 7 тенетчиковъ; ибо, въ случаѣ волчьихъ осоковъ, можно добыть людей подъ тенеты, которымъ семь человѣкъ настоящихъ свѣдущихъ тенетчиковъ въ состояніи будутъ и помочь и показать какъ слѣдуетъ подвѣшивать тенеты.

Теперь, для большаго соображенія при заведеніи охотъ и способа содержанія ея, не мѣшаетъ показать сколько нужно овса, сѣна и соломы для лошадей, и сколько положить для корма собакъ овсяной муки и соломы для подстилки. 3 гарнца овса и 20 фунтовъ сѣна весьма достаточ-

но для содержанія охотничьей верховой лошади, и гарнецъ овсяной муки для одной собаки даже изобильно; подстилки для лошади 4 фунта, а для собаки 2, также весьма достаточно. Теперь остается желающему завести у себя охоту высчитать, соображаясь съ мѣстными цѣнами на продовольствіе лошадей и собакъ, сколько это все будетъ стоить, потомъ прибавить къ этому сколько содержаніе, обмундированіе и вооруженіе людей обойдется. Къ сему еще должно и присовокупить заведеніе сѣдѣльнаго охотничьяго прибора.

Словомъ, опредѣленнаго итога выставить нельзя, ибо это зависитъ отъ многообразныхъ обстоятельствъ; и цѣль изложенія этой статьи заключается въ томъ, чтобъ выставить только главныя данныя, могущія служить основаніями при заведеніи охоты.

—

ЛУЧШЕЕ ВООРУЖЕНІЕ ПСОВЫХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Къ необходимому вооруженію псовыхъ охотниковъ можно отнести слѣдующее: кортикъ, или охотничій ножъ, арапникъ, и въ иныхъ охотахъ употребляемыя нагайки, къ концамъ которыхъ укрѣпляютъ пули, или вообще металическіе отливы. Кромѣ этого, во время охотъ на волковъ, медвѣдей, лосей, тетеревковъ, вооружаютъ колотушками, рогатинами и также особыми еще ножами. Но та охота еще не совершенно вооружена, гдѣ охотникамъ дается это только оружіе; ибо бываютъ иной разъ случаи, гдѣ въ ружьѣ встрѣчается весьма большая надобность; такъ напримѣръ: кинувъ гончихъ въ островъ, вдругъ неожиданно натекутъ на медвѣдя, остановятъ его; доѣзжачіе приспѣютъ,—и что съ нимъ сдѣлаютъ безъ пули? Вотъ тутъ и въ подобныхъ случаяхъ ружья драгоцѣнны. Поэтому псовые охотники тамъ лучше вооружены, гдѣ, кромѣ высчитаннаго необходимаго оружія, даются на охоту имъ еще и ружья; ружья эти должны быть легки, коротки и, если можно, двухствольныя.

—

УСТРОЙСТВО ПСАРЕННЫХЪ ДВОРОВЪ.

При устроиваніи псаренныхъ дворовъ необходимо имѣть во вниманіи слѣдующее: 1) расположеніе означенныхъ дворовъ; 2) необходимыя помѣщенія для собакъ; 3) принадлежности для кормленія собакъ и 4) устройство половъ въ разныхъ дворахъ псарни.

Псарни лучше всего располагать отдѣльно отъ жилыхъ мѣстъ, и если возможно, то окружать ихъ деревьями, для лучшаго очищенія воздуха.

Къ необходимымъ помѣщеніямъ для собакъ при устрованіи псаренъ, можно отнести слѣдующее: 1) отдѣленія, гдѣ должны собаки спать; 2) чистый дворъ для прогулки ихъ; 3) черный дворъ для отправленія нуждъ, и 4) денники, для дневальныхъ охотниковъ; также должно быть еще особое строеніе, для того, чтобъ, въ случаѣ леченія собакъ отъ болѣзней, можно было бы ихъ тамъ помѣщать. Такъ какъ въ псовой охотѣ два главнѣйшіе рода собакъ: борзыя и гончія, то для каждаго рода собакъ должны быть свои отдѣльныя помѣщенія; итого выйдетъ: два отдѣленія для спаленъ, два денника, два чистыхъ и два черныхъ двора; кромѣ этого, должна быть устроена особая поварня для приготовленія корма собакамъ.

Къ принадлежностямъ для кормленія собакъ относятся: деревянныя корыта, которыхъ для стаи гончихъ должно быть по крайней мѣрѣ два, а для борзыхъ достаточно бываетъ и одного; надъ корытами должны быть устроены деревянные навѣсы, чтобы простуживаемый кормъ собакамъ не могъ въ непастную погоду разводиться дождевой водой.

Касательно устройства половъ на псаренныхъ чистыхъ дворахъ, можно положить общимъ правиломъ, чтобъ они были не досчатые, а если щегольство иныхъ и заманиваетъ, то устроивать ихъ въ родѣ шоссе и, для опрятности, посыпать пескомъ. Деревянные полы на псарняхъ, хотя способствуютъ къ большему содержанію ихъ въ опрятности, но за то жестоко и вредятъ собакамъ. Извѣстно, что здоровость ногъ у собаки борзой, или гончей, есть ея главнѣйшее достоинство для полевой работы; между тѣмъ, опытомъ дознано, что собака, ходя безпрестанно по деревянно-

му полу, теряетъ чувственность въ мякоти ногъ и страдаетъ часто отъ того разбитостью ногъ.

И вотъ, все, что можно изложить для руководства при устроиваніи псарень!

—

ТЕРМИНОЛОГІЯ ПСОВОЙ ОХОТЫ.

Всякая наука, всякое ремесло имѣютъ свою технику, свои выраженія, и, кажется, какъ бы для того, чтобы рѣзче обозначить свою отдѣльность, самостоятельность, свое единство. Такъ и охота, хотя не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ наукой, ибо служитъ болѣе удовольствіемъ, чѣмъ пользой, но имѣетъ также свои выраженія, свою терминологію.

Терминологія языка охотничьяго не вычурна, не замысловата; всякое слово рѣзко, кратко и въ иныхъ случаяхъ удивительно какъ краснорѣчиво для сердца охотника, въ особенности же, если разговоръ охотниковъ происходитъ на самомъ полѣ ихъ побѣдъ. Чтобы имѣть какую либо систему въ изложеніи терминовъ, наиболѣе употребляемыхъ въ большихъ и стройныхъ охотахъ, мы постараемся распредѣлить ихъ по частямъ рѣчи, не наблюдая притомъ алфавитнаго ихъ старшинства. И такъ, начнемъ съ именъ существительныхъ и съ должностей охотничьихъ:

Доѣзжачій. — Лучшіе изъ охотниковъ, ѣздящихъ съ гончими собаками, называются этимъ именемъ. По мастерству и знанію въ охотѣ съ гончими, ихъ раздѣляютъ на старшихъ и младшихъ.

Стремянный — охотникъ, ѣздящій съ борзыми на полѣ. Стремянныхъ тоже раздѣляютъ на старшихъ и младшихъ.

Обысотчикъ, Вабельщикъ. — При всякой охотѣ имѣются особые люди, умѣющіе выть по-волчьи, или вабить ихъ, также обкладывать волковъ и медвѣдей. Эти люди, если ѣздятъ за волками, называются вабельщиками (*), а если отыскиваютъ медвѣдей, то-обысотчиками.

(*) Также волкогудами.

Тенетчикъ — охотникъ, имѣющій назначеніе быть съ тенетомъ, или тѣми сѣтями, которыми ловятъ волковъ, лисицъ, или даже зайцевъ.

Наварщикъ — приготовляющій кормъ собакамъ.

Выжлятникъ, отъ слова выжлецъ, или выжловка. У охотниковъ гончій кобель называется выжлецомъ, а гончая сука—выжловкой.

Степь — спина у борзой собаки.

Колодка — корпусъ собаки, кромѣ ногъ, головы и хвоста.

Правило — хвостъ у борзой собаки.

Счепецъ — морда у борзой.

Гонъ — хвостъ у гончей.

Труба — хвостъ у лисицы.

Полѣно — хвостъ у волка.

Тенето — сѣть, въ которую ловятъ звѣрей.

Осокъ — часть лѣса, въ которой полагается захватить волковъ, или медвѣдя.

Берлога — мѣсто, гдѣ лежитъ медвѣдь.

Островъ — лѣсъ, въ которомъ охотятся со псовой охотой.

Логово — мѣсто, гдѣ лежитъ заяцъ.

Сметка — тотъ прыжокъ въ сторону съ направленія прежняго слѣда, который дѣлается зайцемъ, или другимъ звѣремъ, для замаскированія настоящаго своего логовища и слѣда, первоначально обозначеннаго четырьмя лапами.

Маликъ — заячій слѣдъ.

Парыскъ. — Всякій слѣдъ хищнаго звѣря по слѣду зайца, съ цѣлью выслѣдить его, называется *парыскомъ*.

Сырецъ — сырое мясо, которымъ кормятъ собакъ въ холода.

Притрава — пища изъ мяса, или чего другого, положенная для приманки хищныхъ звѣрей.

Капканъ — желѣзный механизмъ, въ который ловятъ звѣрей.

Перелѣтокъ — перегодовавшій молодой волкъ.

Русакъ — сѣрый заяцъ.

Бѣлякъ — бѣлый заяцъ.

Тумакъ — помѣсь бѣляка съ русакомъ.

Зміевка — лисица, живущая въ бурьянѣ, въ степи.

Еловка — лисица, живущая въ хвойномъ лѣсу.

Березнячка — лисица, живущая въ лиственномъ лѣсу.

Стервятникъ — медвѣдь, питающійся преимущественно мясомъ.

Овсянникъ — медвѣдь, питающійся овсомъ.

Муравейникъ — медвѣдь, питающійся муравьиными яицами.

Арлекинъ — гончая, имѣющая шерсть черную съ бѣлыми пятнами, и глаза бѣлые, въ родѣ оловянныхъ.

Кличка — названіе собаки.

Пометъ — число дѣтенышей, которыхъ раждаетъ сука.

Выводокъ — семейство волчье, или другихъ звѣрей.

Поле. — Выѣздъ на охоту, выражается охотниками выѣхать на поле.

Напускъ. — Пустить гончихъ въ лѣсъ, значитъ, сдѣлать напускъ.

Стая. — Число гончихъ, существующее въ какой либо охотѣ, называется *стаей.*

Позывъ — сигналъ на охотничьемъ рогѣ.

Свора — ремень, на которомъ держатъ стремянные борзыхъ; а также и число борзыхъ, взятое на поле однимъ стремяннымъ, называется *сворой.*

Смычекъ. — Два ошейника, соединенные овально желѣзными кольцами, на которыхъ водятъ попарно гончихъ, называются *смычкомъ*; также и пара гончихъ называются *смычкомъ.*

Торока — къ охотничьему сѣдлу прикрѣпляются два ремешка, которыми привязываются къ сѣдлу затравленные звѣри, и эти ремешки называются *тороками.*

Тропа — постоянный слѣдъ въ лѣсу, по которому одинъ заяцъ скачетъ за другимъ.

Отъѣздъ. — Выѣздъ охоты съ мѣста пребыванія, съ цѣлью охотиться продолжительно и на дальное разстояніе, называется *отъѣздомъ* охоты.

Пороша. — Выпавшій снѣгъ съ вечера, или подъ утро, по которому замѣтенъ слѣдъ всякаго звѣря, жировавшаго почью, въ наступившій за тѣмъ день называется *порошей.*

Настъ. — Кора на поверхности снѣга, образующаяся послѣ оттепели, называется *настомъ.*

Чутье — носъ у гончей собаки.

Вощокъ — верхняя часть носа у гончей собаки.

Облава — окруженіе людьми части лѣса съ цѣлью выгнать звѣрей на выстрѣлы охотниковъ, или вогнать ихъ въ тенеты.

Полеванье. — Производить охоту въ лѣсу, или охотиться на поляхъ, называется *полеваньемъ*.

Пастовикъ. — Первый молодой заяцъ, называется *пастовикомъ*.

Мартовикъ — молодой заяцъ, появляющійся въ мартѣ мѣсяцѣ.

Подкопеновикъ — молодой заяцъ, родившійся въ то время, когда хлѣбъ послѣ жатвы ставятъ въ копны.

Листопадникъ — самый поздній молодой заяцъ, являющійся тогда, когда листъ съ деревьевъ начнетъ опадать.

Черностопъ. — Охотиться до выпаденья снѣга, называется охотиться по *черностопу*.

Лазъ. — Особенный секретный ходъ звѣря къ его жилищу называется *лазомъ* звѣря.

Угонка. — Тотъ моментъ во время скачки борзой за звѣремъ, когда она, догнавъ его, собьетъ съ прямого направленія, выражается охотниками: собака угнала звѣря, или сдѣлала *угонку*.

Рѣзвость. — Прыткость борзой называется ея рѣзвостью.

Вѣжливость. — Послушаніе собаки борзой, или гончей, и знаніе ими настоящаго ихъ дѣла, то есть, что онѣ, вмѣсто звѣря, не бросаются на барановъ, называется вѣжливостью собакъ.

Кидка — особенное достоинство борзой во время скачки ея за звѣремъ, а именно то, когда она, приспѣвая къ звѣрю, вдругъ, словно молнія, рванется къ звѣрю, такъ-что эту быстроту можно измѣрять только мгновеніемъ ока.

Сиротливость. — Уединеніе собаки, ея пугливость въ то время, когда другія собаки ласкаются на псарнѣ къ своимъ охотникамъ, называется *сиротливостью* собаки.

Высвориванье. — Пріученіе собаки ходить на сворѣ, или безъ своры подлѣ лошади, называется ея *высвориваньемъ*.

Наѣздка. — Пріученіе стаи гончихъ стоять смирно подлѣ опушки лѣса, выучиванье молодыхъ гончихъ дружно, стайно гонять вмѣстѣ съ старыми, называется наѣздкою стаи.

Отъемъ. — Отдѣльная часть лѣса, окруженная со всѣхъ сторонъ полями, называется *отъемомъ*.

Перетечка. — Переводъ собакъ съ одного мѣста на другое называется *перетечкою* собакъ.

Паратость. — Быстрота гончихъ, называется *паратостью* ихъ.

Послухи. — При отзываніи волковъ вабельщиками назначаются еще другіе охотники, собственно для прислушиванья, гдѣ начнутъ отзываться волки, и это выражается охотниками—назначать людей на послухи.

Перемычка. — Поляны въ лѣсу, а въ особенности продольныя, называются перемычками.

Забойка — болѣзнь у собакъ, въ родѣ паршей.

Чавкуша — болѣзнь такого вида, когда у собаки идетъ пѣна изъ рта, и она клямкаетъ зубами.

Рубашка. — Цвѣтъ шерсти собачей, называется рубашкой ея.

Подпалина — темная желтизна шерсти у собаки, преимущественно на нижней челюсти.

Псовина — собачья шерсть.

Узирка — то время въ позднюю осень, когда зайцы-бѣляки совершенно выцвѣтутъ, то есть, когда они сдѣлаются совершенно бѣлы и ихъ издали узрѣвать можно.

Мастеръ — передовая гончая собака. Когда стая напущена и, гоня звѣря, собьется съ толку, потерявъ слѣдъ его, то мастеръ, или эта отличная передовая собака, должна поправить дѣло и снова навести на настоящій слѣдъ стаю. Собаки эти до такой степени уважаются другими собаками въ стаѣ, что лишь только мастеръ подастъ голосъ, то прочія гончія тотчасъ къ нему опрометью мчатся, бывъ увѣрены, что попусту мастеръ тявкать, или лаять, не станетъ.

Садка. — Травля изъ звѣринца звѣрей, какъ-то: зайцевъ, лисицъ, волковъ, называется *садкой*.

Глаголы языка охотничьяго.

Напѣжать — пріучать стаю гончихъ гнать дружно и вѣрно по звѣрю и слушаться рога, въ случаѣ вызова гончихъ съ острова.

Возрѣться — дать замѣтить собакѣ борзой звѣря, котораго хотятъ травить.

Угнать — сбить звѣря съ прямого его пути, если онъ уходитъ отъ собакъ.

Перескакать — перенять звѣря на пути.

Травить — напускать собакъ на звѣря съ цѣлью уничтожить его.

Улюлюкать — значитъ травить краснаго звѣря, или вообще хищнаго пушистаго звѣря: лисицу, волка, медвѣдя.

Сбить — говорится при томъ случаѣ, когда напущенная стая не вѣрно погонетъ по звѣрю, то, чтобъ собрать ее снова, говорятъ: сбей гончихъ, то есть, собери ихъ снова и наведи на слѣдъ звѣря.

Напустить — значитъ пустить гончихъ въ лѣсъ.

Рыскать — собака рыщетъ тогда, когда она пріискиваетъ сама слѣдъ звѣря.

Съѣзжать. — Ѣхать по слѣду звѣря съ цѣлью выслѣдить его, значитъ *съѣзжать* звѣря.

Доѣзжать. — Ѣхать по слѣду до самаго мѣста, гдѣ звѣрь лежитъ, или лежалъ, значитъ *доѣзжать* звѣря.

Атутукать — травить зайца.

Помкнуть. — Когда гончія, напавъ на слѣдъ звѣря, вдругъ его угонятъ изъ виду, значитъ гончія *помкнули* по звѣрю.

Смигать — потерять изъ виду звѣря.

Раскидать. — Когда стая гончихъ, погнавъ по звѣрю, хитростью его будетъ обманута, и вмѣсто того, чтобъ дружно гнать, станетъ въ разбродѣ пріискивать его, отзываясь то тамъ, то самъ, значитъ звѣрь раскидалъ, разстроилъ стаю.

Сколоться. — Когда гончія собаки собьются съ толку во время гоньбы, значитъ—*скололась* стая.

Скинуться. — Прыжокъ въ сторону, сдѣланный звѣремъ съ его прямого направленія, съ цѣлью замаскировать свой прежній слѣдъ, съ тѣмъ, чтобъ лечь въ свое логово, охотниками выражается, что звѣрь скинулся.

Высворивать — пріучать собаку ходить на сворѣ подлѣ лошади.

Торочить — привязывать къ сѣдлу на охотѣ затравленнаго звѣря.

Посадить. — Травить пойманныхъ зайцевъ, лисицъ или волковъ съ цѣлью или пріучать собакъ къ травлѣ, или видѣть сравнительную ихъ рѣзвость, говорится по-охотничьи: посадить звѣрей, или сдѣлать садку.

Ввалиться. — Когда волкъ попадется въ тенеты, значитъ волкъ ввалился.

Притравливать — пріучать собакъ брать звѣря.

Вывалиться — выпутаться изъ тенетъ.

Перебираться. — Звѣрь или собака *перебирается*, когда сбрасываетъ одну шерсть и одѣвается другою.

Осѣтиться — запутаться въ тенетахъ.

Выцвѣтать. — Звѣрь выцвѣтаетъ, когда сбрасываетъ лѣтнюю шерсть и одѣвается зимнею.

Метать — сука мечетъ щенковъ, или сука раждаетъ щенковъ. Глаголъ *метать* говорится еще охотниками и въ другомъ случаѣ, а именно при охотахъ съ тенетами, когда вмѣсто того, чтобъ сказать: разбирай тенеты и подвѣшивай ихъ, говорятъ: *мечи тенеты.*

Сомкнуть. — Разобрать гончихъ попарно на смычки, говорится *сомкнуть гончихъ.*

Сострунить. — Завязать веревкой морду волку, лисицѣ или медвѣдю, значитъ *сострунить звѣря.*

Сторожить. — Собака сторожитъ, когда она, сидя подлѣ лошади на охотѣ, переводитъ ушами, или, поднявши уши стоя, глядитъ, не побѣжитъ ли звѣрь.

Протравить. — Спущенныя со своры борзыя въ скачку за звѣремъ, если не поймали его, значитъ *протравили звѣря.*

Причуять. — Когда собака гончая своимъ обоняньемъ разберетъ слѣдъ звѣря, значитъ она *прочуяла* его.

Обложить.—Обозначить мѣсто логовища звѣрей, обойденныхъ или объѣханныхъ кругомъ, значитъ *обложить звѣря.*

Сваливаться. — Если гончія собаки, гнавшія звѣря въ острову въ разбродѣ, вдругъ соединятся въ одну дружную массу, значитъ *гончія свалились.*

Мастерить. — Собака мастеритъ, когда умничаетъ на охотѣ по-своему, отступая отъ правилъ, предписываемыхъ ей тактикой охоты.

Перечить. — Гнать на перерѣзъ, или скакать на перерѣзъ (разумѣя въ первомъ случаѣ гончую, а во второмъ борзую), значитъ собака *перечитъ*, и это составляетъ дурную рекомендацію собаки, и ненавидимо охотниками.

Подбиться — Если собака устанетъ во время переходовъ охоты съ одного мѣста на другое, значитъ она *подбилась.*

Привалять — пріучать собакъ брать волка, или медвѣдя.

Прилагательныя.

Матерый — говорится при томъ случаѣ, когда звѣрь не молодъ уже и притомъ крупенъ.

Прибылой. — Вообще молодой звѣрь называется *прибылыть.*

Чернопѣгій. — Собака, имѣющая шерсть бѣлую съ черными пятнами, называется *чернопѣгою.*

Чубаропѣгій — собака, имѣющая шерсть въ родѣ тигровой.

Половой — собака, покрытая шерстью блѣдножелтою.

Каурый — цвѣтъ рубашки собачей, когда она яркожелта.

Псовый. — Собака, имѣющая длинную шерсть, называется *псовою.*

Чистопсовый. — Русская борзая собака, имѣющая шерсть гладкую, называется *чистопсовою.*

Густопсовый. — Борзая собака, имѣющая длинную и густую шерсть, именуется *густопсовою.*

Прямостепая — собака, имѣющая спину ровную.

Лещеватый. — Сухощавая, не откармливающаяся собака, называется *лещеватою.*

Нарѣчія (по смыслу языка охотничьяго).

Навзрячь. — Собаки гончія гонятъ *навзрячь*, когда звѣрь у нихъ передъ глазами.

Въ угонъ. — Собака поймала звѣря *въ угонъ*, когда она поймала его съ заду.

По горячему — Называть собакъ на слѣдъ звѣря, тотчасъ пробѣжавшаго, значитъ называть ихъ *по горячему.*

Въ завиткахъ. — Собака *въ завиткахъ*, когда у нея шерсть кудрява.

Въ полазъ. — Собака *въ полазъ*, когда она въ лѣсу рыщетъ.

Междометія.

Ату его — восклицаніе когда травятъ въ даль зайца.

Улюлю — когда травятъ краснаго звѣря.

Ухъ его — когда травятъ изъ-подъ гончихъ зайца, или вообще въ близкомъ разстояніи.

Отрышь — восклицается при томъ случаѣ, когда отбиваютъ звѣря отъ собакъ.

Ара-ра-ра, Ара-ра-ра — называнье на горячаго.

Прилагательныя, неразлучно употребляемыя съ именами существительными.

Красное поле — та охота, когда, кромѣ зайцевъ, затравятъ еще какого-либо изъ пушистыхъ звѣрей.

Красный звѣрь. — Всякій пушистый звѣрь именуется *краснымъ.*

Серебрянный русакъ — тотъ заяцъ изъ русаковъ, который имѣетъ болѣе бѣлизны въ шерсти, чѣмъ обыкновенный сѣрый русакъ.

Золотой русакъ — заяцъ, имѣющій болѣе желтизны, чѣмъ бѣлизны въ шерсти.

Черныя мѣста — наливы мяса на заднихъ ляшкахъ собаки.

Крутой кобель — собака, сложенная сжато.

Слѣпая пороша — когда не совсѣмъ видѣнъ слѣдъ звѣриной по снѣгу.

Пѣшая гончая — та гончая, которая не быстро гонитъ звѣря.

Паратая гончая. — Быстрѣйшія изъ гончихъ называются *паратыми.*

Изложивъ почти всѣ самыя употребительнѣйшія выраженія въ псовой охотѣ, мы не излишнимъ считаемъ упомянуть еще и о кличкахъ, даваемыхъ сабакамъ. Такъ-какъ въ составъ псовой охоты входятъ двѣ главнѣйшія породы собакъ: гончія и борзыя, то гончимъ клички всегда даются такія, которыя соотвѣтствуютъ и ихъ назначенію и самому названію гончихъ. Такъ: *Шумило, Громило, Волторка, Доборка, Флейта, Зажога* и тому подобныя; тогдак какъ борзымъ даются такія, которыя выражаютъ быстроту, лихость, удальство своего рода, напримѣръ: *Ударъ, Стрѣлка, Урывай, Стрѣляй, Летай* и такъ далѣе.

Самыя же драгоцѣннѣйшія выраженія языка охотничья-

го, это суть пословицы, взятыя изъ различныхъ случаевъ охоты. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣкоторыя: *ноги волка кормятъ; волка бояться въ лѣсъ не ходить; блудливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ; онъ старая лисица: его не проведешь; на ловца* и *звѣрь бѣжитъ; съ волками жить— по волчьи выть*, и тому подобныя.

БИБЛІОТЕКА 3го ГРЕНАДЕРС. ПЕРНОВСКАГО П.

2007056766